АКАДЕМИЯ НАУК СССР

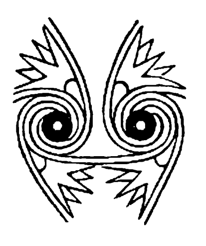
М. Э. МАТЬЕ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
И АТЕИЗМА

М. Э. МАТЬЕ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ

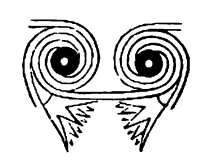


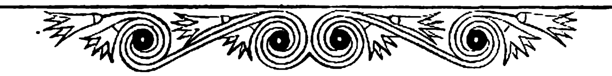
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1956

Ответственный редактор
доктор исторических наук

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ





ВВЕДЕНИЕ

Мифы, слагавшиеся некогда в долине Нила, сохранили нам ценный материал для изучения идеологии древнеегипетского рабовладельческого общества. Они исключительно интересны не только для истории египетской религии, но являются одним из источников для исследования всей культуры Египта. Так, без знакомства с дошедшими до нас записями подобных сказаний мы не сможем составить полной картины египетской литературы, ибо именно мифология была источником ряда литературных произведений. Привлечение мифологического материала необходимо и при исследовании отдельных вопросов истории Египта, в особенности древнейших ее периодов, и для понимания ряда проблем египетского искусства. Как указывал К. Маркс, предпосылкой и греческого и египетского искусства была именно мифология каждого из этих народов, своеобразие которой отразилось и в различии искусств Греции и Египта, — „мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией".[1]

Однако значение египетских мифов этим не ограничивается: они дают ценный материал и для сравнительного изучения религиозных представлений на древнем Востоке, и для исследования идеологии греко-римского мира. Бесспорно значение древнеегипетских мифов и для истории возникновения и развития христианства. Происхождение многих элементов христианской догматики, мифологии, иконографии и ритуала, в том числе пасхальной и рождественской обрядности, иконографии „Страшного суда", богоматери и ряда святых — все это осталось бы непонятным без привлечения соответствующего материала из области истории египетской религии и, в частности, мифов.

Исследование египетской мифологии затрудняется тем, что до нас дошел лишь отрывочный и неполно сохранившийся материал. Несомненно, что известные нам до сих пор сказания составляют незначительную часть тех многочисленных и разнообразных мифов, которые некогда слагались и жили в долине Нила. Более того, во многих случаях мы не имеем даже полных записей и тех сказаний, которые до нас дошли. У нас нет, например, полного текста такого важнейшего сказания, как миф об Осирисе. Равным образом не сохранились полные записи ряда космогонических и солнечных сказаний, не говоря уже о многочисленных легендах, слагавшихся вокруг различных местных культов богов, отдельных святилищ и некрополей.

Трудности изучения египетских мифов, вызываемые неполнотой материала, увеличиваются, с другой стороны, его крайним разнообра-

[1] К. Маркс. Введение к критике политической экономии. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 203.

Причиной возникновения религии является, как известно, бессилие первобытного человека перед грозными для него силами природы. Человек тогда был совершенно подавлен трудностями борьбы с природой за свое существование, и поэтому понятно, что при крайне неразвитом производстве эпохи господства первобытно-общинного строя существовала почти полная зависимость человека от сил природы, которых он не понимал и пытался объяснять их себе фантастическим образом, что и привело к сложению наивных религиозных представлений.[1]

Однако не только силы природы, но очень скоро, еще даже в пределах первобытного общества, в религиозных представлениях „наряду с силами природы, выступают также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с такой же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил".[2] Это положение Энгельса особо им подчеркивается дальше, когда он говорит: „Этот двойственный характер, который впоследствии приобрели образы богов, был причиной возникшей впоследствии путаницы в мифологиях, — причиной, которую проглядела сравнительная мифология, продолжающая односторонне видеть в богах только отражение сил природы".[3]

Развитие производительных сил и производственных отношений, постепенное накопление опыта, освоение технических навыков и изобретений, изменения в общественных отношениях — все это влекло за собой и соответственное отражение в религиозных представлениях. Развитие этих сил, приведшее к тому, что в долине Нила первобытнообщинный строй сменился рабовладельческим государством, в некоторой степени уменьшило зависимость человека от сил природы, но зато оно в еще большей степени связало его растущим социальным гнетом, что и нашло свое выражение в религии.[4] Верования, существовавшие во времена древнеегипетской рабовладельческой деспотии, коренным образом отличались от представлений жителей долины Нила эпохи первобытно-общинного строя. Источники показывают, как в итоге длительного развития, на основе местных культов, сохранившихся и на протяжении всей последующей истории древнего Египта, возникали культы общегосударственные. В руках господствующей рабовладельческой верхушки общества религия стала могучим идеологическим орудием угнетения народных масс и укрепления авторитета этой верхушки и в первую очередь авторитета выразителя ее интересов — фараона, который был провозглашен „сыном по плоти" верховного бога солнца Ра. Всему этому способствовало выделение жречества, появление множества храмов с установившимися ритуалами и сложными богословскими системами.

В образах многочисленных богов отразились теперь уже в иной форме и олицетворения сил природы (табл. I), и олицетворения общественных сил. Взаимоотношения богов строились по примеру взаимоотношений земных. Во главе богов отныне стоит верховное божество,

---

[1] В. И. Ленин. 1) Социализм и религия. Соч., т. 10, стр. 65; 2) Аграрный вопрос и „критика Маркса". Соч., т. 5, стр. 95. — Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 78.
[2] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1951, стр. 299.
[3] Там же, стр. 299, прим. 1.
[4] Там же, стр. 300.

явно отражающее в себе черты земного владыки — фараона. Почитавшиеся в различных центрах Египта боги, сохраняя господствующее значение в своем собственном городе, в то же время получают особые функции в официальном культе верховного божества. Так, бог города Шмуну Тот становится писцом верховного бога солнца Ра, боги Онурис и Гор — его могучими защитниками и т. д. Соответственно изменяются древние мифы и слагаются новые.

Отличительной особенностью египетской религии был культ животных (табл. III—VII, IX, *2*). Многие божества изображались с головами животных или птиц на человеческих телах (табл. IX, *1*, X), в храмах жили „живые боги", считавшиеся священными: животные, птицы, змеи. Таких животных и птиц после смерти бальзамировали и хоронили в особых гробах на специальных кладбищах (табл. VIII). Эту особенность египетской религии следует рассматривать в свете столь характерного для египетской культуры сохранения ряда пережитков таких явлений, которые возникли еще на предыдущих, порой весьма отдаленных этапах общественного развития, что было обусловлено известной застойностью, свойственной древневосточным рабовладельческим обществам. Причины такой застойности были заложены в самих основах хозяйства этих обществ: в областях искусственного орошения, при существовавшем тогда уровне производительных сил, было необходимо применение простейшей кооперации, которая способствовала длительному сохранению косной восточной соседской общины, не дававшей простора для более полного развития производительных сил. По поводу такой именно общины писал К. Маркс: „...трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма".[1]

В свете указанной застойности исторического процесса в древневосточных рабовладельческих обществах становится понятным длительное и при этом действенное сохранение в идеологии рабовладельческого Египта ряда пережитков родовой идеологии, разумеется, в измененном виде. Мы находим здесь сохранение культа предков, культов фетишей, животных, растений и т. п., причем длительность сохранения подобных, подчас грубо примитивных представлений в верованиях рабовладельческого Египта, так же как аналогичных явлений в культуре Индии, находит свое объяснение в указанных выше особенностях хозяйства страны: „...эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма... они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия... они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств... они... создали грубый культ природы, унизительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой".[2]

Особое место занимал в древнеегипетской религии культ бога Осириса, божества, олицетворявшего силы природы, дарующего людям бессмертие, владыки загробного царства. Широкое распространение культа Осириса с его учением о загробном суде и посмертном воздая-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 501 (письмо Маркса от 14 VI 1853).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Британское владычество в Индии. Соч., т. IX, стр. 351.

ния за земные дела находит свое объяснение в свете определения роли религии в классовом обществе, которое дано В. И. Лениным: „Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования“.[1]

Дошедший до нас материал по древнеегипетской мифологии изучен все еще недостаточно и к тому же неравномерно.

В зарубежной египтологической литературе исследователь египетских мифов найдет немало работ. Содержание многих мифов изложено в общих трудах по истории Египта и по истории египетской религии, например в ценной по собранному в ней большому и разнообразному материалу сводной работе А. Эрмана по религии древнего Египта,[2] в исследовании Г. Жекье, содержащем интересные очерки по отдельным культам,[3] в общей работе по истории египетской религии Ж. Вандье[4] и др. Отдельно следует упомянуть весьма полезную энциклопедию по истории египетской религии, составленную Х. Боннетом, которая дает основной фактический материал и литературу по разнообразному материалу, касающемуся египетской религии.[5]

Наряду с работами общего характера имеются и исследования отдельных мифов, а также ряд монографий и статей, касающихся вопросов, связанных с мифологией древнего Египта или содержащих материал, важный для ее изучения. Примером могут служить книги К. Зетэ, посвященные изданию Текстов Пирамид[6] и религиозных драм,[7] работа Х. Юнкера, в которой последний, в итоге длительных изысканий, восстановил из отдельных фрагментов интересное и очень важное сказание о возвращении богини Хатор-Тефнут из Нубии,[8] работы А. Морэ, Х. Кееса и др.[9] Для изучения египетских мифов до сих пор сохраняют известное значение работы крупнейшего французского египтолога Г. Масперо, ценные по обилию фактических сведений и интересных наблюдений, основанных на прекрасном знании автором всего известного в его время материала, многое из которого он сам впервые и открыл для науки.[10]

---

1 В. И. Ленин. Социализм и религия, стр. 65.

2 A. Erman. Die Religion der Ägypter. Berlin, 1934.

3 G. Jéquier. Considérations sur les religions égyptiennes. Neuchatel, 1946.

4 J. Vandier. La religion égyptienne. Paris, 1944. Я не касаюсь устаревших работ Х. Бругша, В. Макса Мюллера и др. Некоторое значение продолжает сохранять материал, собранный Р. Ланцоне: R. Lanzone. Dizionario di mitologia egizia, tt. 1—2. Torino, 1881—1885.

5 H. Bonnet. Reallexicon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952.

6 См. стр. 6.

7 K. Sethe. Dramatische Texte zu altägyptischen Mysterienspielen, I—II. Leipzig, 1928.

8 H. Junker. Auszug der Hathor-Tefnut aus Nubien. Berlin, 1911.

9 Эти работы, равно как и работы других авторов, будут указаны ниже.

10 Например, собрание статей: G. Maspero. Etudes de mythologie et d'archéologie égyptiennes, 1—7. Paris, 1893—1913.

Однако значение большинства зарубежных работ, посвященных вопросам истории древнеегипетской религии в целом и мифам в частности, ограничивается сообщаемыми в них ценными фактическими сведениями, так как методологические взгляды их авторов не позволяют последним построить четкую и убедительную картину развития религиозных представлений в древнем Египте. В качестве причин появления мифов приводятся лишь попытки первобытного обитателя долины Нила как-то осмыслить различные явления природы, отражение же социальных сил в сложении мифов либо не указывается вовсе, либо сводится в лучшем случае к упоминаниям о наличии в египетском пантеоне такого же царя или такого же везира, какие были в египетском государстве. Основным недостатком предлагаемых в указанных работах построений является то обстоятельство, что авторы их не учитывают закономерности развития человеческого общества в долине Нила от эпохи первобытно-общинного строя к образованию рабовладельческого государства и дальнейшего развития общественных отношений уже в пределах этого государства. В итоге работы страдают антиисторичностью, и не удивительно, что попытки проследить пути возникновения того или иного мифа чаще всего ограничиваются спорами о том, существовали или нет в отдаленнейшие времена в долине Нила „царство Осириса", „царство Гора" или „царство Сета", или же равно бесплодными рассуждениями о том, откуда „пришли" в Египет „поклонники Осириса" или „поклонники Сета", которые, как предполагают авторы подобных высказываний, якобы принесли с собой еще в тот далекий период „додинастического" (следовательно, доклассового) Египта уже сложившиеся культы тех или иных божеств, со всей их обрядностью, мифами и т. д. Каков был характер общественного развития этих „пришедших" человеческих коллективов или как могли существовать различные „царства" богов при господстве первобытно-общинных отношений, — авторов не интересует.[1]

Безразличное отношение к вопросам исторического хода развития общества приводит к тому, что подчас возникновение всей египетской мифологии относится полностью к тому периоду, когда в долине Нила уже существовало государство.[2] С другой стороны, встречается и идеализация доклассового общества, которое оценивается как „идеальное время",[3] между тем как несомненно, что трудности существования человека в тех условиях были исключительно велики и, как указывает В. И. Ленин, „никакого золотого века позади нас не было".[4]

Существенным недостатком, также проистекающим из антиисторического подхода, является отсутствие в зарубежных работах учета классовой роли религии как идеологического средства угнетения широких масс эксплоататорской верхушкой, равно как полное отсутствие учета роли классовой борьбы как таковой. В итоге даже полезные и во многом прогрессивные работы оказываются бессильными дать надлежащее объяснение и оценку ряду явлений в истории древнеегипетских рели-

---

[1] См., например: K. Sethe. Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig, 1930; S. Mercer. Etudes sur les origines de la religion de l'Egypte. London, 1949; L. Hornblower. 1) Osiris and his Rites. Man, 1937, 37, стр. 153 и сл., 170 и сл., 199 и сл.; 2) Osiris and the fertility rite. Man, 1941, 41, №№ 70—83, стр. 94—103; 3) The establishing of Osiris. Man, 1945, 45, № 38, стр. 59—63.

[2] S. Schott. Mythe und Mythenbildung im Alten Aegypten. Untersuch. zur Gesch. und Altertumsk. Aegypt., XV, Leipzig, 1945.

[3] J. Vandier. La religion égyptienne, стр. 14.

[4] В. И. Ленин. Аграрный вопрос и „критика Маркса", стр. 95.

гиозных представлений. Примером может служить работа Г. Рёдера о народной религии в древнем Египте.[1] В подходе Рёдера к анализу разбираемых фактов имеется ряд положительных черт. Так, он правильно объясняет возникновение религиозных представлений в долине Нила беспомощностью ее древнейших обитателей перед природой, характеризует, используя данные этнографии примитивных племен, тотемистические представления в Египте эпохи первобытно-общинного строя, останавливается на роли семейных отношений и, в частности, матриархата. Рёдер правильно избегает бесплодных попыток объяснить возникновение тех или иных культов их „привнесением" в готовом виде в Египет. Он показывает, как с развитием общества в долине Нила мелкие, аналогичные по своей сути культы сливались в более крупные, как создавались богословские системы. При этом Рёдер отмечает, что небесный мир складывался по образцу земного египетского государства. Однако поскольку о классовой борьбе в книге Рёдера ничего не говорится, поскольку эксплуатация угнетенных угнетателями совершенно выпала из поля зрения автора, то он и не замечает ни растущего неравенства в родовом обществе, ни реакционной роли религии и жречества. Даже проявления скептического отношения к жреческим учениям Рёдер объясняет тем, что египтянин часто сталкивался с торжеством и безнаказанностью „злых" по отношению к „добрым", что и внушило ему сомнения в справедливости богов.

Авторы ряда работ, как, например, К. Зетэ, не считают необходимым рассматривать и определять характер этапов общественного развития и поэтому совершенно не используют в качестве аналогий этнографический материал, позволяющий в ряде случаев правильно понять некоторые явления египетской религии и, в частности, мифологии. Однако и там, где он используется, авторы обычно не идут дальше некритического следования идеалистической теории первобытной магии Фрезера (таковы интересные по материалу работы Ф. Питри, М. Мэррей, А. Морэ) или же равно некритически принимают какую-либо идеалистическую социологическую схему, например Дюркгейма (тот же Морэ, Вандье).

Между тем, надлежащим образом привлеченный этнографический, так же как и другой сравнительный материал, может иметь большое значение для объяснения таких явлений в истории древних культур, значение которых бывает от нас скрыто либо отрывочностью материала, либо непонятной символической маскировкой, либо по каким-нибудь иным причинам. Разумеется, при сравнительном сопоставлении различных сказаний внимание исследователя должно быть обращено не на внешнее сходство „мотивов", тематики, сюжета, а на выявление идейного сходства сказаний, дающего право сопоставить такие сказания, которые отразили аналогичные явления в жизни данных обществ на аналогичном этапе их исторического развития. Такие аналогии подчас не сразу бросаются в глаза, так как их сюжетное оформление может быть совершенно различным. В качестве примера сошлюсь на сопоставленные ниже аналогичные по идее, хотя внешне, сюжетно совершенно различные отражения в египетской и греческой мифологии такого явления, как перехода от матриархата к патриархату (см. стр. 60).

Выявление подобного рода аналогий вполне закономерно. Вспомним, что „всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы

[1] G. Roeder. Volksglaube im Pharaonenreich. Stuttgart, 1952.

принимают форму неземных".[1] Следовательно, поскольку, как показала марксистско-ленинская теория, закономерность общественного развития обусловила и закономерность последовательного отражения этапов этого развития в идеологии, постольку и сопоставление отражений в идеологии различных народов хода развития и смены аналогичных общественных этапов не только правильно, но и необходимо для выяснения истории возникновения тех или иных мифов.

Русская дореволюционная египтология также внесла значительный вклад в изучение древнеегипетской мифологии. Здесь в первую очередь следует назвать большой труд Б. А. Тураева „История Древнего Востока" (СПб., 1913), где в разделах, посвященных истории египетской религии, автором собраны ценные для изучения мифологии Египта данные и пересказаны, а частично мастерски переведены некоторые мифы. Большое значение имеет и работа Б. А. Тураева по истории древнеегипетской литературы.[2] Интересные сведения имеются и в отдельных статьях Б. А. Тураева и В. С. Голенищева. Особо следует упомянуть монографии Б. А. Тураева и И. М. Волкова, посвященные истории культа Тота и Себека,[3] давшие исчерпывающий для своего времени материал, а также работы А. Л. Коцейовского по переводам Текстов Пирамид и „Плача Исиды и Нефтиды".[4] Однако и дореволюционные работы русских египтологов в своих построениях также не шли дальше выявления отражений в мифах сил природы и некоторых политических событий.

В советской египтологической литературе пути развития египетской религии и, в частности, вопросы, связанные с египетской мифологией, исследовались в ряде отдельных статей, а также нашли свое отражение в учебниках по истории древнего Востока В. В. Струве[5] и В. И. Авдиева.[6] Однако вследствие определенных задач, стоявших перед авторами двух последних работ, вопросы египетской мифологии не могли быть освещены в них достаточно полно.

В отдельных работах[7] и статьях[8] советских египтологов, посвященных тем или иным вопросам, касающимся древнеегипетской мифологии, освещаются причины возникновения ряда мифов, постепенного их развития и изменения в связи с изменениями той конкретной исторической обстановки, в условиях которой они продолжали бытовать в течение всей истории древнеегипетского общества, выявлена классовая роль египетской религии. Следует, однако, отметить, что отдельные выводы в некоторых ранних статьях должны быть пересмотрены, так как подчас изменения в мировосприятии древних обитателей Нила, хотя и правильно объяснялись изменениями в обществе, но рисовались механистически, и единый, сложный и неразрывный в своей сложности процесс постепенного осмысления первобытным человеком окружавшего его мира изображался так, как будто он проходил путем освоения оторванных друг от друга сторон этого мира. Считалось, например, что в древ-

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 299.

[2] Б. А. Тураев. Древнеегипетская литература. М., 1920.

[3] Б. А. Тураев. Бог Тот. СПб., 1898. — И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек. Пгр., 1917.

[4] А. Л. Коцейовский. 1) Иератическая часть берлинского папируса 3008. Призывание Исиды и Нефтиды. СПб., 1913; 2) Тексты Пирамид, т. I. Одесса, 1917.

[5] В. В. Струве. История Древнего Востока. М., 1941, стр. 210—215.

[6] В. И. Авдиев. История Древнего Востока. 1-е изд., М., 1948, стр. 259—260; 2-е изд., М., 1953, стр. 296—297.

[7] В. Недельский и Ю. Францов. Миф о страдающем боге. ОГИЗ—ГАИЗ, 1934. — М. Э. Матье. Мифы древнего Египта. Л., 1940.

[8] Указаны в соответствующих местах данной работы.

нейших охотничьих верованиях якобы никак не отражались представления, связанные с небесными светилами и явлениями. А между тем первобытный человек, даже если он жил собирательством или охотой, не мог не обращать внимания на все, что в окружавшей его природе было связано с небом: на солнце, тепло, свет, мрак, дождь, холод, луну, звезды и пр. При любом характере производственной деятельности человека, будь то собирательство, охота, скотоводство или земледелие, стихийные силы природы имели самое существенное значение для всей его жизни и производственной деятельности, что и вынуждало его к попыткам их осмыслить. Поэтому нет никаких оснований считать космические мифы — мифы о солнце, временах года и т. п. — возникшими лишь на какой-то особой „стадии“ мировосприятия. Другой вопрос — в какой степени эти явления привлекали внимание человека в зависимости от того, каким способом он добывал себе средства к жизни. Поскольку вообще осмысление человеком явлений природы было обусловлено конкретной обстановкой, в которой жил и развивался данный человеческий коллектив, ясно, что представления охотников отличались от представлений земледельцев, а представления земледельцев, искусственно орошавших поля, отличались от представлений земледельцев, урожай которых зависел от дождя. Однако, обращая больше внимания на определенные явления природы, человек не мог не замечать и остальных, а следовательно, не мог не пытаться объяснить себе и этих явлений.

Настоящая работа не ставит своей целью дать полное освещение всей истории древнеегипетской мифологии. Задача ее скромнее — ознакомить читателя с переводами основных, наиболее важных и полно дошедших текстов древнеегипетских мифов и осветить пути возникновения и развития последних, показав, каким образом они отражали представления древних египтян о природе и обществе и в тот период, когда они слагались, и на различных позднейших исторических этапах. Работа распадается на две части: в первой даны очерки трех основных циклов древнеегипетских мифов, а также их значение для египетской религиозной драмы, во второй — переводы всех тех мифов, которые дошли до нас в более полных записях. Автору казалось, однако, нецелесообразным давать полные переводы таких текстов, которые перегружены множеством магических формул или богословских рассуждений и представляют интерес только для узкого круга специалистов. Поэтому те сказания или отдельные их эпизоды, которые сохранились в текстах гимнов или заговоров, приведены с опущением таких строк этих текстов, которые к данному мифу непосредственно не относятся и могли бы только затруднить его понимание. В переводах пропуски соответственно отмечены. Что же касается сказаний, от которых, как уже упоминалось выше, известны до сих пор только отдельные упоминания или отрывочные сведения, то по отношению к ним пришлось ограничиться изложением их содержания в первой части работы; однако и в этих случаях по возможности даны переводы тех немногих сведений, которые от этих сказаний сохранились.

Названий, под которыми даны переводы текстов, в подлинниках нет, равно как нет в подлиннике текста „Спора Гора и Сета“ особых наименований для отдельных эпизодов этого сказания. И то и другое сделано для облегчения понимания текстов.

ГЛАВА I

СКАЗАНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Среди дошедших до нас древнеегипетских мифов большое место занимают сказания о сотворении мира и людей. Эти сказания на первый взгляд могут поразить читателя своим противоречивым разнообразием.

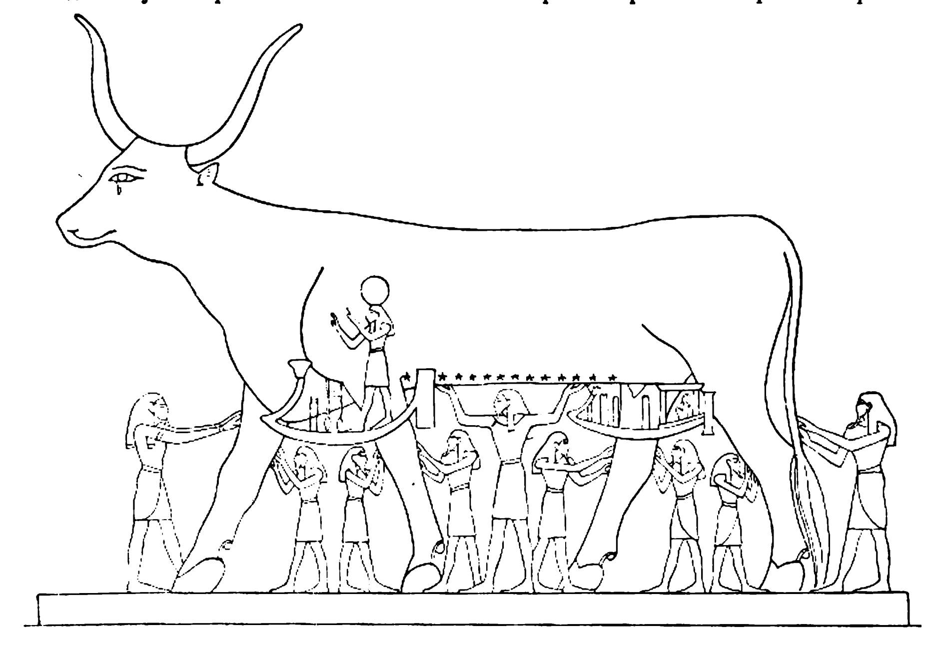


Рис. 1. Небо в образе коровы.

Творцами богов, людей и вселенной в них выступают то животные, то птицы, то боги, то богини. По одному преданию солнце рождается от небесной коровы, по другому — оно выходит из лотоса, по третьему — из гусиного яйца. Различны и способы творения и творцы. Общим для всех сказаний является, пожалуй, только представление о первобытном хаосе, из которого постепенно возникали те или иные боги и по-разному творили мир.

Большинство сказаний о сотворении мира появилось в долине Нила еще в те отдаленные времена, когда ее обитатели жили в условиях родового строя. Позднее, с развитием общественных отношений и обра-

...занием рабовладельческой деспотии, эти сказания, как уже отмечалось во „Введении“, изменялись, отражая то новое, что происходило в жизни, а следовательно, и в миропонимании египтян. В итоге легенды о сотворении мира дошли до нас, как и другие мифы, значительно переработанными: то в виде литературных произведений — сказаний и гимнов, то в качестве записей ритуалов. Некоторые же сказания о сотворении мира вообще появились впервые уже в рабовладельческом обществе и целиком отразили обстановку и идеологию этого общества.

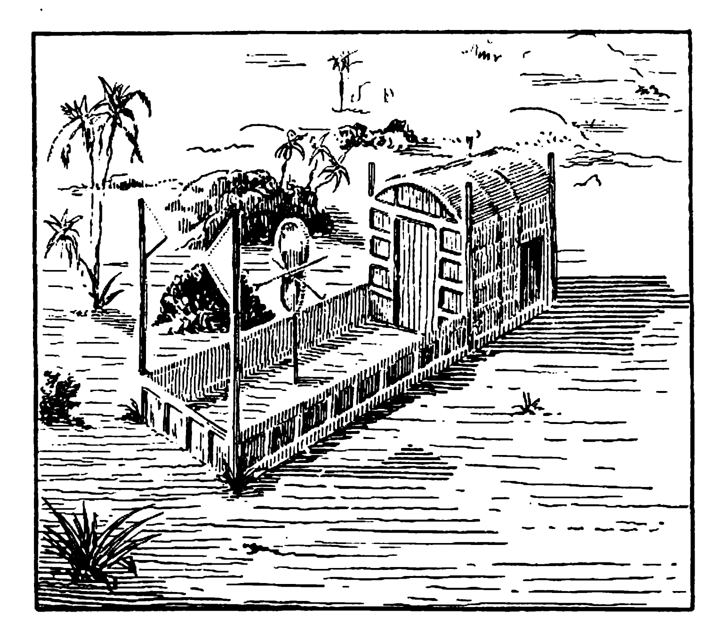


Рис. 2. Архаическое святилище богини Нейт.

К сожалению, почти ни один из мифов о сотворении мира не сохранился до нас целиком. Часто мы не только не имеем связного изложения всего сказания, но нам не удается восстановить полностью даже сюжета той или иной легенды. Такие отрывочные сведения о некоторых вариантах египетских космогоний приходится пополнять с помощью других источников, и в ряде случаев мы принуждены восстанавливать сказание по отдельным отрывочным данным, на основании как письменных, так и вещественных памятников.

Тем не менее, несмотря на неполноту материала, при ближайшем рассмотрении всего многообразия дошедших до нас легенд, таких различных и, казалось бы, никак взаимно не связанных, все же оказывается возможным установить ряд черт, позволяющих, с одной стороны, произвести некоторую группировку сказаний, а с другой — выявить те общественные условия, которые отразились в том или ином мифологическом оформлении.

По некоторым мифам происхождение мира связывалось с растением; так, согласно одной из легенд, солнечное дитя, „осветившее землю, пребывавшую во мраке“,[1] появилось из распустившегося цветка лотоса, который вырос на поднявшемся из первобытного хаоса холме, из

[1] A. Mariette. Dendérah. Paris, 1870, 1, 55 B.

„лотоса, возникшего в начале времен... священного лотоса над великим озером".[1] Эта легенда получила широкое распространение. О лотосе, выросшем на холме у города Шмуну[2] и давшем жизнь юному солнечному богу, говорят древнейшие мифы, а изображения этого лотоса с сидящим в его лепестках младенцем, встречающиеся вплоть до римского времени, показывают, что это предание стало одной из официальных версий позднейших египетских космогоний.

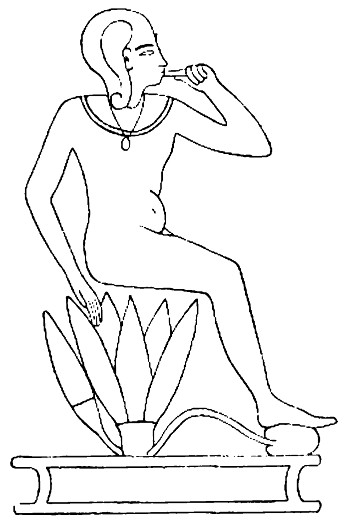


Рис. 3. Рождение солнца из лотоса.

Во многих сказаниях в роли божества, рождающего солнце и творящего мир, выступает животное или птица. Так, сохранились следы предания, по которому считалось, что солнце было рождено в виде золотого теленка небом, которое представлялось огромной коровой с рассыпанными по всему ее телу звездами. Еще Тексты Пирамид говорят о „Ра, золотом теленке, рожденном небом",[3] а позднейшие изображения показывают эту небесную корову с плывущими по ее телу светилами.

Отклики этого сказания, бывшего, по-видимому, некогда одним из основных египетских мифов о происхождении мира, мы находим и в других текстах и на ряде изобразительных памятников, причем иногда миф о небесной корове сохраняется в переработанном виде, а иногда он даже сплетается с другими сказаниями. Так, небесная корова встречается в сценах рождения солнечного младенца из лотоса: на многих ритуальных сосудах видны две небесные коровы, стоящие по сторонам лотоса, на котором сидит новорожденное солнце. Упоминание о небесной корове сохранилось и в тексте, повествующем о том, как непосредственно после своего появления на свет солнечный младенец „сел на спину небесной коровы Мехет-Урт и поплыл по горизонту".[4]

Та же небесная корова встретится нам и в мифе об истреблении согрешивших людей: когда после возмущения людей против состаревшегося солнечного бога последний решает удалиться от управления миром, тогда „превратилась богиня неба Нут в корову, и поместилось величество бога Ра на ее спине".[5] И вплоть до позднего времени фараоны Египта, уподобляясь солнцу Ра, изображают себя сынами небесной коровы то в виде младенца, сосущего ее молоко, то в виде зрелого мужа, стоящего под ее защитой.

По иным преданиям, возникновение мира было связано с другими животными; например, существовал миф, по которому небо представ-

---

1 A. Mariette. Dendérah. Poris, 1870, 1, 55 B.

2 Шмуну (греч. Гермополь) — столица XVI верхнеегипетского нома. Главное божество — бог мудрости и письма Тот, сопоставленный греками с Гермесом, откуда и греческое название города. Древнеегипетское название города значит „Восемь", что стоит в связи с почитавшимися в данном городе восемью богами. Согласно мифу, эти боги присутствовали при появлении солнца из лотоса.

3 Тексты Пирамид, изречение 1029.

4 H. Brugsch. Reise nach der grossen Oase el Khargeh. Leipzig, 1878, стр. 22—24, 26.

5 См. ниже перевод этого мифа (стр. 88).

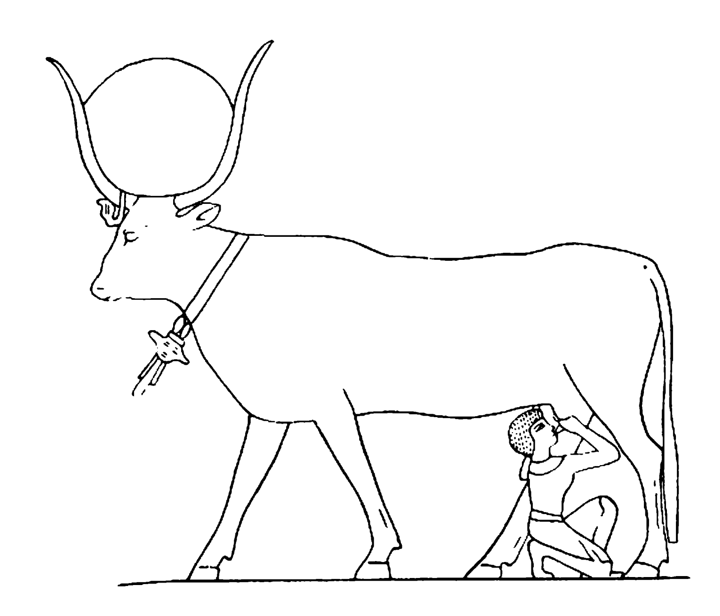


Рис. 4. Фараон сосет молоко небесной коровы.

Рис. 5. Фараон стоит под защитой небесной коровы

лялось свиньей, а звезды — рожденными ею поросятами.[1] Различные животные или пресмыкающиеся вообще часто встречаются в космогонических сказаниях в разных ролях. Так, на изображении рождения Ра из лотоса позади небесной коровы можно увидеть обезьян, приветствующих солнечного младенца поднятием рук, а иные тексты рассказывают, что при рождении солнца из лотоса его приветствовали лягушки и змеи.[2] Существовали и мифы, в которых солнце возникало в образе птицы или насекомого. Так, в городе Оне[3] показывали мест-

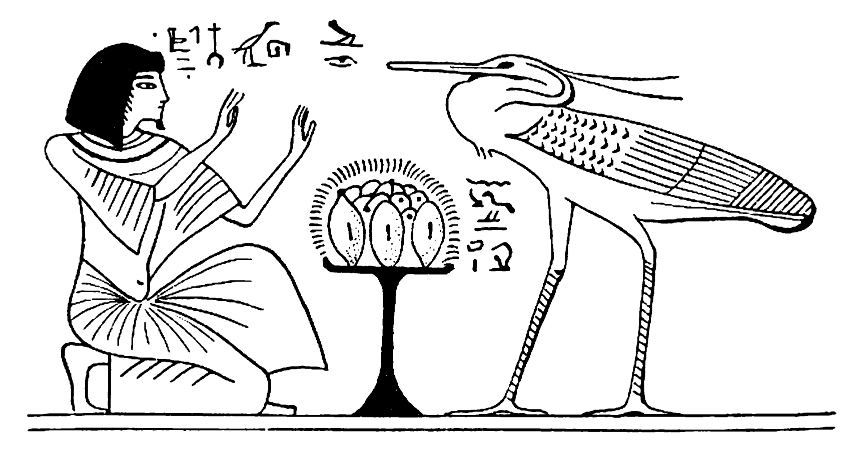


Рис. 6. Поклонение фениксу.

ную святыню — камень „Бенбен" и говорили, что на этом камне некогда впервые явилось солнце в виде птицы, феникса „бену".

Среди сохранившихся религиозных текстов встречаются упоминания то о яйце из земли и влаги,[4] которое явилось на первом поднявшемся из первоначального хаоса холме, то о яйце „великого Гоготуна", снесенного на землю.[5] На основании подобных текстов мы можем составить себе в общих чертах представление о сказании, согласно которому на холме, поднявшемся из хаоса, было свито гнездо, в котором из гусиного яйца, из „яйца великого Гоготуна", появилось солнце.[6] К сожалению, отсутствие полной записи мифа о великом Гоготуне не дает нам возможности установить более точно сюжет этого интересного варианта египетских космогонических легенд.

Существовали, далее, рассказы о том, что солнце и луна — это два глаза небесного сокола, и о том, что солнце — это огромный шар, которого катит по небу солнечный жук, подобно тому, как навозные жуки катят свои шарики по земле.

---

[1] См. ниже перевод мифа о небе-свинье (стр. 86).

[2] Гермопольское сказание и связанные с ним легенды изучены К. Зете: K. Sethe. Amun und die Acht Urgötter von Hermopolis. Berlin, 1929. См. также: G. Roeder. Die Kosmogonie von Hermopolis. Egyptian Religion, t. I. New Jork, 1933, стр. 1—27; A. Moret. Le lotus et la naissance des dieux en Egypte. Journ. asiat., t. 9, Paris, 1917, стр. 499. Позднее аналогичное сказание о появлении солнца из лотоса, выросшего на первоначальном холме, было приурочено и к Фивам (LD, III, 24d; IV, 21c).

[3] Он (греч. Гелиополь) — столица XIII нижнеегипетского нома. Главное божество — бог солнца Ра, сопоставленный греками с Гелиосом, откуда и происходит греческое название города.

[4] Магический папирус Харрис, IV, 10—15.

[5] Книга Мертвых, гл. IV и VI.

[6] В позднейшие времена гусь являлся олицетворением бога земли Геба.

В других сказаниях создателями мира являются не животные и птицы, а боги и богини. В одной из таких легенд небо мыслится в виде богини-женщины Нут, тело которой изогнуто над землей, а пальцы рук и ног опираются на землю. Нут рождает солнечного младенца, творящего затем богов и людей. По другому сказанию, бог-творец Хнум вылепил весь мир на гончарном круге и таким же способом создал людей и животных. Это представление живет вплоть до позднейших времен, и мы видим изображения Хнума, лепящего на гончарном круге тела и души новорожденных детей. Иное объяснение происхождения вселенной дает нам сказание о боге Птахе, повествующее о том, что весь мир, боги и люди, города и храмы, жизнь и смерть — все это возникало по мысли Птаха, выраженной в его слове (см стр. 84).

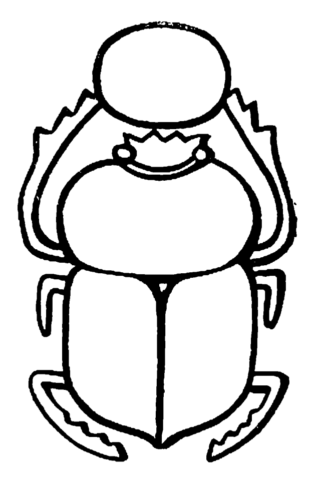


Рис. 7. Скарабей катит солнечный шар.

Наличие столь разнообразных представлений о происхождении мира в приведенных нами сказаниях, далеко еще не исчерпывающих богатейшей сокровищницы египетских космогонических легенд, естественно и неизбежно.

Творимые в различные времена людьми, находившимися на различных ступенях общественного развития, мифы не могли не отразить в себе все эти пройденные ступени.

„Древние народы переживали свою доисторическую эпоху в воображении", — говорит К. Маркс,[1] и космогонические мифы древних египтян, меняясь с веками, утрачивая одни черты и приобретая другие, с одной стороны, отражали современные им жизненные условия, а с другой — сохраняли в то же время память и о тех периодах жизни человека в долине Нила, общественные формы которых были уже изжиты.

„Бессилие дикаря в борьбе с природой", породившее „веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.",[2] обусловило и наличие особого осмысления взаимоотношений как человека с окружавшей его природой, так и различных явлений этой природы между собой.

Человечеству, населявшему долину Нила много тысячелетий тому назад, надо было преодолеть и покорить окружавшую это человечество природу, предстояло строить жизнь, неизмеримые трудности которой необходимо было побеждать, чтобы могли дальше жить и снова бороться следующие поколения людей. Освоение собирательских и охотничьих навыков, приручение животных, овладение земледелием и ремеслами — все это требовало огромного напряжения всех сил и физических и умственных. Надо было понять и осмыслить не только смену времен года со все выжигающим летним зноем и возвращающими жизнь разливами Нила, но и другие сложные явления — ежедневные восходы и закаты светил, своеобразную жизнь и свойства множества самых различных зверей и птиц, функции своего собственного человеческого тела.

Отсутствие знания подлинной взаимосвязи различных явлений между собой, зависимость человека от природы, связанность его в борьбе

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 404.
[2] В. И. Ленин. Социализм и религия, стр. 65.

с природой и в борьбе с себе подобными, весь сложный быт первобытной общины и изменения этого быта на протяжении многовекового развития рода — все это обусловило трудности пути, пройденного человеческой мыслью.

В результате уже указанных выше причин, обусловивших особенности восприятия первобытным человеком окружавшего его мира, множество неодолимых и непонятных для человека явлений этого мира осмыслялось им на разных этапах развития общества как проявления чудесной деятельности духов природы, умерших предков, тотемов-прародителей и покровителей того или иного родового объединения, животных, птиц, растений, небесных светил.

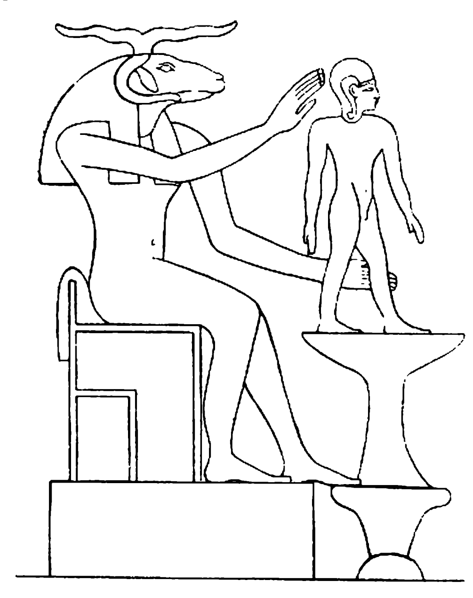


Рис. 8. Сотворение человека.

Таким образом, религия закрепляла в сознании человека его бессилие и зависимость, и этому закреплению способствовали как различные обряды и запреты, при помощи которых человек пытался обеспечить себе власть и над природой и над людьми, так и мифы, повествовавшие о возникновении и взаимосвязи осмыслявшихся им явлений. И естественно, что поскольку в зависимости от времени, места и среды возникновения явления эти осмыслялись неодинаково, то и сказания о них складывались различно и значительно друг от друга отличались.

К такого рода явлениям, объяснявшимся древними обитателями Египта по-разному в разные времена в различных местах долины Нила, относился и процесс возникновения всего окружавшего их мира. В свете всего изложенного становится вполне понятным и неизбежным то кажущееся противоречие разнообразия космогонических сказаний Египта, которое отмечалось в начале этой главы. В зависимости от того, были ли творцами данных сказаний охотники или земледельцы, поклонялись ли они духу-предку в образе зверя или человека, жили ли они в условиях материнского или отцовского рода, а также в зависимости от того, как они строили свои семейно-родственные отношения, в какой степени ощущали нараставший гнет развивавшегося имущественного неравенства, определялось и осмысление происхождения мира, а в результате этого осмысления так или иначе складывалось сказание.

Поклоняясь зверю или птице, цветку или дереву, считая себя и все свое племя через ряд поколений предков не только кровно связанным с определенным зверем или растением, но и происходящим от него, человек, естественно, не мог не связывать каким-то образом со своим всемогущим прародителем и появление всего окружавшего его мира, и неудивительно поэтому, что в ряде сказаний то или иное животное или птица выступает в роли творца солнца и всей вселенной.

Наряду с почитанием животных и почитание растений наложило, как мы видели, свой отпечаток на космогонические сказания Египта,

причем не случайно именно лотос оказался связанным с рождением солнца. Душистые цветы его, в изобилии росшие в древности на Ниле, закрывают на ночь свои голубые чашечки, утром же при первых лучах солнца они опять поднимаются, и тогда повсюду среди плотных зеленых листьев видны голубые лотосы. Связать эти два момента — появление солнца и раскрытие лотосов — было нетрудно, но, как это бывало часто, следствие было принято за причину, и появилось сказание о рождении солнца из цветка лотоса.

Когда же, с изменением общественных отношений, в религии первенствующее место постепенно начинают занимать культы очеловеченных божеств, тогда и в сказаниях о мироздании главную роль получает богиня в образе женщины, а не коровы, бог в образе мужчины, а не гуся, сокола или жука. И понятно, что такое открытие человека, как изобретение им гончарного круга, бывшее некогда крупнейшим достижением человеческой мысли, также находит свое отражение в космогонических представлениях в виде сказания о боге, вылепившем весь мир на гончарном круге.

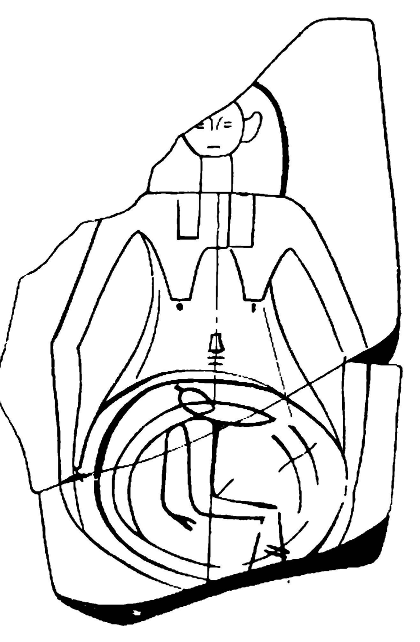


Рис. 9. Богиня неба с солнцем во чреве.

Сильнейшим образом отразились на легендах о происхождении мира и общественные отношения. Вся многовековая и сложная история развития рода со всеми его изменениями вплоть до перехода в классовое общество, естественно, должна была оставить и оставила свои следы на различных мифологических оформлениях космогонических концепций.

В этой связи из всех сказаний следует выделить и резко разграничить две, принципиально различные по своим представлениям о создании мира группы легенд. В одну из этих групп входят сказания, согласно которым создательницей солнца, а следовательно, и всего мира является богиня-мать, рождающая солнечного младенца без участия какого бы то ни было мужского начала, во второй же группе легенд творцом богов является, наоборот, бог-отец, рождающий первую божественную пару также самостоятельно, без помощи начала женского.

Обратимся к рассмотрению первой группы легенд.

Они дошли до нас, к сожалению, только в отрывках, которые в результате длительных исследований удается обнаружить то в виде отдельных стихов в сборниках религиозных текстов, то в виде пережиточных эпизодов в других мифах, то, наконец, в виде ритуальных изображений.

Отца солнечного младенца эти сказания не знают и говорят только о его происхождении от матери — небесной богини: солнце рождает она одна, без участия бога-мужчины или зверя, то в образе женщины, то в образе коровы. Ежедневно утром выходит светлый диск из ее лона и вечером проглатывает она его, чтобы, зачав таким образом, утром вновь родить его.

Отметим момент зачатия от проглатывания. Подобно другим родовым обществам, и в доисторическом Египте на определенном этапе развития не существовало еще ясного представления о причине зачатия, и оно приписывалось различным обстоятельствам, в особенности же проглатыванию какого-либо предмета. Пережитки этих представлений сохранил нам египетский фольклор: вспомним знаменитую „Сказку о двух братьях“, в которой жена Баты зачинает от щепки, попавшей ей в рот.[1] Другое подтверждение существования некогда таких представлений мы находим и в египетских религиозных текстах. В заупокойных ритуалах фараонов Древнего царства, в так называемых Текстах Пирамид, умерший фараон уподобляется солнечному богу и, так же как и последний, рождается от небесной богини. Тексты, говоря об этом, дают очень примечательные разночтения: если в ритуале, записанном на стенах пирамиды фараона Пепи, мы читаем следующее обращение к небесной богине: „Зачала ты его, этого Пепи, подобно тому как зачала ты сына бога“, то в Пирамидах царей Меренра и Ниусерра находим нечто другое: „Проглотила ты Меренра, подобно тому как проглотила ты твоего божественного сына“, „Проглотила ты Ниусерра, подобно тому как проглотила ты сына бога“.[2]

Таким образом, мы видим, что параллельные тексты для выражения одного и того же представления о зачатии фараона небесной богиней употребляют то слово „зачать“, то слово „проглотить“.

Подобные пережитки древнейших представлений о том, что зачатие происходит и в результате проглатывания, мы находим не только в Текстах Пирамид или в сказках — они живут очень долго в религии исторического Египта, и вплоть до поздних периодов мы встречаем на саркофагах изображение небесной богини, утром рождающей солнце, а вечером проглатывающей его, чтобы, вновь зачав, вновь родить его на рассвете следующего дня.

Мотив зачатия от проглатывания — мотив, несомненно, матриархальный, и наличие такого мотива в общей цепи не только древнейших космогонических представлений, но и всех религиозных верований того времени в совокупности совершенно закономерно. Сказание о первенствующей роли богини-матери в сотворении богов и людей нельзя рассматривать вне общей связи с тем значением, которое имели женские божества в религии Египта.[3] Несомненно, что на более ранних этапах общественного развития эти божества играли гораздо бóльшую роль, чем впоследствии, когда, в силу отразившихся в религии изменений в общественных отношениях, богини утратили свою первенствующую роль и в мифе и в культе, уступив эту роль богам и отойдя в ряде случаев на положение матерей или жен различных богов. Однако прежние представления не могли исчезнуть бесследно, и множество пережитков в религии исторического Египта свидетельствуют о былом значении женских божеств.

Так, не случайно, что божествами-покровителями и Северного и Южного Египта являются именно богини: змея и самка коршуна. Не случайно далее и то, что божества-покровители номов в большинстве

---

[1] См. перевод сказки: В. М. Викентьев. Древнеегипетская повесть о двух братьях. М., 1917, стр. 88.

[2] Тексты Пирамид, изречение 1417.

[3] Это явление стоит в тесной связи с наличием вообще значительных пережитков матриархата в некоторых сторонах культуры древнего Египта. См. об этом: М. Э. Матье. Из истории семьи и рода в древнем Египте. ВДИ, 1954, № 3, стр. 45—75.

своем также женские. В этой же связи приобретают особый смысл и те, очень редкие и иногда выпадающие из общего контекста эпизоды мифов или отдельные строфы гимнов, в которых древние богини выступают в своем прежнем облике — всесильными матерями родоначальницами и владычицами. Таков эпизод с Нейт в мифе „Спор Гора с Сетом“.[1] Правда она уже не играет активной роли в самом мифе, эта древняя „великая мать всех богов“ (табл. XI), как ее все же величает текст мифа, она живет на покое в своем Саисе, в стороне от страстей и споров, волнующих младшие поколения богов, враждующих из-за владычества над миром. Но тем не менее в критическую минуту неразрешимой тяжбы, которую не в силах рассудить сам Ра, именно к ней направляется за решением посольство богов.[2]

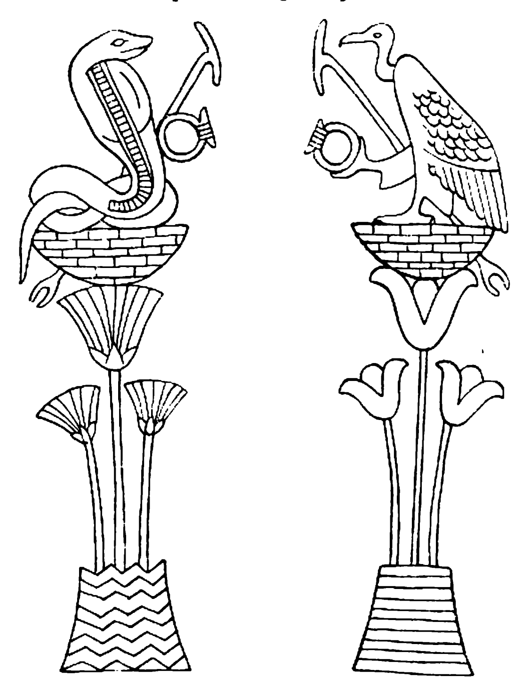


Рис. 10. Богини-покровительницы Северного и Южного Египта.

Подобно этому и Тексты Пирамид, несмотря на то, что в них господствующим представлением является уже единоличное сотворение мира богом-творцом, все же хранят строки, следующим образом прославляющие богиню Нут, некогда почитавшуюся величайшей матерью и самого солнца и всей вселенной:

„Могуче сердце твое...
О Великая, ставшая небом...
Наполняешь ты всякое место своею красотою.
Земля вся лежит пред тобою — ты охватила ее,
Окружила ты и землю, и все вещи своими руками.
. . . .
Взяла ты к себе каждого бога с его ладьей,
Сделала ты их непреходящими, подобно светилам,
Не удаляются они от тебя, ибо они звезды.
. . . .
Нут, ты сияешь, как царица Нижнего Египта.
И могуча ты над богами,
Души их — твои, и наследие их — твое,
Жертвы их — твои, и имущество их все — твое“.[3]

В полном и принципиальном противоречии с приведенными сказаниями стоит другая группа легенд, согласно которым создателем мира является мужское божество. Идеология восторжествовавшего патриар-

[1] См. ниже перевод этого мифа, стр. 104—105.
[2] A. Gardiner. The Chester Beatty Papyri, I. London, 1931, табл. II, *8*—III, *6*.
[3] Тексты Пирамид, изречения 779, 780, 782, 784, 785, 824.

хата не могла примириться с прежними сказаниями, и появляются новые, утверждающие прямо противоположное положение.

Сказания эти в различных областях Египта слагались по-разному, но независимо от того, что в Элефантине утверждали, что мир вылеплен богом Хнумом на гончарном круге, а в Гелиополе говорили, что бог Атум, сам себя оплодотворив, изрыгнул пару божественных близнецов, существенной чертой всех рассказов было то, что все происходило без участия богини-матери. Отныне в космогонических сказаниях Египта первое женское божество появлялось не ранее второго поколения богов, да и то в качестве дополнения к своему близнецу — супругу (см. ниже).

В силу особого положения Гелиополя, как древнего важного политического центра, постепенно из ряда различных патриархальных космогонических сказаний наиболее широкое распространение получает именно гелиопольский вариант, становящийся впоследстви как бы официальной космогонией. Не случайно, что именно этот вариант известен и античным писателям. Он является, как указывалось выше, господствующим (но, разумеется, не единственным) уже в Текстах Пирамид, и он же в конечном итоге формирует официальную генеалогию Осириса, втягивая таким образом в свою орбиту один из важнейших культов Египта.

В силу изложенного неудивительно, что гелиопольское сказание дошло до нас не только в отдельных отрывках, но и в виде полных описаний всего процесса мироздания. Перевод одной из таких записей этого мифа, сохраненный нам на папирусе позднего времени, дается ниже (стр. 83). Вкратце содержание его сводится к следующему: возникнув из хаоса, бог солнца Атум-Ра оплодотворяет себя самого, проглатывая собственное семя. Изрыгнув после этого первую пару богов: бога воздуха Шу и богиню влаги Тефнут, Атум становится тем самым прародителем всех прочих богов и творцом мира, так как Шу и Тефнут рождают бога земли Геба и богиню неба Нут, которые в свою очередь производят Осириса и Исиду, Сета и Нефтиду. Отныне знаменитая гелиопольская „Великая Девятка богов", т. е. Атум-Ра, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет и Нефтида, становится во главе египетского пантеона, и творимые в других центрах по ее образу и подобию различные иные „Девятки" будут различаться от нее главным образом только заменой некоторых богов божествами местными с обычным возведением в роль творца мира главного местного бога, часто к тому же сливаемого с гелиопольским Ра.

Основная же сущность патриархальной космогонии остается неизменной. Бог, рождающий других богов, отныне является постоянной изначальной фигурой, и религиозные гимны подчеркивают рождение солнца без матери, непосредственно от отца:

Слава тебе, сын Ра,
Зачатый самим Атумом,
Ставший сам,
Не имевший матери.[1]

Подобно тому, как греческая мифология, отражая торжество патриархата, заставляет Зевса не только доносить зашитым в своем бедре

---

[1] Магический папирус Харрис, I, 8, 9.

преждевременно рожденного Семелой Диониса, но и родить из собственной головы без посредства богини или смертной женщины Афину-Палладу, деву-воительницу, защитницу своего отца, так и мифология древнего Египта закрепляет победу отцовского рода в новых космогонических сказаниях, полностью отменяющих прежние представления и выдвигающих вместо них собственное учение.

Образование моногамной семьи также наложило свой отпечаток на мифы о создании мира и богов, и следы этого сказались на появлении объединенных культов божественных пар и троиц, состоявших из богов-супругов с младенцем-сыном; таковы культы Птаха, Сохмет (табл. XII) и Нефертума (табл. I, *2*), Осириса, Исиды и Гора (табл. XIII), Амона, Мут и Хонсу (табл. XIV).

С постепенным ростом территориальных объединений, с созданием рабовладельческой деспотии, с выдвижением определенных центров — Гелиополя, Гермополя, Абидоса, Мемфиса — космогонические сказания начинают группироваться около этих центров, наряду с усилением которых развиваются и их культы.

В связи с этим мифы приобретают новые черты, с одной стороны способствующие закреплению власти господствующей верхушки общества, а с другой отражающие политическую борьбу отдельных областей.

Крепнущее жречество растущих и богатеющих местных святилищ, неразрывно связанное с господствующей рабовладельческой верхушкой своих областей, пользуется космогоническими мифами и для усиления положения этой верхушки и для прославления своих культов, подчеркивая роль местного бога мироздателя и низводя всех прочих богов до положения его порождений.

Выше мы уже видели гелиопольскую версию такой местной космогонии, получившей, в силу отмеченных особых условий, впоследствии столь большое значение. Однако наряду с этим сказанием существовали и другие, и из дошедших до нас вариантов, несомненно, интереснейшим является мемфисский.[1] Сохранилось это сказание на позднем памятнике,[2] но анализ языка показал, что текст восходит еще к концу IV тысячелетия до н. э.

Согласно этому тексту, творцом богов и всего мира является мемфисский бог Птах, из которого произошло восемь других Птахов. Эти восемь Птахов носят имена богов, известных нам по другим сказаниям и почитавшихся в иных областях Египта, причем существенно, что и сам Атум, глава гелиопольской „Девятки богов“, творец мира и богов по гелиопольскому мифу, оказывается также происходящим от Птаха.

Таким образом, мемфисский Птах являлся в местной легенде и старше и могущественнее великого гелиопольского бога, а мемфисский культ объявлял себя тем самым главенствующим по отношению к гелиопольскому.

Однако основное значение мемфисской легенды не в этом: исключительно важна огромная разница в самом процессе мироздания в гелиопольском и мемфисском сказаниях. В то время как в первом бог-творец зачинает первую пару богов, проглатывая свое семя, извергнутое им в его собственный рот, и затем рождает эту пару богов, выплевывая

---

[1] См. ниже перевод этого текста (стр. 84).

[2] K. Sethe. Dramatische Texte . . . , I. Das Denkmal memphitischer Theologie. Leipzig, 1928.

их изо рта, в мемфисской легенде бог творит „сердцем и языком", т. е. мыслью и словом: „Оно (сердце, — *М. М.*) дает выходить всякому знанию и язык повторяет все задуманное сердцем".[1]

Таким образом, бог-творец создает богов и всю вселенную путем изречения своей мысли.

Это существеннейшее принципиальное различие обоих сказаний, явившееся в результате разных мировосприятий двух отдаленных друг от друга не только по времени, но и по общественному развитию исторических этапов египетского общества, своеобразно подчеркивает и сам текст мемфисской легенды, указывая, что „Девятка богов" Птаха — „это зубы и губы в этих устах", в то время как „Девятка богов Атума возникла через его семя и его пальцы".[2]

Также мыслью и словом творит Птах богов, города, искусства, жизнь для праведных и смерть для грешных: „И была дана жизнь миролюбивому, и была дана смерть преступнику, и были созданы всякие работы и всякие искусства, труды рук, хождение ног, движение всех членов, согласно этому приказанию, задуманному сердцем и выраженному языком и творящему назначение всех вещей... И он родил богов, он создал города, он основал номы, он поставил богов в их святилища, он учредил их жертвы, он основал их храмы, он создал их тела [3] по желанию их сердец. И вошли боги в свои тела из всякого дерева, из всякого камня, из всякой глины".[4]

В полном соответствии с различием процессов творчества находится и различие творимого Птахом от того, что создавали боги прежних сказаний: миф о боге-творце, возникший уже на почве рабовладельческого Египта, не позволяет этому творцу ограничиться рождением богов и созданием природы, а заставляет его создавать области и города, основывать храмы и даже организовывать все местные культы вплоть до определения положенных каждому богу жертв и обеспечения богов статуями из избранных ими материалов. Перед нами картина сотворения мира, разительно отличающаяся от всех предшествующих и ясно указывающая на то, что породившие ее религиозные взгляды были уже совершенно иными, сложившимися в новых, отличных от прежних общественных условиях.

Эти новые общественные условия отразились не только во вновь появившихся сказаниях, но и на ряде уже известных нам легенд, возникновение которых относится к более ранним периодам и которые теперь подверглись существенным изменениям. Основным действующим лицом и мифов и гимнов, повествующих о сотворении мира, является теперь бог-творец, явно принимающий облик фараона и наделенный всеми аттрибутами царской власти.

Это уже не прежний племенной бог, подобный древнему Гебу, так и вошедшему в египетский пантеон с архаическим родовым титулом „владыки богов": творцом мира в религиозных гимнах выступает теперь бог-царь, и будет ли это Амон-Ра, Птах или Хнум, он равно облечен всеми чертами царей Египта.

---

[1] K. Sethe. Dramatische Texte..., I. Das Denkmal memphitischer Theologie. Leipzig, 1928, строка 56.

[2] Там же, строка 55.

[3] Т. е. культовые статуи, бывшие, по египетским религиозным учениям, телами для богов, их воплощениями. Аналогичное назначение имели и портретные статуи умерших людей, которые ставились в гробницы и должны были служить для воплощения души в случае порчи тела.

[4] K. Sethe. Dramatische Texte..., I, строка 57—61.

Так, знаменитый „Большой гимн“ Амону, сохраняя представление том, что бог-творец есть

Отец отцов и всех богов,
Поднявший небо и утвердивший землю,

что он —

Образ единственный, создавший все сущее,

и что

Вышли люди из его глаз,
Стали боги из его уст, —

одновременно очень четко показывает, что бог-творец это —

Царь, да живет он, да здравствует, да будет благополучен,
Глава всех богов.[1]

Амон назван „Повторяющим коронования в Гелиополе“, имя его заключается в особый овал, которым всегда окружались имена фараонов, и гимн, восхваляя его как творца всего мира, величает его в то же время всеми титулами фараонов и подробно перечисляет все короны и жезлы, которыми владеет царь богов:

Царь Верхнего и Нижнего Египта, правогласный,
Глава обеих земель,
Великий силой, владыка мощи,
Глава, создавший землю всю.
. . . .
Владыка урея, высокий двумя перьями,
Прекрасный диадемой, высокий белой короной.
Любят боги смотреть на тебя,
Когда двойная корона пребывает на твоем челе.
. . . .
Боги склоняются перед твоим величеством,
Восхваляя силу сотворившего их.[2]

Так же как и в „Большом гимне“, творец мира наделен всеми чертами земного владыки Египта и в другом гимне Амону, где последний также поставлен в центре древнейших мифов о сотворении мира, причем здесь соединены воедино несколько различных версий древних космогоний.

Подобно фараону, Амон-Ра объявляется теперь грозным владыкой мира:

Область всякая под ужасом твоим...
Имя твое высоко, могуче и сильно...[3]
Его — земля Южная так же, как и Северная,
Схватил он их, единственный в силе своей.[4]

---

[1] Папирус Булак 17. A. Mariette. Les papyrus égyptiens du Musée de Boulaq, II. Paris, 1872, табл. II—XIII.

[2] Там же.

[3] M. Gardiner. Hymns to Amon from a Leiden papyrus, гл. 6. AZ, Bd. 42, 1905, стр. 12—42.

[4] Там же, гл. 30.

Но этого мало: Амон не только облечен во все царские инсигнии и владеет всеми землями, над которыми простиралась власть царя Египта, но:

Его — список каждый с перечнем земель,
Начало веревки вплоть до конца ее . . .
Его — царский локоть,[1] который обмеряет камни,[2]

т. е. он, как и фараон, является владельцем и кадастровых списков, основы фиска, даже „веревки“ — неизменного орудия обмера земли.

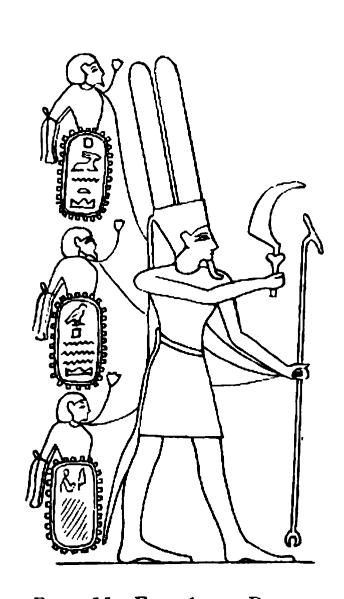


Рис. 11. Бог Амон-Ра.

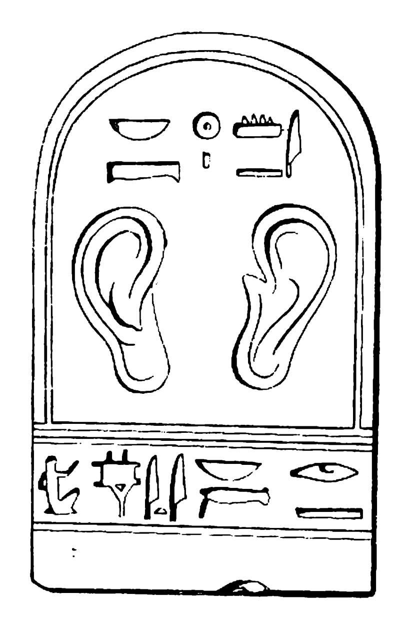


Рис. 12. Стела с молитвой Амону.

В целях закрепления и усиленного распространения учения о божественном происхождении царской власти бог-творец мира объявляется отцом фараона по плоти, и в религиозной литературе Египта образ бога-творца все теснее и теснее переплетается с чертами фараона. В коронационных и победных гимнах фараонов и в гимнах богам-демиургам мы найдем одни и те же постоянные эпитеты, одни и те же основные сравнения — со львом, быком и соколом, прославление единого и общего образа фараона-бога и бога-фараона как всемогущего владыки и милостивого господина и защитника. Те же три основные момента подчеркиваются при воспевании и бога-творца и фараона: и тот и другой изображаются, во-первых, наводящими на врагов смертный ужас всесильными завоевателями, во-вторых, властителями мира и, в-третьих, заботливыми правителями, под управлением которых процветают люди.

Одновременно внушается представление о том, что бог-творец особо и неизменно покровительствует и всячески поддерживает своего

---

[1] Локоть — мера длины, равная 52 см.
[2] M. Gardiner. Hymns to Amon . . ., гл. 60.

возлюбленного сына и избранника фараона; не случайно автор поэмы „Битве при Кадеше“ заставляет Рамсеса II в трудную минуту грозящего ему поражения в бою с хеттами обращаться с берегов далекого Оронта за помощью к своему „отцу“, богу Амону-Ра, и в следующих выражениях требовать поддержать „сына“:

Что же будет теперь, отец мой Амон?
Иль не вспомнит отец о сыне своем?
Творил ли я что помимо тебя?
И ходил, и стоял я по воле твоей.
. . . .
Иль не строил я тебе много памятников,
Не дал в храмы твои моих пленников?
Я построил тебе храмы долгих лет,
Дал имущество мое тебе в собственность.
. . . .
Посылал я в моря корабли для тебя,
Да доставят тебе приношения стран.[1]

Таким образом, все действия царя как бы освящаются авторитетом бога-творца, ибо провозглашается, что все поступки фараона совершаются им согласно воле его отца, бога, старейшего и сильнейшего из всех богов, создателя и самих богов и всей вселенной.

Жречество вообще умело и разнообразно пользуется мифами в целях своей пропаганды. Широко известные древние легенды неизменно повторяются в религиозных гимнах, и посреди строф, то восхваляющих Амона-Ра как творца богов, людей, животных и растений, то воспевающих его постоянную борьбу и неизменную победу над извечным его врагом — чудовищным змеем, мы находим строфы, полные пламенной проповеди культа Амона и пропаганды его знаменитой святыни — Карнакского храма:

Отражающий зло, отгоняющий болезни. . .
Отверзающий очи, отвращающий беды. . .
Спасающий любимого, даже если он в преисподней. . .
Слышащий вопли взывающего к нему,
Мгновенно приходящий издалека к зовущему его,
Он удлиняет жизнь и сокращает ее.
Амон — это водяное заклятье, когда имя его на воде:
Бессилен крокодил, когда звучит его имя. . .
Лучше он, чем миллионы тому, кто положил его в своем сердце
И сильнее один именем его, чем сотни тысяч.[2]

В уже цитированной поэме о „Битве при Кадеше“ Рамсес II почти в тех же словах говорит о могуществе Амона:

Я зову, ибо вижу, что лучше Амон,
Чем миллионы пехоты, чем сотни тысяч конных,
Чем десятки тысяч братьев и детей,
Даже если встанут они единодушно.

В целях той же пропаганды в образ бога-творца вносятся черты защитника угнетенных и обездоленных. Про него поют, что он —

Слышащий жалобы того, кто в оковах,
Мягкий сердцем, когда воззовут к нему,
Отнимающий боящегося от гордого сердцем.

---

[1] Ch. Kuentz. La bataille de Qadesh. Le Caire, 1930.
[2] M. Gardiner. Hymns to Amon. . ., гл. 70.

С другой стороны, в связи с развитием различных религиозно-философских систем, египетские религиозные тексты все чаще и чаще начинают выделять как основные черты облика бога-мироздателя его изначальность и вечность, вездесущность и всемогущество, всеведение и всеблагость. Бог объявляется владыкой знания и подателем откровения. В дальнейшем развитие этих, все более религиозно-философских учений, ограничиваясь узко жреческой средой, идет по пути абстрактных богословских построений. Тексты наполняются сплетением образов и эпитетов богов, часто основанных даже не на внутреннем сходстве их функций, а на внешнем созвучии имен с теми или иными предметами, событиями, понятиями. Эти поздние тексты явились богатой почвой для широкого расцвета всевозможных заклинаний и сложных обрядов.

Через позднейшие религиозно-философские трактаты, ритуальные песнопения и заклинания египетские представления о создании мира доживают до эллинистического и римского времени и выходят далеко за пределы самого Египта.

ГЛАВА II

СКАЗАНИЯ О СОЛНЦЕ

Египетские сказания о сотворении мира — это почти всегда сказания о сотворении солнца. Мы видели, что даже в тех случаях, когда миф не ограничивается описанием одного только этого события, а рассказывает и о происхождении всей природы, богов и людей, и тогда первое и главное место в нем занимает все же появление солнца, а впоследствии именно солнечный бог выступает творцом вселенной в основных космогонических вариантах. В полном соответствии с этим исключительным положением солнечного божества в мифах о сотворении мира солнце является главным героем целого ряда особых, солярных сказаний. Борьба солнца с его вечными врагами — мраком и водной стихией, смена времен года, предания о солнечном глазе — его любимой дочери, могучей защитнице своего отца, — вот основная тематика этих легенд.

Из них дошли до нас записи „Сказания о Ра и змее почтенном“, „Сказания об истреблении согрешивших людей“, „Сказания о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце“[1] и „Сказания о низвержении Апопа“. После длительных и детальных исследований ряда ученых было в общих чертах восстановлено из отдельных фрагментов поздних текстов интереснейшее „Сказание о возвращении Хатор-Тефнут из Нубии“. Однако все это несомненно только незначительная часть многочисленных легенд, о существовании которых, так же как и о ряде космогонических преданий, мы знаем только по отрывочным данным.

Из всех солярных сказаний Египта самую обширную группу составляют сказания о борьбе солнца с его врагами. Эти сказания восходят к древнейшим временам. Упоминания о битве солнца с его врагом змеем имеются уже в Текстах Пирамид. Так, в изр. 385 читаем:

Ра восходит против тебя,
Гор натягивает свои девять луков
Против этого духа, выходящего из земли,
С отрубленной головой,
С отрезанным хвостом!
О змей Джесер!..
Вернись, низвергнись!..
Шу стоит на твоих кольцах!
Вернись, низвергнись!

Борьба солнца с его врагами красной нитью проходит через весь ритуал солярного культа, и в каждом гимне солнечному божеству

[1] См. переводы на стр. 86—91 и 119.

неизменно восхваляется победа последнего над чудовищным противником.

Сам солнечный бог и его враги выступают в этих сказаниях в различных образах, не менее разнообразны и места сражений солнца-победоносца. Так, мы видим солнечного бога Атума, который в виде ихневмона пожирает своего врага — змея.[1]

Далее существовало множество сказаний, повествовавших о солярных богах, сражавшихся с огромным крокодилом Мага и пронзавших его своими копьями. Среди таких богов — победителей крокодила были Ра, Шу-Онурис, Монту, Сопду и др.

Тексты сохранили нам упоминания об этих битвах:

Назад, Мага, сын Сета!
Да не будешь ты управлять своим хвостом!
Да не будешь ты схватывать своими руками!
Да не откроешь ты своей пасти!
Станет вода дыханием пламени пред тобою
И пальцы семьдесят семи богов да будут в твоем глазу.[2]

Я — Онурис, прекрасный воин, я — великий, владыка мощи.
Не схватывай, ибо я Монту!
Не приближайся, ибо я Сутех!
Не поднимай твоих рук на меня, ибо я Сопду!
Не приближайся, ибо я Спаситель![3]

Согласно одной из легенд, Шу-Онурис, старший сын Ра, неизменно сопровождает своего отца во время его плавания по небесному Нилу (табл. XV, *3*). С копьем в руке стоит он на носу солнечной ладьи и охраняет Ра от нападения гигантского крокодила:

Слава тебе Шу, наследник Ра,
Старший сын, вышедший из его тела! . .
Поражающий врагов ежедневно! . .
Утренняя ладья в ликовании,
Когда они[4] видят Шу, сына Ра, победителя,
Ибо вонзил он копье свое в злого.[5]

Мы встречаем сына солнца, защищающего своего отца от врагов, в целом ряде легенд. Одним из наиболее полно сохранившихся подобных сказаний является эдфусский миф о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце. Текст этого мифа, высеченный на внутренней стороне наружной стены храма Гора в Эдфу,[6] рассказывает о том, как „великим Крылатым Солнцем“, сияя многоцветными радужными перьями, летит Гор Бехдетский перед ладьей Ра, побеждая всех врагов последнего, крокодилов и гиппопотамов. От Нубии до Дельты, в целом ряде городов долины Нила происходят кровопролитные сражения, неизменно оканчивающиеся победой Гора. Иногда он принимает вид „могучего человека с ликом сокола, увенчанного белой короной и красной короной, двумя перьями и двумя уреями“. Крокодилы и гиппопотамы пытаются подплыть к ладье Ра и открывают свои пасти, готовясь поразить его, но на них немедленно нападает Гор со своей свитой и уничтожает врагов, нанося им смертельные раны.

[1] Тексты Пирамид, § 425; см. также: K. Sethe. Atum als Ichneumon. AZ, Bd. 63, 1928, стр. 50—53.
[2] Магический папирус Харрис, VI, 5—8.
[3] Там же, VIII, 5—7.
[4] Спутники бога солнца, находящиеся в его ладье.
[5] Магический папирус Харрис, I, 2—4.
[6] См. перевод этого сказания на стр. 119.

Сопоставление ряда текстов дает возможность заключить о существовании легенды, согласно которой Ра в образе огненнорыжего кота под священной сикоморой города Гелиополя победил огромного разноцветного змея и отрезал ему голову. Этот миф отражен в одной из

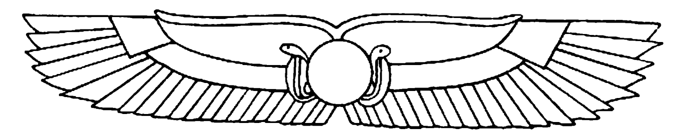


Рис. 13. Крылатое Солнце.

виньеток к 17-й главе Книги Мертвых,[1] где под зеленой густой сикоморой изображен яркорыжий кот, отрезающий большим ножом голову змея. В соответствующих строках текста указанной главы читаем следующее: „Я этот великий кот, который сражался при сикоморе в Гелио-

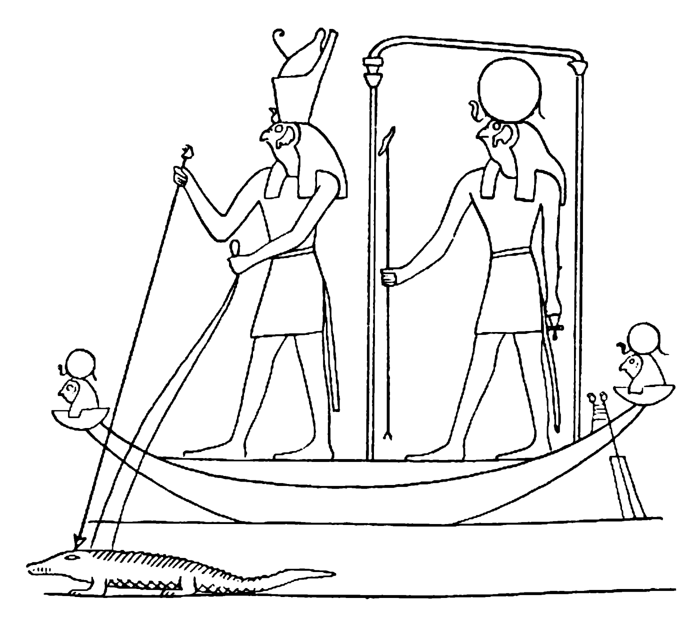


Рис. 14. Борьба солнца с крокодилом.

поле, в ночь битвы, тот, который сторожил виновных в день истребления врагов вседержателя.

„Что это? Великий кот, который сражался при сикоморе в Гелиополе, это сам Ра“.[2]

Этот текст Книги Мертвых не одинок: среди длинного перечня „хвалений Ра“ на стенах гробниц царей 19-й и 20-й династий мы вновь встречаем Ра в образе кота:

Слава тебе Ра, высокий могуществом:
Ты — великий кот, мститель богов.[3]

---

[1] Facsimile of the papyrus of Ani in the British Museum. London, 1894, тбл. X.

[2] R. Lepsius. Das Todtenbuch der Ägypter. Leipzig. 1842. Гл. XVII, 45 и сл.

[3] Хваления Ра, 56: E. Budge. The gods of the Egyptians, I. London, 1904, стр. 345. — E. Naville. La litanie du Soleil. Leipzig, 1875.

Сравнение приведенных текстов и рисунка с другим текстом Книги Мертвых дает возможность установить, что змея, убитого Ра в Гелиополе, звали Ими-Ухенеф и что предварительно „он судился с богом Ра о разделе Гелиополя“.[1]

Таким образом, мы имеем здесь следы какого-то крайне интересного варианта сказания о змееборчестве солнечного божества, одним из эпизодов которого был суд между Ра и змеем, происходивший в Гелиополе, причем предметом тяжбы был, повидимому, вопрос о владычестве над Гелиополем. Наряду с образом солнца-кота древнейшие религиозные тексты сохранили нам ряд упоминаний о солнечной богине Мафдет, поражающей врагов в облике самки гепарда или рыси:

Прыгнула Мафдет на загривок змея Индиф,
Прыгнула она вновь и на загривок змея Джесер-теп.[2]

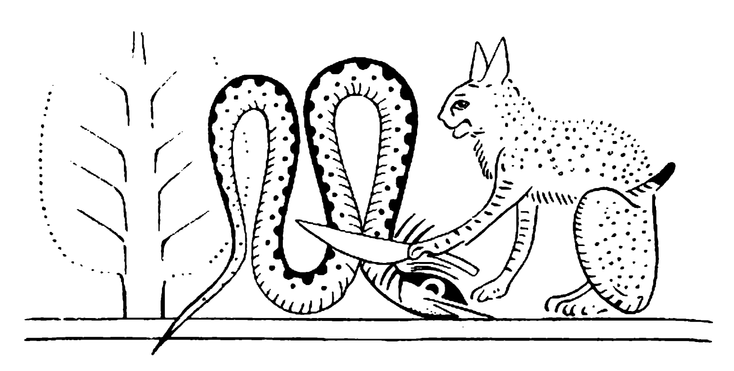


Рис. 15. Ра в образе кота убивает змея.

Иногда Мафдет сражается против змея вместе с богом Ра, помогая ему в его борьбе:

Поднимается Ра и его урей на его челе
Против этого змея, вышедшего из земли...
Отрезает он твою голову этим ножом,
который был в руке Мафдет.[3]

Назад, идущий, которого заставляют отступать,
Порождение Апопа! ..
Дрожи! Я — Ра! Дрожи! Назад!
Истребляют твой яд,
Ра тебя опрокидывает,
Боги тебя опрокидывают,
Сердце твое вырвано Мафдет,
Ты закован скорпионом,
Рана твоя предписана истиной.[4]

Особенно многочисленны, однако, упоминания текстов о битвах солнечного бога, происходивших в преисподней во время его еженощного подземного путешествия. Повидимому, наиболее распространенным из всей разбираемой группы сказаний был именно миф о сражении Ра с великим змеем преисподней — Апопом, подробное изложение которого дано ниже. Постепенно Апоп становится в египетской религиозной

---

[1] S. Schott. Urkunden myphologischen Inhalts, I. Leipzig, 1929, 63, 17; 65, 18.
[2] Тексты Пирамид, § 438.
[3] Там же, изречение 298; ср. §§ 440, 441, 685, 686, 689.
[4] Книга Мертвых, гл. XXXIX, 1—3.

литературе как бы собирательным образом врагов солнца. Это он является постоянным объектом заклятий солярных гимнов и магических ритуалов, и не случайно как раз миф о низвержении Апопа сохранился до нас наиболее полно и в виде текстуальной записи и в виде многочисленных иллюстраций.

Из приведенного, далеко не исчерпывающего перечня сказаний о битвах и победах солнечных богов Египта видно, насколько разнообразны и многочисленны были эти сказания. Возникнув в отдаленнейшие времена, они жили в долине Нила до последних веков существования египетской религии. Характерно, что именно эта группа мифов дала тематику для тех обрядов, которые должны были обеспечивать фараонам победы над их врагами, внешними и внутренними. Эти обряды развились затем в своеобразные религиозные драмы, исполнявшиеся в храмах. Как мы увидим ниже, такие драмы получили особое значение в птолемеевское время, когда тексты позволяют явно установить их политическую роль (см. стр. 70). Понятно поэтому, что образ солнца — победоносного воина, сначала пешего, а позднее всадника, впоследствии в сильнейшей степени повлиял и мифологически и иконографически на создание в христианском Египте многочисленных культов святых всадников победоносцев: Сисинния, Фиваммона, Феодора и др.

Повсеместное возникновение и многовековое существование разбираемых легенд, естественно, должно было иметь результатом те различные оформления единой по существу темы, которые мы отмечали выше. Сопоставляя дошедшие до нас полные записи легенд с солярными гимнами, отдельными данными других религиозных текстов и иконографическим материалом, мы постоянно встречаем неизбежное разнообразие мест и обстоятельств сражений, имен и обликов самого солнца и его врагов.

Исторические условия, повлиявшие в свое время на возникновение множества местных космогонических легенд (см. выше), отразились и на появлении местных сказаний о битвах солнечных богов. Подобно тому, как все основные центры Египта утверждали, что именно на их территории родилось солнце и отсюда начал существовать мир, так же упорно указывали они у себя и места сражений солнца с его врагами. Эти сражения локализуются мифами под священной сикоморой Гелиополя, в Эдфу, в Фивах, в Дендера, словом, во множестве городов по всему течению Нила.

Не могли не наложить своего отпечатка на солярные мифы и предшествовавшие им представления. В этом свете становится понятным и то, что солнечный бог выступает в разбираемых сказаниях то сокологоловым воином, то ихневмоном, то огненнорыжим котом: при ближайшем рассмотрении этих разнообразных обликов солнца-победоносца из-под звериного или птичьего образа ясно проступают черты древнейших тотемистических культов.

Столь различные по своему внешнему оформлению сказания о борьбе солнца с его врагами имеют в своей основе общее содержание: это — борьба света и мрака, солнца и водяной стихии. Каждый египетский солнечный бог, был ли то Ра, Шу-Онурис, Гор или Монту, сражался и побеждал олицетворявших собой воду, бурю и преисподнюю змей, крокодилов и гиппопотамов.

О подлинной природе врагов солнца говорят многие египетские тексты. Так, Тексты Пирамид (§ 500), советуя солнцу Ра взять с собой душу умершего фараона на помощь для борьбы против врагов, отчетливо указывают, в чем эта помощь должна выразиться: „Да возьмешь

ты с собой имя рек, который для тебя прогоняет непогоду, который для тебя побеждает тучи, который для тебя разгоняет туман". Об этом же характере врагов солнца говорит и один магический текст, обращенный к первенцу Ра, богу Шу, охраняющему с копьем в руке ладью своего отца от нападения врагов: „Ты прогоняешь непогоду, после того как осветил ты тучи",[1] причем этот же текст в качестве одного из имен Шу называет эпитет „Прогоняющий непогоду".

Исключительно важные сведения о существовании сказания о битве солнечного бога с водяной стихией при сотворении мира сообщает один из папирусов Государственного Эрмитажа, в котором имеется следующее описание мироздания: „Он сотворил небо и землю для сердца их (людей, — *М. М.*). Он уничтожил хаос воды. Он сотворил дыхание жизни для их ноздрей. Они — его образ, вышедший из его плоти. Он восходит на небе для их сердец. Он сотворил им растения, животных, птиц и рыб, чтобы их насытить".[2]

Таким образом, мы узнаем, что при сотворении мира солнечный бог сразился с водяной стихией и победил ее. Водяная стихия названа в тексте „сенек эн му" — „хаос воды". Очень интересно, что слово „сенек", которым текст обозначает „хаос", одного корня с понятиями „мрак", „тьма" и что, с другой стороны, от того же корня происходят имена ряда богов и духов преисподней.

Водяной хаос, крокодилы, гиппопотамы или змеи, Мага, Ник или Апоп — облики и имена врагов солнца могут меняться, но сущность их неизменна: это олицетворение водяной стихии, отождествлявшейся древним человеком с холодом, т. е. смертью, и бывшей, по его представлениям, исконно враждебной солнцу.

Чаще всего в качестве противников солнца выступают все же змеи. В религии и фольклоре древнего Египта змеиные культы занимают огромное место, причем змеи являются носителями двух начал: доброго и злого. В ряде культов змеи отчетливо связаны с почитанием земли. Так, в виде змея почитается египетская богиня плодородия Рененут. В облике кобры охраняет Рененут груды зерна свежего обмолота, перед ней в том же образе кобры приносят жертвы на празднике жатвы,[3] и она же изображается в виде коброголовой женщины, вскармливающей своим молоком младенца-фараона, символизирующего новый урожай.[4] Но не только Рененут связана с культом земли. Очень примечательно, что и сам бог земли Геб изображается иногда с головой змея.[5] Из земли же, согласно одной из легенд, выходит на бой с солнечным богом его противник — змей,[6] и в землю уползает, превращаясь в змея, побежденный враг солнца — по другому сказанию.[7]

К этому же кругу представлений относится и почитание ряда змеиных божеств, самые имена которых вскрывают их хтонический характер: таков змей Сата, что значит „сын земли", таков и змей Мехента, что значит „окружающий землю".[8] То же представление о земле-змее лежит

---

[1] Магический папирус Харрис, II, 5—6.

[2] W. Golénischeff. Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116A, 1116B de l'Hermitage. St. Petersb., 1913, табл. XIV, строчки 131 и сл.

[3] S. Schott. The feasts of Thebes. Orient. Inst. of the Univ. of Chicago Communic., № 18, рис. 44.

[4] Там же, рис. 45.

[5] E. Budge. The gods of the Egyptians, II. London, 1904, стр. 104.

[6] Тексты Пирамид, § 442.

[7] E. Naville. Textes relatifs au mythe d'Horus. Genève, 1870, стр. 12—21.

[8] О роли змей в культах древнего Египта см.: Th. Hopfner. Der Tierkult der Alten Agypter. Wien, 1913; Ю. П. Францов. Змеиный остров в древнееги-

Рис. 16. Поклонение богине жатвы Рененут.

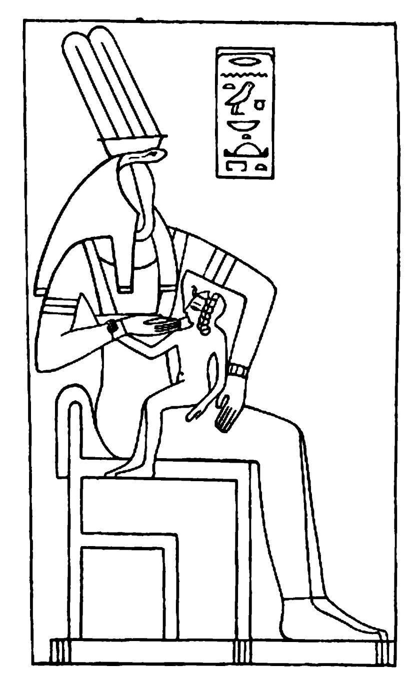


Рис. 17. Богиня Рененут кормит грудью фараона.

в основе сказания, по которому последняя часть преисподней заполнена огромным змеем длиной в 1300 локтей, через тело которого должна пройти ладья Ра для того, чтобы, выйдя из него, утром выплыть на поверхность небесного Нила.[1]

Как божества земли змеи, естественно, связаны с культом мертвых, и не случайно змеиная богиня фиванского некрополя носит имя Мерит-

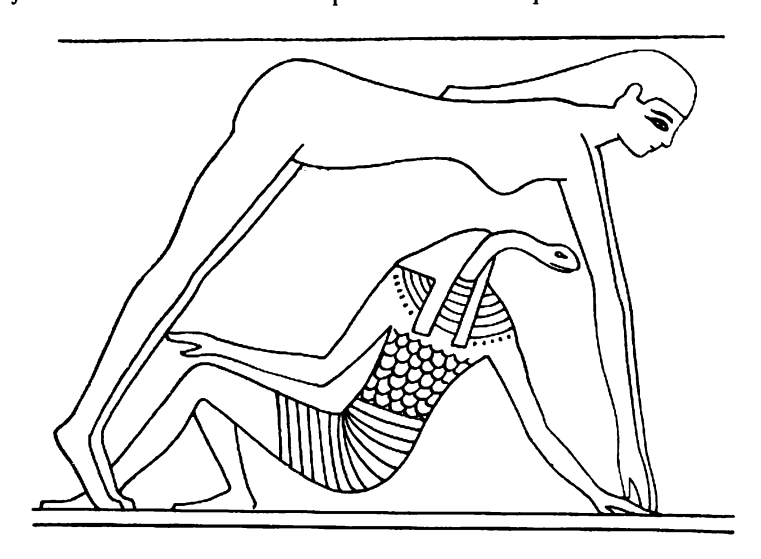


Рис. 18. Бог земли Геб с головой змея.

сегер — „любящая молчание“, отчетливо характеризующее ее как богиню смерти.[2]

Земля и находящийся в ней мир мертвых полны змей, добрых и злых. Как мы увидим ниже, змеи сторожат врата разделов преисподней, змеи охраняют ладью солнечного бога во время его плавания по подземному Нилу, и если, с одной стороны, гигантский змей Апоп пытается воспрепятствовать этому плаванию, то, с другой стороны, змей Мехен, защитник солнца, помогает последнему побороть Апопа.

Представления о змеях-защитниках вообще были широко распространены в древнем Египте. И египетские мифы и египетские сказки полны повествованиями о змеях — защитниках и спасителях богов, фараонов, мертвых, даже путешественников. Головы богов и фараонов обвивают

петской сказке. Изв. Акад. Наук СССР, Отд. гуманит. наук, 1929, стр. 823 и сл.; H. Ranke. Das altägyptische Schlangenspiel. Heidelberg, 1920; E. Amelineau. Du rôle des serpents dans les croyances religieuses de l'Egypte. Rev. de l'hist. des religions., Paris, 1905, t. 51, стр. 355—360; t. 52, стр. 1—32; B. Bruyère. Mert Seger à Deir el Medineh. Le Caire, 1930.

[1] С представлениями о змее-земле тесно связаны и представления о змее-преисподней, поглощающей умерших людей. Вспомним, что и на христианских изображениях Страшного суда преисподняя обычно изображается в виде огромного дракона, пожирающего грешные души.

[2] О богине Мерит-сегер см.: B. Bruyère. Mert Seger à Deir el Medineh; J. Capart. Le déesse thébaine Meritsakro. Rev. de l'univ. de Bruxelles, VI, Bruxelles, 1900—1901; B. Gunn. Religion of the poor. JEA, v. III, 1916, стр. 81; G. Maspero. De quelques cultes et croyances populaires des Egyptiens. Etudes égyptol., II, Paris; M. Э. Матье. Религия египетских бедняков. Религия и общество, Л., 1926. О значении имени этой богини см.: K. Piehl. Petites notes de critique. Rec., II, стр. 32.

священные уреи, огнедышащие кобры, истребляющие всех их врагов своим палящим пламенем; они же грозными рядами поднимаются и над ковчегами богов и над балдахинами царских тронов. В виде крылатых кобр охраняют Исида и Нефтида Осириса, окружая его тенью своих крыльев. Богиня-змея Мерит-сегер сторожит фиванские кладбища, пятиглавый змей — гробницу бога Хепра в шестом подразделении преисподней.[1] Гигантский волшебный змей, хозяин чудесного острова, с длинной бородой и золотым телом, охраняет потерпевшего кораблекрушение египтянина, занесенного морской волной на его зачарованный остров.[2]

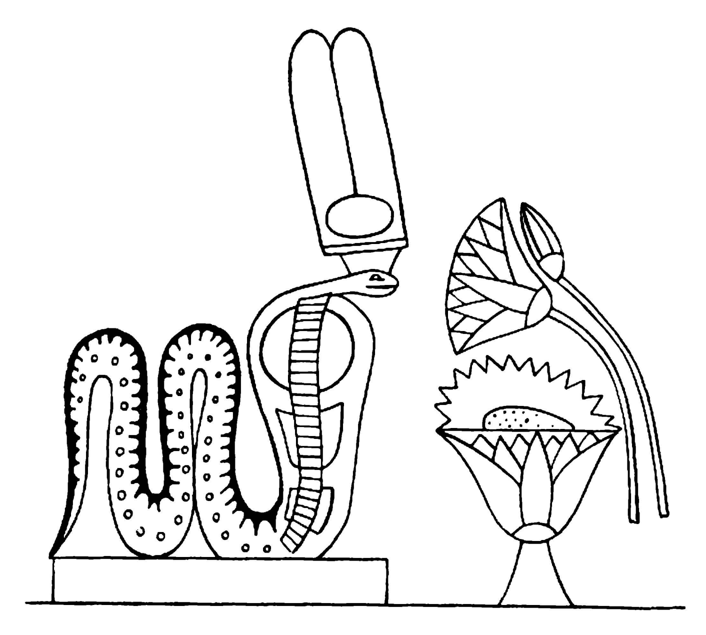


Рис. 19. Богиня Мерит-сегер в образе кобры.

Однако наряду со змеями — защитниками и охранителями, со змеями, приносящими плодородие, не менее часто змей выступает в египетской мифологии и носителем злого начала. Как таковой он является смертельным врагом солнечного бога.

Выше мы уже говорили, что о борьбе солнца и змея существовало множество сказаний. Мы отмечали также, что часть их до нас не дошла и что из сохранившихся самым полным является миф о борьбе бога Ра со змеем подземного мира — драконом Апопом. Остановимся на этом мифе несколько подробнее.[3]

Борьба Ра и Апопа, неизменно оканчивающаяся победой первого, постоянна, и солнечному змееборцу еженощно приходится преодолевать козни своего противника. Каждый вечер, пройдя дневной путь по небу, ладья Ра подплывает к западным горам, в которых в районе Абидоса, по представлениям египтян, находился вход в подземный мир. При

[1] E. Budge. The Gods of the Egyptians, I, стр. 226 и рисунок на стр. 229.

[2] Папирус № 1115 Государственного Эрмитажа; см.: Ю. Францов. Змеиный остров в древнеегипетской сказке.

[3] Текст мифа см.: E. Budge. Egyptian Hieratie Papyri in the British Museum. London, 1910.

приближении ладьи Ра к этому входу горные павианы запевают свои приветственные песни:

Сотворил ты павианов,
да поют они тебе,
да пляшут они пред тобою,
да восклицают они восхваления тебе.[1]

Ра торжественно переходит с дневной ладьи Манджет на ночную ладью Месктет, и начинается плавание по подземному Нилу, протекающему в преисподней, длинной и узкой долине, разделенной 12 вратами на 12 частей.[2] Все эти врата охраняют огнедышащие змеи. Каждое подразделение подземного мира ладья Ра проплывает в определенный час ночи, и, по мере того как она плывет по подземному Нилу, души мертвых выходят из своих гробниц, приветствуя солнце и наслаждаясь его сияньем:

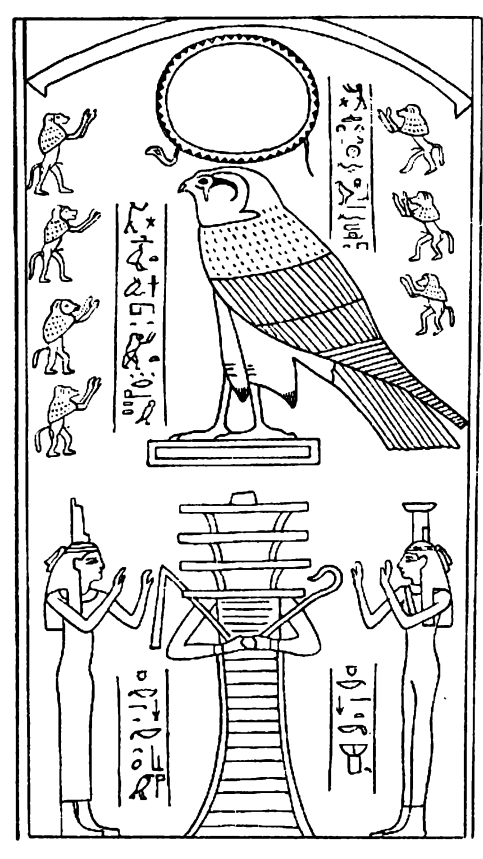


Рис. 20. Павианы и солнце.

Слава тебе Ра! . .
Почитают тебя обитатели Дуата,
Поклоняются тебе обитатели преисподней.
Восхваляют они тебя, грядущего в мире.[3]

Западные[4] в ликовании,
Когда ты приносишь свет туда богу великому,
Осирису, владыке вечности,
Ликуют сердца подземных,
Когда ты приносишь свет обитающим на западе,
Их очи открываются, ибо они видят тебя,
Полны радости их сердца, когда они смотрят на тебя,
Ибо ты слышишь молитвы лежащих в гробах,
Ты уничтожаешь их печали
И отгоняешь зло от них прочь.[5]

Все спящие поклоняются твоей красоте,
Когда твой свет озаряет их лица.
Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,
И каждый вновь ложится в свой гроб.[6]

---

[1] Hieratische Papyri des Museums zu Berlin, II, № 3050. Папирус относится приблизительно к 800 г. до н. э.

[2] Представления египтян о преисподней, ее обитателях и еженощном путешествии Ра по подземному миру нашли свое отражение в различных вариантах двух текстов: в Книге Врат и Книге Амдуат: E. Lefébure. Les hypogées royaux de Thèbes, 1—3. Mém. de la Miss. arch. fr. au Caire, t. 2—3, Paris, 1886—1889; G. Jéquier. Le livre de ce qu'il y a dans l'hadès. Paris, 1894; E. Budge. The egyptian heaven and hell. London, 1906.

[3] P. Lacau. Textes religieux, I. Paris, 1910, стр. 210 (Саркофаг № 28085).

[4] Поскольку солнце заходит на западе, египтяне считали, что на западе расположен вход в преисподнюю. Древнеегипетские кладбища чаще всего располагались на запад от того или иного поселения. Отсюда же „запад" — обычное название для кладбища и преисподней, „западные" — для умерших.

[5] E. Naville. Todtenbuch, гл. 15, B. II.

[6] Остракон Каирского музея № 25206: A. Erman. Gebete eines ungerecht Verfolgten und andere Ostraca aus den Königsgräbern. AZ, 1900, Bd. 38, стр. 19.

Но вот проходит полночь, и приближается час еженощного страшного боя Ра с его смертельным врагом — гигантским змеем Апопом, тело которого достигает в длину 450 локтей. Желая воспрепятствовать дальнейшему плаванию Ра и погубить его, Апоп выпивает воду подземного Нила. Однако Ра неизменно побеждает своего противника. С помощью всех богов и своего грозного защитника, змея Мехена, Ра поражает чудовище копьями и ножами и, пронзив каждый изгиб его огромного туловища, заставляет его изрыгнуть всю проглоченную им воду.

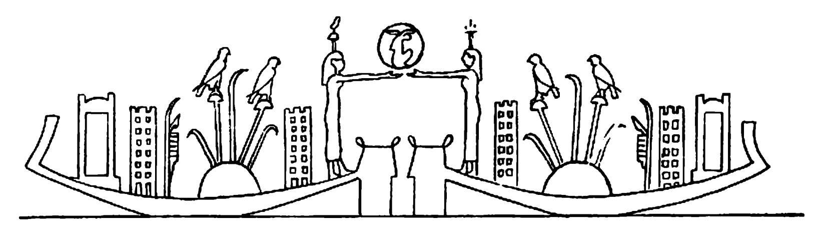


Рис. 21. Солнце переходит с дневной ладьи на ночную.

Великая змея на челе твоем
Поражает злотворящего дракона
И разрубает позвоночник его,
Раздирает его пламя,
И огонь пожирает его.
Побеждает его Исида
И ранит его Нефтида,
Поражает Тот его мечом
И низвергает его.[1]

Великая Девятка сражается с ним,
И ликуют они, когда он повержен.
Дети Гора хватают ножи
И наносят ему раны многие.[2]

После победы над Апопом торжественное плавание солнечной ладьи продолжается уже беспрепятственно при общем ликовании окружающих Ра богов:

Обессилены дети восстания,
Ибо стал Ра владыкой над ними,
Пали подлые под ножом его,
И змей изрыгнул поглощенное.
Восстань же, о Ра, в святилище своем!
Силен Ра,
Слабы враги!
Высок Ра,
Низки враги!
Жив Ра,
Мертвы враги!
Велик Ра,
Малы враги!
Сыт Ра,
Голодны враги!
Напоен Ра,
Жаждут враги!
Вознесся Ра,
Пали враги!

---

1 E. Naville. Todtenbuch, гл. 15, A. IV.

2 Остракон Каирского музея № 25206: A. Erman. Gebete eines ungerecht Verfolgten. . ., стр. 19.

Благ Ра,
Мерзки враги!
Силен Ра,
Слабы враги!
Есть Ра,
Нет тебя, Апоп! [1]

В конце своего подземного путешествия ладья Ра проходит сквозь тело огромного змея в 1300 локтей длиной и через отверстия в восточных горах снова выходит на небо. Распахиваются двери горизонта,[2] солнечный бог умывается в озере полей Иару [3] и, одетый „в свои красные одежды",[4] переходит на дневную ладью. Вновь начинается плавание по небесному Нилу, а с наступлением вечера снова повторяются все события предшествующей ночи.

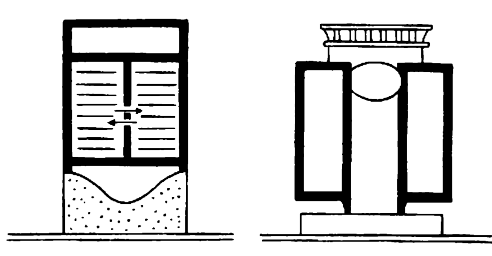


Рис. 22. Двери горизонта.

Таково было содержание мифа о еженощной борьбе Ра и Апопа, бога солнца и змея преисподней.

Особо следует остановиться на том характерном приеме, который применяет Апоп в борьбе со своим солнечным противником, — поглощении воды подземного Нила. По верованиям многих народов, змеи являются виновниками исчезновения различных источников влаги и, в частности, дождя, и прекращение длительного дождя в ряде случаев приписывается тому, что его выпила огромная змея. Такие сказания раскрывают образ выпивающей дождь змеи: это — радуга, изгибающая свое пестрое тело по небу, свободному от выпитого ею дождя. В подобных легендах о змеях — поглотителях воды сохранились следы все тех же представлений о змее как существе водяной стихии, первобытного хаоса, которые мы отмечали выше; и не случайно в ряде легенд радужный змей — поглотитель дождя вполне отчетливо характеризуется как змей преисподней, тело которого находится под землей, а голова на небе. Так, по верованиям африканского племени эве, радуга — это подземная змея, поднимающая голову к облакам и поглощающая дождь.[5] Сказания о змеях-радугах, поглотителях воды, вообще широко распространены среди африканских народов. Исключительно интересно в этом отношении сказание племени кикуйу о змее с прозрачным именем Радуга (Мукунга-Мбура), с которым борется герой с не менее прозрачным именем Сын солнца (Вадуа).[6]

Обычным следствием победы солнечного змееборца бывает извержение побежденным змеем проглоченной им воды, и понятно поэтому, что с представлениями о змеях — поглотителях воды тесно связаны сказания о великих ливнях или разливах, происходящих в результате убийства или смертельного ранения змея. С другой стороны, представления о змеях, поглощающих и тем самым прячущих воду, как бы

[1] Hieratische Papyri. . ., II, № 3050.
[2] Тексты Пирамид, § 526.
[3] Там же, § 1421.
[4] Там же, § 285.
[5] A. B. Ellis. The Ewe-Speaking Peoples of the Slave-Coast of West Africa. London, 1890, стр. 47 и сл.
[6] H. Baumann. Schöpfung und Urzeit des Menschen im Mythes der Afrikanischen Völker. Berlin, 1936, стр. 197.

…яняющих ее, связаны и с представлениями о змеях — хранителях колодцев и источников.

Сказания об источниках, охраняемых змеями, также широко распространены в фольклоре Африки: в существование таких змеев верят и ваньяруанда, и готтентоты нама, и живущие в дельте Нигера ийо.[1]

И подобно тому как в сказаниях о змеях — поглотителях воды солярный герой, убивая змею-радугу, возвращает похищенную ею воду, так в ряде сказаний о змеях — хранителях источников герой (безразлично, человек, бог или зверь) убивает такого змея и добывает хранимую им воду для своего племени. Так, в западном Судане рассказывают о змее, охранявшем единственный в округе источник и требовавшем за воду еженедельный выкуп в виде девушки. Герой-пришелец убивает змея и добывает таким образом воду для деревни. У племени ремба известно сказание о восьмиглавом змее, хранившем воду: его убивают львенок и молодой бык.[2]

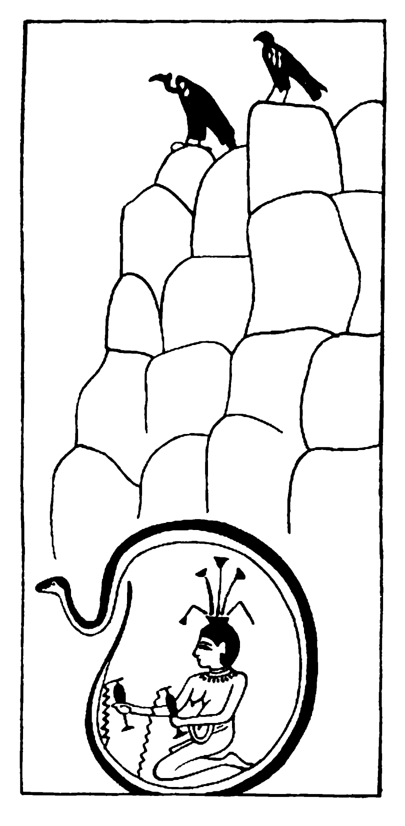


Рис. 23. Змей охраняет истоки Нила.

В свете приведенных представлений о змеях — хранителях источников приобретает особый интерес изображение пещеры, из которой, по представлению египтян, берет свое начало Нил.[3] Внутри этой пещеры изображен сам Нил в виде божества, изливающего воду из двух сосудов, а вокруг пещеры, огибая ее со всех сторон, обвивается огромный змей, являющийся, очевидно, стражем и хранителем истоков Нила. Перед нами несомненная параллель к приведенным выше сказаниям о змеях — хранителях источников. Подобно восьмиглавому змею племени ремба и змеям других африканских сказаний, великий змей — хранитель истоков Нила стережет свое сокровище — драгоценную нильскую воду.

Выше мы видели, что змей Апоп еженощно поглощает воду подземного Нила и именно эту воду заставляет его изрыгнуть обратно солярный змееборец египетских преданий. Вполне понятно, почему именно с Нилом связаны в Египте сказания о змеях, сохранившие хотя бы в рудиментарном или переосмысленном виде представления о змеях как существах водной стихии.

Исключительное значение нильских разливов для всей жизни Египта не могло не наложить своего отпечатка на египетский фольклор. И змей — поглотитель подземного Нила и змей — хранитель истоков Нила земного равно родственны змеям — поглотителям дождей, змеям подземных вод и змеям — хранителям земных озер и источников анало-

[1] Там же, стр. 194 и сл.

[2] Там же.

[3] F. Champollion. Monuments de l'Egypte et de la Nubie. Paris, 1833 стр. 93.

гичных африканских сказаний и подобно им являются существами водной стихии.

Эту параллель можно продолжить и дальше. Выше мы приводили суданское сказание о змее, охранявшем колодец и периодически требовавшем от людей за пользование водой выкуп — девушку. Вспомним в этой связи, что и в Египте еще в арабское время существовал обычай приносить в жертву Нилу в случае запоздалого или недостаточного его разлива девушку, называвшуюся невестой Нила. И как суданский змей в аналогичной легенде, получая девушку, дает необходимую для жизни людей воду, так и змей — Нил, получив жертву — невесту, праздновал свой брак и, возвращая жизнь природе и людям, заливал землю Египта своей оплодотворяющей влагой.

Мы отмечали выше широкое распространение в Египте сказаний о борьбе солнечного бога с его врагами; мы видели, что отзвуками этих сказаний были полны и солярные гимны, и храмовые ритуалы, и магические тексты.

Интересным вариантом подобных легенд является заговорно-магический текст, сохранившийся на одном из папирусов.[1] Это — „Сказание о Ра и змее" (см. ниже перевод на стр. 87 сл.), в котором рассказывается о том, как Исида, богиня „великая чарами", „госпожа волхвований", пожелала узнать тайное имя самого бога Ра. В основе сказания лежит таким образом представление о том, что часть сущности человека, божества, зверя, вещи заключена в его имени и что знание имени кого-либо отдает его во власть узнавшего имя.[2]

Содержание сказания заключается вкратце в следующем. Исида, желая получить власть над самим Ра, решает узнать его тайное имя, „которое нарекла его мать при рождении". Она изготовляет змея из земли, смешанной со слюной Ра, и кладет его на пути солнечного бога. Змей жалит Ра, и яд начинает „пылать огнем по всем жилам бога". Испытывая сильнейшие муки, Ра умоляет богов избавить его от них, но боги бессильны против неизвестной им болезни. Одна Исида вызывается исцелить Ра своими волхвованиями, однако она при этом заявляет, что для этого ей необходимо знать подлинное имя Ра. Ра этого имени открывать не хочет и перечисляет ей множество своих имен и прозваний, не упоминая, однако, среди них своего тайного имени. Исида отказывается его излечить, боль от яда становится все сильнее, и тогда окончательно измученный старый бог открывает Исиде свое имя. Торжествующая богиня начинает произносить свои заклятия и после продолжительной речи исцеляет Ра. Цель ее достигнута, она обладает тайным именем царя богов, а, следовательно, и властью над ним. Текст заканчивается выражением уверенности в том, что как исцелился от яда Ра, так исцелится и всякий человек, страдающий от яда змеи, над которым будет прочтено это сказание.[3] Как видно по этим заключительным фразам текста, он являлся заговором против укуса змей. Весь

---

[1] Издание текста: W. Pleyte et F. Rossi. Papyrus de Turin. Leide, 1869—1877, стр. 131—138. Переводы: E. Lefébure. Un chapitre de la chronique solaire. AZ, Bd. 21, 1883, стр. 27; K. Wiedemann. Die Religion der alten Agypter. Münster, 1890, стр. 29.

[2] Согласно представлениям египтян, часть человеческой души заключается в имени человека. Поэтому имя являлось постоянным объектом магических действий и заклятий (см.: М. Э. Матье. Формула m. rn. k. Зап. Колл. востоковедов, т. IV, Л., 1930, стр. 33).

[3] Египетские заговоры обычно содержат упоминания о каком-либо событии с одним из богов; путем ссылки на это событие заклинатель пытается обеспечить аналогичный исход и для объекта своего заговора. Благодаря подобной структуре заговорных

рассказ об укусе змеем солнечного бога Ра и исцелении последнего заклинаниями богини Исиды служит магическим прообразом для каждого, подвергшегося укусу змеи: как был исцелен Ра, так да исцелится я (имя рек) от прочтенных заклятий. В самой последней фразе текста указывается даже над изображениями каких именно божеств нужно читать текст. Для нас особый интерес представляет, однако, самый рассказ, который должен служить магическим прообразом исцеления для объекта данного заговора и является, в сущности, своеобразным вариантом все той же уже хорошо известной нам по вышеприведенным сказаниям темы о змееборчестве солярного божества.

* * *

В другую группу солярных сказаний входят легенды о дочери солнца, его возлюбленном глазе. Представления о том, что солнце — это глаз, возникло в Египте в отдаленнейшие времена. Древнейший обитатель долины Нила воспринимал солнце в виде огромного глаза то небесного бога, то бога солнечного, сокола или человека с соколиной головой. Иногда солнце мыслилось правым глазом бога, а луна — левым: „Прозрели люди, когда сверкнул твой правый глаз впервые. Левый же глаз твой прогнал тьму ночную“.[1]

Чаще же всего солнечное око представлялось в образе любимой дочери солнца, могучей защитницы своего отца. Ее называли именами различных богинь: Хатор (табл. XV, *2*), Тефнут, Сохмет; ее изображали то змеей, то львицей, то львиноголовой женщиной; о ней и ее подвигах слагались сказания; в ее честь справлялись торжественные празднества.

Из легенд о дочери — оке солнца до нас сохранились в основном два сказания. Текст одного из них — „Сказания об истреблении согрешивших людей“ обнаружен на стенах гробниц Сети I и Рамсеса III (см. ниже перевод) и на втором футляре Тутанхамона. Содержание же второй легенды — „Сказания о возвращении Хатор-Тефнут из Нубии“ — было восстановлено сравнительно недавно в результате тщательной и кропотливой работы ряда исследователей, собравших этот миф, точно большую мозаичную картину, из отдельных строк гимнов, из отрывочных сведений праздничных календарей, из сопоставления позднейших литературных отражений мифа со всем пестрым и отрывочным материалом, который удалось обнаружить среди длинных и сложных текстов на стенах поздних храмов не только в самом Египте, но и в далекой Нубии. Сказания эти исключительно интересны, и анализ как их самих, так и всей связанной с культом богини Хатор-Тефнут праздничной обрядности позволяет не только вскрыть отразившиеся и в мифе и в культе древнейшие представления и проследить длительный путь дальнейшего развития этих представлений, но и установить глубокую связь их с целым рядом важнейших звеньев в общей цепи развития истории египетской религии.

Остановимся сначала на „Сказании о возвращении Хатор-Тефнут из Нубии“. В кратких чертах содержание его сводится к следующему. В те далекие времена, когда еще бог Ра царствовал в Египте, дочь его Тефнут, любимое его око, покидает Египет вследствие какой-то

текстов, они часто сохраняют различные не дошедшие до нас в других записях варианты мифов и являются поэтому ценным источником при изучении египетской мифологии.

[1] Папирус № 3049 Берлинского музея.

ссоры со своим отцом. Грозной львицей бродит она в гневе по земле Бугем:[1] „Пламенная, владычица огня, повергающая врагов дыханием своих уст, с пылающим сердцем, опаляющая горы пламенем своим".[2] Но старый бог Ра тоскует о своем солнечном оке и, по некоторым данным, нуждается в защите своей могучей дочери против угрожающих ему врагов. Он посылает за Тефнут своего сына Шу (табл. XVI) и бога мудрости Тота. Оба бога превращаются в обезьян и отправляются за богиней. Гнев Тефнут укрощается премудростью и чарами Тота: „Тот, умиротворяющий Пламенную своими заклятиями... Тот дважды величайший, владыка Гермополя, умиротворяющий Пламенную, увесе-

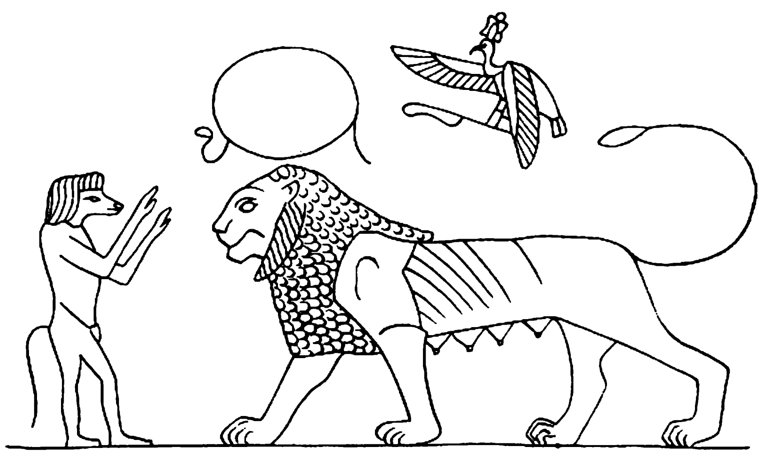


Рис. 24. Тот и Тефнут.

ляющий дочь Ра своими прекрасными миротворящими словами".[3] Богиня соглашается вернуться, и начинается торжественное шествие. Всюду богиню встречают радостными плясками, пеньем, музыкой и приношениями вина и пива:

Ее величество возвращалась из земли Бугем,
Чтобы увидеть Нил египетский вместе со всеми чудесами
Земли возлюбленной...[4]
Приносятся ей жертвы из всяких прекрасных вещей, быки и гуси.
Играют ей боги на систрах, и пляшут для нее богини.
Ударяют женщины в бубны для нее.
Возливали ей вино и приносили масло, и венок золотой был обвит вокруг
ее головы
О как прекрасно твое лицо, когда ты возвращаешься и ты радостна!
Твой отец Ра ликует при твоем появлении
Твой брат Шу радуется тебе
И бог Тот перед тобою...
Великая Девятка богов в ликовании и восхвалении.
Обезьяны перед тобою и пляшут перед твоим величеством,
Боги Бэсы ударяют в бубны для тебя
О, владычица игры на систре![5]

(табл. XVI и XVII, *1*).

---

[1] Пустынная местность к востоку от Нила в Верхней Нубии.
[2] H. Junker. Auszug..., стр. 81.
[3] Там же, стр. 42.
[4] Та-мери — буквально „Земля возлюбленная" — одно из названий Египта подревнеегипетски.
[5] H. Junker. Auszug..., стр. 77, 84, 73, 47, 45.

Еще в Нубии, в Омбосе, происходит встреча Тефнут с ее отцом Ра, там же торжественно празднуется брак богини с ее братом Шу:

Пришла Тефнут к этой области
Вместе с ее братом Шу,
Когда она шла из Бугема,
Опустилась она в этой области...
И сказал Тот этой богине:
„Хорошо тебе будет в этой области“.
. . . .
Супруга прекрасная своего брата Шу,
Пришла она из Кенсет вместе с ним
И они сочетались радостно в своем городе.[1]

Из Омбоса торжественная процессия направляется в Египет, и в каждом городе на всем пути радостного брачного шествия богини по Египту ее встречают празднествами и пирами:

Дендера[2] залита хмельным питьем, прекрасным вином...
Филы исполнены ликования,
И весь Египет радуется...
Идет Хатор к своему дому...
О как сладостно, когда она приходит![3]

Из текстов, сохранивших нам сведения о приведенном сказании, видно, что по всему Египту устраивался большой праздник брака Тефнут и ее возвращения из Нубии. Надписи сохранили слова песнопений, различные ритуальные указания, описания процессий и их участников. Сведения, сообщаемые текстами, дополняются обнаруженными вместе с ними на храмовых стенах рельефами, изображающими как отдельные эпизоды легенды, так и различные моменты торжественных шествий.

Рассмотрим несколько подробнее и самый праздник Тефнут и связанные с ним обряды. В египетских календарях о празднике Тефнут говорится, что „это — день виноградной лозы и полноты Нила“, т. е. время расцвета природы Египта и радостного оживления всей страны. В полном соответствии с этим и весь праздник брака и возвращения Хатор-Тефнут был проникнут весельем и радостью. В нем участвовало все население, особенно женщины. В честь богини плясали и пели песни, в изобилии лилось вино и пиво. Существеннейшим моментом праздника было, повидимому, торжественное шествие, во время которого изображалась встреча богини, после чего шествие возвращалось обратно в храм данного города. В процессии участвовали жрецы и жрицы, несшие культовые статуи и различные предметы ритуала. Другие жрецы несли дары — газелей, украшенных лотосами, сосуды с вином, обвитые виноградными гроздьями, сосуды с пивом, огромные букеты цветов, украшения, диадемы, ткани. Процессию сопровождали хоры жриц, певших хвалебные песни и потрясавших в такт систрами, и жрецов, игравших на флейтах и арфах.

В свите Тефнут мы встречаем людей, которые изображали ударявших в бубны веселых божков Бэсов и обезъян, игравших на лирах и призывавших богиню следующими песнями:

Иди, спустись к Египту,
О газель пустыни,
О великая, могучая в Бугеме![4]

---

[1] Там же, стр. 57, 58, 65, 66.
[2] Город в Верхнем Египте.
[3] H. Junker. Auszug..., стр. 77, 46.
[4] Там же, стр. 46.

В мифе об уходе Хатор-Тефнут в Нубию и возвращении ее обратно в Египет и в обрядах празднования этого возвращения богини отразились древнейшие представления, связанные со сменой времен года, согласно которым ежегодное обновление природы объяснялось возвращением временно удалявшегося духа растительности. Как показали исследования в области истории религии,[1] подобное осмысление смены времен года восходит к отдаленнейшим периодам и является как бы первым этапом широко развивающихся впоследствии мифов об умирающих и воскресающих богах природы. Легенды о смерти и последующем воскресении подобных богов обнаружены у многих народов: таков вавилонский миф о Таммузе, сирийский об Адонисе, малоазийский об Аттисе. С одним из аналогичных сказаний — об Осирисе мы встретимся еще и на почве Египта (см. главу III).

Однако сказания о смерти и воскресении божеств природы не являются первоначальными. Древнейший человек, не представлявший себе столь абстрактного понятия, как небытие, и мысливший смерть как бытие в другом месте, как уход в другую страну, связывал омертвение и последующее оживление природы с уходом духа природы и его возвращением. На более ранних ступенях развития человеческого общества именно таким временным уходом духа и объясняют зимнее или засушливое время года в различных странах.[2] На разбираемых представлениях отразились и древнейшие тотемистические культы: обычно исчезающий и вновь появляющийся дух природы мыслится в образе зверя или оказывается так или иначе связанным со зверем.

В свете всего сказанного становится понятна та почва, на которой возник в древнем Египте миф об уходе богини Хатор-Тефнут в Нубию. Дошедшие до нас позднейшие обработки мифа позволяют проследить, что корни его восходят к отдаленнейшим временам и что еще в условиях родового общества складывались в Египте сказания об уходе женского духа растительности куда-то далеко в южные края, туда, откуда после мертвящего периода зноя и засухи появляются новые воды Нила, которые заливают высохшую землю и приносят жизнь всему живущему в Египте: растениям, животным, человеку. Расцвет природы Египта происходит постепенно, по мере приближения с юга новой нильской воды, оживляющей сначала южные области и затем уже земли, расположенные все дальше и дальше к северу. Радостный приход богини, приносивший изобилие и веселье стране, происходил, согласно легенде, оттуда же, с юга, и миф рассказывает, как в своем торжественном шествии из Нубии богиня сначала останавливается во всех южных городах и затем постепенно идет из города в город к северу.

В результате отражения на разбираемой легенде древних тотемических представлений в различных местностях Египта богиня мыслилась в образах львицы, кошки, змеи, соколицы, коровы. В связи же с соляризацией религиозных представлений, с одной стороны, и с изменением родовых отношений — с другой, она стала дочерью солнечного бога, и миф изобразил ее грозной защитницей своего отца.

Правильность приведенного объяснения мифа об уходе и возвращении Хатор-Тефнут подтверждается и всей обрядностью ее праздника. Мы уже видели, что праздник Тефнут был праздником возрождения природы, будущего изобилия и урожая, отметили сопровождавшие его

---

[1] В. Недельский и Ю. Францов. Миф о страдающем боге. Л., 1934, стр. 65 и сл.

[2] Там же, стр. 67.

веселые шествия, встречу богини цветами и дарами, радостные песни и пляски, обильное питье и еду — черты, свойственные празднику обновления природы.

Очень показательно, что в песнях, которыми славили на этом празднике Тефнут, она называется как подлинная богиня вина и изобилия „владычицей опьянения“,[1] а одного из ее спутников, приведших ее, согласно легенде, в Египет, бога Тота, в тех же песнях величают „владыкой вина“, „владыкой опьянения и радости“.[2]

Представления о возвращении богини, с которым связывали оживление природы, соединялись с представлениями о ее браке, который обусловливал принесение плодов всей природой, ибо считалось, что если богиня природы, зачиная в весеннем браке с небесным божеством, рождает затем свое дитя, то тем самым и вся природа, зачиная во время весеннего обновления, рождает затем свои богатые плоды. Такие „священные браки“ богинь природы были важнейшим моментом весенних праздничных обрядов в ряде стран. Так, в Вавилоне праздновали брак богини Иштар и бога Таммуза. В горах Малой Азии, на склонах ущелья Язили-Кая сохранились рельефы, показывающие „священный брак“ Хеттской великой матери: стоя на диких зверях, в торжественном шествии встречаются здесь хеттские бог и богиня. В Греции ежегодно справляли в Элевсине брак богини земли Деметры и бога неба Зевса, причем важнейшим моментом праздника было вынесение колоса, который считался плодом этого брака. Аналогичный „священный брак“ богини в Египте справлялся во время праздника возвращения Хатор-Тефнут из Нубии. Об этом говорят тексты:

Пришла она с ее братом,
И сочетался он с ней на празднестве,
И радостны сердца их вместе.[3]

Это же подтверждают и изобразительные памятники. На внутренней стороне внешней стены храма в Комомбо сохранился прекрасный рельеф, изображающий брак Хатор-Тефнут и Шу-Онуриса. В центре изображения на троне сидит сама богиня в высокой короне, с ожерельем на шее, с жезлом и знаком жизни в руках. К богине подходят боги Шу и Тот, а за нею стоят ее отец бог солнца Атум-Ра и отец последнего Танен, праотец всех богов. Очень характерно, что в связи с брачными празднествами Тефнут часто величают „прекрасной сестрой“:

Сестра прекрасная, Тефнут на троне великом,
Сестра прекрасная, владычица Омбосская,
Тефнут, диадема отца ее Ра.[4]

В древнем Египте слово „сестра“ означало и „возлюбленную“, слово „брат“ — „возлюбленного“; „брат“ и „сестра“ являются в египетской любовной поэзии обычными обозначениями любящих. И хотя Тефнут и Шу были, по египетской мифологии, братом и сестрой, детьми одного отца — солнца, тем не менее появление постоянного эпитета „прекрасная сестра“, которым величают Тефнут хвалебные песни ее брачного праздника, связано именно с моментом ее брака и с ее ролью возлюбленной невесты ее брата-жениха Шу. Это подтверждают те же песни,

---

[1] H. Junker. Auszug . . ., стр. 61.
[2] Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 66.
[4] Там же, стр. 61.

прямо называющие ее „супругой прекрасной брата ее Шу", а этого последнего — „прекрасным супругом Хатор".[1]

Таким образом, подобно „священным бракам" вавилонской, хеттской, греческой и иных богинь природы, и в Египте праздник грядущего изобилия природы связывался с браком богини Хатор-Тефнут. Рассмот-

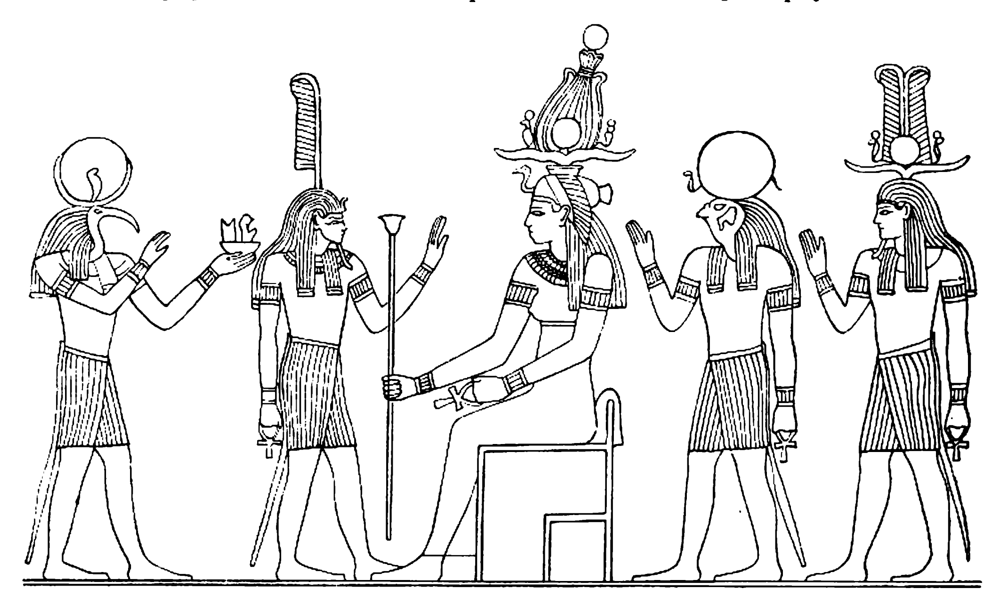


Рис. 25. Брак Шу и Тефнут.

рение всего приведенного материала мифа о возвращении Хатор в Египет показало нам, что в основе этого мифа лежали представления о смене времен года как результата ухода и нового возвращения женского божества природы. Эти представления возникают еще в глубочайшей древности и на последующих ступенях общественного развития дают миф об умирающем и воскресающем боге (см. главу III).

С аналогичными представлениями связана и другая легенда о солнечном оке — легенда об истреблении людей, содержание которой, однако, на первый взгляд казалось бы ничего общего с мифом о возвращении Хатор не имеет. Согласно этой легенде, царствовавший в Египте бог Ра состарился, тогда люди, перестав ему повиноваться, „замыслили злые дела". Ра оказывается не в состоянии один подчинить людей, поэтому он собирает совет богов, которые предлагают ему послать против непокорных людей его дочь, страшное солнечное око. Она является в образе богини Хатор-Сохмет, свирепой львицы. Начинается истребление людей, которое принимает такие размеры, что сам старый солнечный бог хочет его прекратить, но богиня не повинуется отцу. Тогда вторично собирается совет богов, на этот раз уже для того, чтобы решить, каким образом спасти остающихся еще живыми людей. Срочно посылают гонцов в далекую Элефантину, откуда те приносят особый красный минерал. Его перемалывают в порошок, смешивают с огромным количеством ячменного пива и полученной красной влагой ночью заливают поля, по которым должна утром пойти богиня,

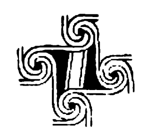
[1] H. Junker. Auszug . . . , стр. 65 и 49.

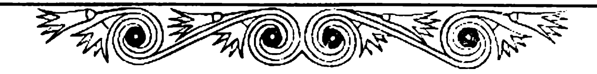
чтобы настигнуть убежавших от нее в пустыню людей. Сохмет принимает красную жидкость за кровь, выпивает ее, пьянеет и не помнит уже больше о своем желании истребить оставшихся людей. В память этого события Ра учреждает праздник с приказанием приносить в этот день в жертву своей дочери сосуды с пивом, после чего он удаляется на небо, провозгласив своим заместителем на земле своего внука, бога земли Геба.

Таково содержание сказания об истреблении согрешивших людей. Ближайшее сравнение его с мифом о возвращении Хатор-Тефнут из Нубии показывает, что, несмотря на кажущееся различие фабул обоих сказаний, основные черты их в действительности очень близки между собой.[1] В самом деле, оба мифа начинаются с описания гнева богини-львицы, дочери-защитницы бога солнца, называемой и там и тут оком Ра. В результате этого гнева богини, согласно обоим сказаниям, в Египте наступает горе и гибель; далее, и там и тут богиню успокаивают приношениями вина или пива, после чего возвращается жизнь и радость. Не случайно, что это возвращение радости в сказании об истреблении людей связывается с красной влагой, залившей поля Египта. Вспомним, что по другой легенде Хатор-Тефнут возвращается во время „полноты Нила", вспомним, что воды первого дня нильского разлива действительно всегда красны, почти багровы от приносимых ими с гор Абиссинии минеральных частиц. Оба сказания оканчиваются описанием торжественных праздников, которые якобы с тех пор по повелению богов должны ежегодно справляться в Египте; причем очень показательно и то, что в виде обязательных жертв богине устанавливаются приношения вина, и то, что активная роль в ее праздновании, по указанию обоих мифов, принадлежит женщинам. Особо следует подчеркнуть мотив возмущения людей против своего царя, бога солнца, и последовавшее затем истребление людей как кары за их преступления. Этот момент был внесен, очевидно, в результате жреческой обработки древней легенды с целью оказания определенного идеологического воздействия на народные массы Египта. Подобно тому как в библейском сказании о всемирном потопе разгневанное божество обрекало на гибель людей за совершенные ими грехи, так и в египетской легенде грозная богиня истребляет людей, согрешивших против бога. Повествуя о гибели людей, осмелившихся восстать против своего царя-солнца, миф пытается парализовать попытки к возмущению против власти фараонов и закрепить в сознании египетских народных масс их связанность в борьбе с давившим их социальным гнетом. Религия рабовладельческого Египта, всемерно поддерживавшая власть фараонов и подчеркивавшая учение о божественном происхождении этой власти, всеми способами внушала мысль о греховности попыток ее свержения и грозила за эти попытки неминуемой карой богов.

---

[1] Сходные черты легенд „О возвращении Хатор-Тефнут из Нубии" и „Об истреблении людей" отметил уже Юнкер (H. Junker. Auszug . . ., стр. 16 и сл.). Однако вследствие неправильного понимания им истории возникновения и смысла обоих сказаний, он не уловил основного их родства и, придавая слишком много значения фабульной разнице легенд, не смог правильно определить их взаимоотношений.





ГЛАВА III

ОСИРИС

Культ Осириса является одним из интереснейших египетских культов, по существу до сих пор еще полностью не вскрытым и не проанализированным. Сложность образа Осириса ощущалась самими египтянами, и не случайно в одном из гимнов сохранилась следующая замечательная характеристика этого образа:

Сущность твоя, Осирис, темнее (чем всех других богов, — *М. М.*),
Ты — луна, находящаяся на небе,
Ты делаешься юным, когда ты желаешь,
Ты делаешься молодым, когда ты хочешь,
И ты Нил великий на берегах в начале нового года;
Люди и боги живут влагой, которая изливается из тебя,
И я нашел также, что твое величество — это царь преисподней.[1]

Соединив в себе в различные времена, в силу различных причин, культы царя, умирающего и воскресающего бога производящих сил природы, Нила, быка, луны, загробного судьи на страшном судилище, миф об Осирисе впитал в себя отражение религиозных представлений ряда последовательных этапов развития египетского общества. Анализ многочисленных его вариантов показывает, как, срастаясь с ним, продолжали жить различные сказания, первоначально с ним не связанные, и его же следы мы находим в фольклоре, в ритуальных песнопениях, в литературе.

Вспомним вкратце общее содержание мифа.[2] Осирис, старший сын бога земли Геба и богини неба Нут, является по Гелиопольской легенде

[1] A. Mariette. Abydos, t. II. Paris, 1880, стр. 54.

[2] Полной записи мифа об Осирисе в египетских текстах нет. Основными источниками являются: а) Тексты Пирамид; б) Тексты Саркофагов; в) Книга Мертвых; г) гимн Осирису на стеле С-286 Лувра (см. перевод на стр. 115 и литературу в прим. „а" к переводу, стр. 147); д) „Спор Гора с Сетом" (папирус Честер Битти 1, см. перевод на стр. 103 и сл. и литературу в прим. „а" к переводу на стр. 146); е) „Плач Исиды и Нефтиды" (см. перевод на стр. 95 и литературу к прим. „а" на стр. 144); ж) „Исида и Гор в болотах Дельты" (см. перевод на стр. 100 и литературу в прим. „а" на стр. 145); з) стелы Ментухотепа, Ихернофрета, Схотепйебра и фараона Неферхотепа (см. стр. 64 и литературу в прим. 1 там же); и) Plut. De Iside et Osiride; к) Th. Hopfner. 1) Fontes historiae religionis aegyptiacae. Romae, 1922—1925, стр. 219 и сл.; 2) Plutarch über Isis und Osiris. I Teil. Die Sage. Prague, 1940 (= Monographien des Archiv Orientální, t. IX); л) Диодор, гл. I.

Отдельные сведения, иногда очень существенные, рассеяны по всей древнеегипетской литературе. Иногда эти сведения дают целые мифологические эпизоды; например сказание об Исиде и семи скорпионах (см. перевод на стр. 97 и литературу в прим. „а" на стр. 144). Большой фактический материал собран в работах: E. Lefébure. Le mythe osirien. Etudes égyptol., 3—4, Paris, 1874—1875; E. Budge. Osiris and the egyptian resurrection. London, 1911. Необходимо иметь в виду, что в дошедших

представителем четвертого поколения богов. Царствуя над Египтом, Осирис научил людей земледелию, садоводству и виноделию, но был убит своим братом, богом Сетом, желавшим править вместо него. Жена Осириса, его сестра Исида, нашла его труп и стала оплакивать его вместе со своей сестрой Нефтидой (см. переводы текстов: „Исида и Нефтида находят тело Осириса“ и „Плач Исиды и Нефтиды“). Ра, сжалившись, посылает шакалоголового бога Анубиса (табл. XIX, *1*), который собрал рассыпавшиеся (а по другому варианту — разрубленные Сетом) члены Осириса, набальзамировал тело и запеленал его.[1] Исида же в виде соколицы опустилась на труп Осириса и, чудесным образом зачав от него, родила сына Гора (табл. XVIII, *1*). Гор и зачат и рожден для того, чтобы выступить естественным мстителем за смерть отца. В то же время он считает себя и единственным законным наследником последнего. Втайне вскормленный и выращенный матерью в болотах Дельты, Гор идет, „обутый в белые сандалии“, на поединок с Сетом, требуя перед судом богов осуждения обидчика и возвращения наследства Осириса ему, единственному сыну умершего царя. После длительной тяжбы, продолжавшейся по одному варианту мифа восемьдесят лет, Гор признается правомочным (по-египетски „правогласным“) наследником Осириса и получает царство; бог Тот (табл. XIX, *2*) записывает решение суда богов. После этого Гор воскрешает своего отца Осириса, дав ему проглотить свое око. Однако Осирис не возвращается на землю и остается царем мертвых, предоставляя Гору править царством живых.

Таково в самой сжатой форме содержание легенды об Осирисе в ее позднем виде.

Корнями же своими миф Осириса глубоко уходит в эпоху родового общества, из представлений и обрядов которого развиваются впоследствии, в связи с изменением общественных отношений Египта, и характернейшие черты культа Осириса: культ царя и культ бога производительных сил природы.

Черты культа бога производительных сил природы проступают в мифе Осириса очень ясно. Уже самый момент смерти и воскресения бога, подробно освещенный легендой и ежегодно воспроизводившийся в ритуале, ставит Осириса в один ряд с умирающими и воскресающими богами природы других религий, а иконография, тексты и обрядность подтверждают это богатейшим материалом. Так, характерен самый цвет кожи Осириса — зеленый. Корона, которую носит Осирис, сделана из стеблей папируса, его священная ладья также сделана из этого растения, и его фетиш „Джед“ состоит из вставленных одна в другую нескольких связок тростника.[2] Далее, Осирис всегда изображается с тем или иным растением: из пруда перед его престолом растет или лотос или ряд деревьев и виноградная лоза (табл. XXI); иногда увит гроздьями винограда и весь балдахин, под которым сидит Осирис; иногда его самого обвивают виноградные лозы. Точно так же и гробница Осириса не изображается без зелени: то рядом с ней растет дерево, на котором сидит душа Осириса в виде феникса; то дерево проросло через гробницу, обвив ее своими ветвями и корнями; то из самой гробницы растут четыре дерева.

до нас сведениях отдельные эпизоды мифа имеют различные варианты; см., например: A. Rusch. Doppelversionen in der Überlieferung des Osirismythus in den Pyramiden Texten. AZ, Bd. 67, 1931. стр. 88 и сл. В данной работе мы касаемся только важнейших черт мифа и образа Осириса.

[1] G. Steindorff. Grabfunde des Mittleren Reichs. II. Berlin, 1901, стр. 17.

[2] C. Firth. Excavations at Saqqara. Annales, XXVII, 1927, стр. 109.

Не менее важны и письменные свидетельства. Тексты Пирамид называют Осириса „владыкой виноградной лозы“. В „Книге Мертвых“ покойный, уподобляющийся после своей смерти Осирису, говорит: „Я — Осирис... Я живу как зерно, я расту как зерно... Я — ячмень“.[1] В тексте ритуала коронационных мистерий Осирис уподобляется ячменю и хлебу.[2] Крайне важен текст из мифа „Спор Гора с Сетом“, где в письме к Ра Осирис говорит о себе следующее: „Это я делаю вас сильными, это я сотворил ячмень и полбу, чтобы питать богов, равно как и скот после богов“.[3]

На эту же связь Осириса с зерном указывают и очень интересные предметы, находимые при раскопках: это — полотно, натянутое на раму с ножками, на котором лежит сделанное из дерева контурное изображение Осириса, заполняемое землей с посеянными зернами. Последние, быстро взойдя, давали зеленеющий силуэт Осириса (табл. XXII).[4]

Рис. 26. „Джед“.

В общий круг представлений об Осирисе как о боге производительных сил природы следует включить и сопоставления его с Нилом, нашедшие различные мифологические оформления. Уже Тексты Пирамид называют его „свежей водой“.[5] По другим сказаниям, Нил вытекает из ноги Осириса. Существовало также поверие, что разлив Нила начинается оттого, что слеза Исиды, оплакивавшей Осириса, упала в Нил. Характерно, что и до сих пор ночь начала разлива Нила называют в Египте по-арабски „ночь слезы“.

Наряду с чертами культа умирающего и воскресающего бога производящих сил природы в осирическом мифе и во всей связанной с ним обрядности не менее ярко выступают и черты культа умершего царя. Самый облик Осириса, его одежда и атрибуты — все это характеризует его как царя. Царем изображает его миф и как царя мертвых приветствуют его гимны от древнейших времен до эпохи Птолемеев:

Слава тебе, Осирис, правитель преисподней.
Владыка престола, сидящий на своем троне,
Царь преисподней, князь запада,
Царь, великий белой короной.[6]

Вся религиозная литература Египта, так же как и храмовые изображения, полна фактами, свидетельствующими о теснейшей связи культа Осириса с культом царя. Каждый фараон, умирая, уподобляется Осирису, и загробное существование царя продолжается подобно судьбе Осириса. В текстах Пирамид мы читаем следующее обращение к богу земли Гебу, отцу Осириса: „Геб! Это сын твой, этот Осирис, которому ты даровал, да существует он и да живет он. Если живет он, живет и

---

1 R. Lepsius. Das Todtenbuch der Ägypter. Leipzig, 1842, гл. 142, строчка 7.

2 K. Sethe. Dramatische Texte..., II. Das dramatische Ramesseumspapyrus. Leipzig, 1928, стр. 134, 135, 214. В полном соответствии с этими текстами находится и следующее свидетельство Плутарха: „Говорят, что Осирис погребен, когда зерно, которое сеют, зарыто в землю, и что этот бог снова появляется и вновь оживает, когда ростки начинают всходить“ (De Iside..., 65).

3 A. Gardiner. The Chester Beatty Papyri, № 1.

4 См. литературу в кн.: A. Sharff. Frühe Vorstufen zum „Kornosiris“. Forsch. und Fortschr., 21/23 Jahrgang, Berlin, Mai, 1947, Heft 4—6, стр. 38.

5 Тексты Пирамид, §§ 589, 767.

6 H. Junker. Die Stundenwachen in den Osirismysterien. Wien, 1910, стр. 56, 6-й час, строчки 9—12.

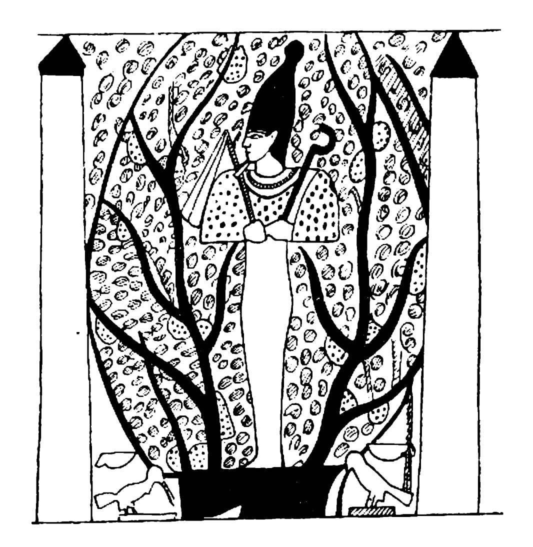


Рис. 27. Осирис в ветвях виноградной лозы.

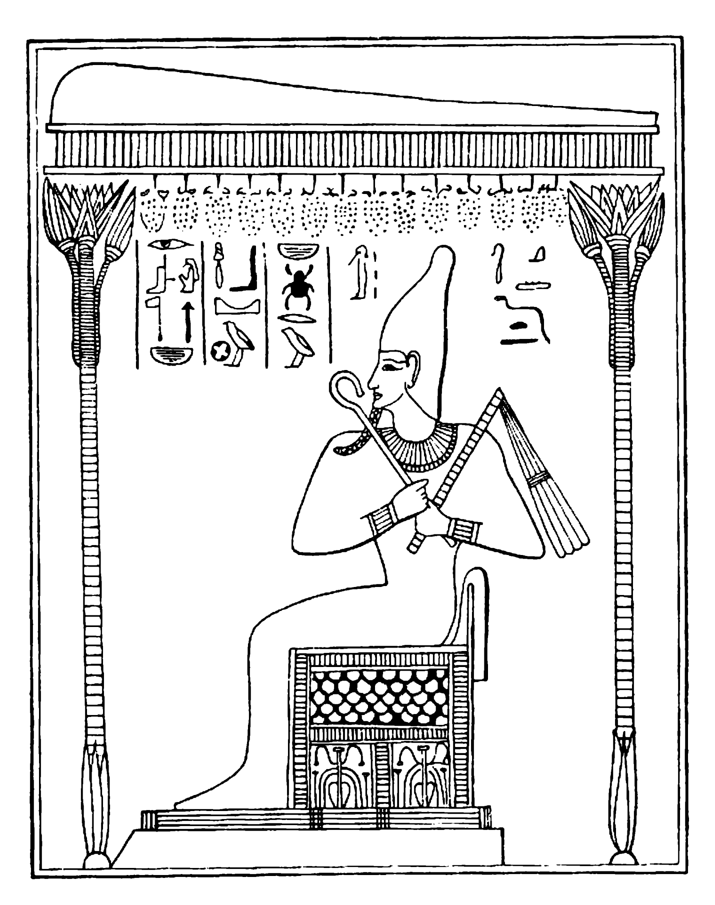


Рис. 28. Осирис под виноградными гроздьями.

этот царь Унас, если не умирает он — не умирает этот Унас, если не погибает он — не погибает Унас этот".[1]

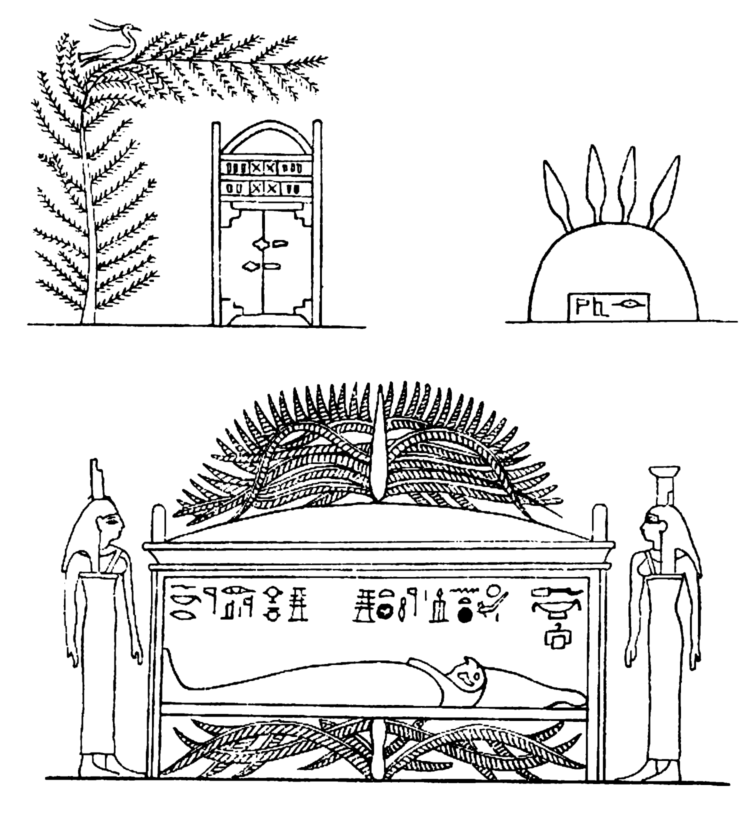


Рис. 29. Изображения гробницы Осириса.

Важнейшим документом, проливающим яркий свет на значение религии Осириса—Гора в связи с культом умершего и живого фараона,

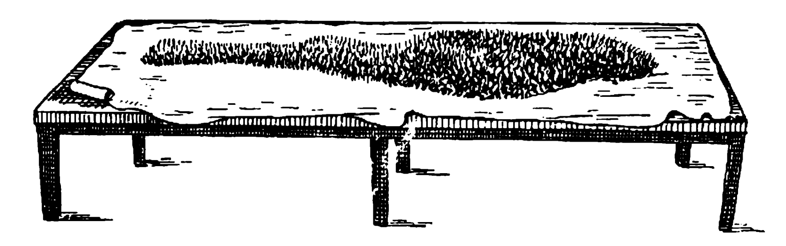


Рис. 30. Прорастающий Осирис.

является папирус с текстом коронационных мистерий Сенусерта I. Наряду с изображениями, иллюстрирующими все основные моменты мистерий, папирус содержит текст речей действующих лиц, подобие сценических ремарок и перечень главнейших аксессуаров.[2] Исключительная ценность папируса для истории египетской религии очевидна.

[1] Тексты Пирамид, § 170.
[2] K. Sethe. Dramatische Texte . . . , II.

Центральной фигурой мистерий является молодой фараон, который выступает в роли Гора и вокруг которого происходит все действо. В противоположность Гору, Осирис не произносит ни звука в течение всех мистерий, что, наряду с другими фактами, дает возможность предположить, что безгласную роль Осириса выполняет мумия умершего фараона. Главным моментом мистерий является коронация молодого фараона — Гора, заключением же — погребение Осириса — мертвого царя.

Несмотря на то, что папирус датируется XX в. до н. э., записанный на нем обряд мистерий восходит, несомненно, к древнейшим временам, на что указывает анализ и языка текста и самого обряда. Таким обра-

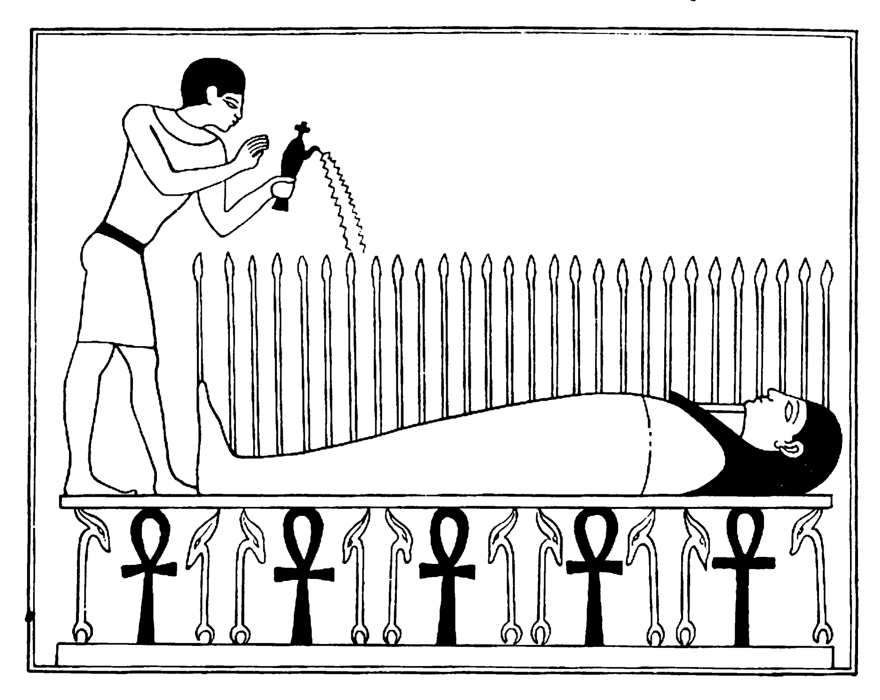


Рис. 31. Жрец поливает всходы, проросшие из изображения Осириса.

зом, этот папирус свидетельствует о том, что уже в глубочайшей древности культ Осириса был культом умершего царя, равно как культ Гора — культом царя живого. Культ же египетского фараона и весь связанный с ним сложный ритуал останется непонятным без учета представлений, обусловивших на предыдущих этапах развития общества возникновение культа племенного вождя. Согласно представлениям, широко распространенным у многих племен, вождь считается магическим средоточием производительных сил природы. Он ответствен, таким образом, за хороший урожай посевов, за обильный приплод скота, за плодородие женщин племени. Развивающийся с течением времени культ вождя, с одной стороны, сосредоточивает в себе пережитки древнейших тотемистических представлений, а, с другой стороны, втягивает в свою орбиту родовые земледельческие культы духов зерна, хлеба, природы. Вождь и старейшины используют значение этих культов для закрепления своего ведущего положения в роде. Постепенно начинает видоизменяться и обрядность родовых праздников, отражая это выдвижение роли вождя. Так, если раньше начатки урожая приносились

в жертву духам предков рода, то позднее они начинают приноситься в жертву уже духам умерших вождей; далее, никто уже не смеет приступать к пахоте, пока вождь не проведет первой борозды, и никто не имеет права начать жатву, пока вождем не будет срезан первый сноп на общеплеменном празднике начала уборки хлеба. Подобные обряды помогают вождю и старейшинам племени сохранить власть и контроль над хозяйственной деятельностью племени и имущественным положением его членов, закрепляют в сознании последних веру в особое положение предводителя.

В свете этих представлений становится понятным тот факт, что и фараоны Египта также продолжают считаться, подобно древним племенным вождям, магическим средоточием плодородия страны. Так, фараон принимает обязательное активное участие в обрядах, связанных с основными моментами земледельческой жизни страны: при наступлении времени подъема Нила фараон бросает в реку свиток с приказом начать разлив,[1] фараон первым торжественно начинает подготовку почвы для посева,[2] он же срезает первый сноп на общегосударственном празднике жатвы,[3] и он же приносит за всю страну благодарственную жертву богине урожая Рененут после окончания полевых работ года.[4] До нас дошли интереснейшие изображения празднования начала жатвы, дающие крайне важные указания для освещения тех обрядов, которые должны были поддерживать веру народа в фараона как распорядителя силами природы. Очень показательно, что на этом празднике присутствуют статуи всех умерших царей от Менеса до отца того фараона, который в данный момент занимает престол. И если мы вспомним, что в эпоху родового строя начатки жатвы приносились в жертву сначала предкам рода, а потом предкам вождя, станет ясно, почему в рабовладельческом Египте на общегосударственном празднике жатвы начатки предлагаются умершим фараонам, представленным статуями.

Не менее показательно и то, что на празднике жатвы в процессии непосредственно за фараоном идут не с ы н о в ь я е г о, а „ириу хе-нисут“, термин, которым некогда обозначались члены царского рода. Очевидно, именно они, старейшины рода вождя, следовали некогда за ним на племенных празднествах в те отдаленные времена, когда сыновья не имели еще того значения, которое они получили с укреплением патриархальной семьи.

Очень интересным моментом в египетском царском культе являются обряды, связанные с пережитками ритуального убийства царя. В силу тех же представлений, по которым, как мы видели, на определенном этапе развития родового общества племенной вождь считается ответственным за состояния производящих сил природы, считается, что ослабевший, больной или стареющий вождь не может обеспечить благополучия племени, так как тогда производительность и самого племени и окружающей его природы также ослабеет. Отсюда происходит широко распространенный обычай периодического убийства вождей, имеющий целью замену слабеющего вождя полным сил преемником, могущим магически обеспечить благосостояние племени. Момент такого ритуального убийства вождя обычно намечается старейшинами племени и у разных племен бывает различен. Чаще всего сигналом для ритуального

---

[1] См. подробно об этом ниже, в комментариях к переводу „Гимна Нилу (времени Нового царства)“, стр. 143.

[2] J. Q u i b e l l. Hierakonpolis, I. London, 1900, табл. XXVIc.

[3] LD, III, 163 и 212b.

[4] L. D a v i e s. The king as priest of the Harvest. Bull. M. M. A., 1929, sect. II, стр. 41.

убийства вождя служит ослабление его половых способностей, но у ряда племен правление вождя вообще ограничено определенным периодом: иногда вождя устраняют при достижении им того или иного возраста, иногда — по прошествии определенного срока правления (через год, три, двенадцать и т. д.).

Следы обычая ритуального убийства вождя сохранились в древнем Египте в ряде пережитков, одним из которых является так называемый праздник Хеб-Сед. Этот праздник справляли в случае длительности царствования фараона, даже иногда несколько раз в течение всего правления царя. Анализ совершавшихся обрядов позволяет считать, что целью праздника было ритуальное усиление жизнеспособности царя, который путем мнимой смерти считался как бы вновь возрожденным к жизни.[1] Другим свидетельством наличия в Египте в отдаленном прошлом ритуального убийства вождя служит обряд ритуального убийства священного быка Аписа или коровы богини Исиды, которые торжественно утоплялись при достижении ими определенного возраста.[2]

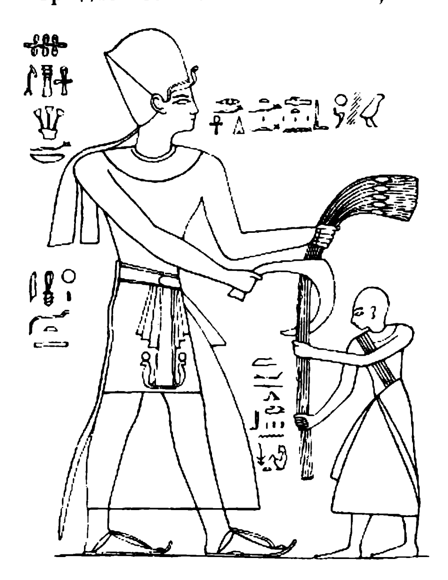


Рис. 32. Фараон срезает первый сноп на празднике жатвы.

Пережитки тотемистических представлений, концентрировавшиеся некогда с особой силой вокруг вождя племени, также достаточно ясно выявляются при разборе культа фараона и всего его придворного обихода. Царь продолжает быть связан с рядом бывших тотемов, особенно с быком, соколом и львом, что наиболее ярко сказывается, между прочим, в его титулатуре. Косвенным отражением древнейших тотемистических представлений являются и те образы, которыми пользуются египетские гимны как сравнениями для восхваления того или иного качества фараона: то он сопоставляется с быстро летящим соколом, то с быком, попирающим врагов, то с грозным рыкающим львом.

В свете всего сказанного становятся ясными и связь культа умершего фараона с культом бога плодородия Осириса и сопоставление живого царя с Гором, а мертвого — с Осирисом. С отдаленнейших эпох вплоть до птолемеевского времени в мистериях красной нитью проходит представление о том, что поскольку правящий фараон как Гор совершает культ Осириса, постольку и Осирис должен обеспечить счастливое царствование фараону — Гору, а это — то же самое представление, которое, выйдя из родового культа предков, вообще лежит в основе почитания сыном памяти умершего отца в рабовладельческом Египте.

Древняя вера во всемогущество умерших предков продолжает сохраняться на всем протяжении истории Египта, и взаимные обязанности живого сына и мертвого отца очень четко определяются Текстами

---

[1] A. Moret. La mise à mort du dieu en Egypte. Paris, 1927.

[2] E. Chassinat. La mise à mort rituel d'Apis. Rec., t. 58, Paris, 1916, стр. 33—60. — A. Moret. La mise à mort du dieu en Egypte, стр. 44 и сл.

Пирамид: если „сын сеет ячмень и сеет полбу и приносит жертву отцу", то, в свою очередь, „отец должен смотреть за домом своих живущих".[1] И через все ритуальные и мифологические наслоения в текстах мистерий Осириса в Дендера, Эдфу и Филах ясно прослеживается та же мысль:

Приходит к тебе царь, о Осирис,
Это — Гор, защитник своего отца.
. . . .
Приходит к тебе Птолемей, живущий вечно, любимый Птахом,
И приносит тебе жертву сын твой Гор.
. . . .
Да дашь ты ему процветать
В качестве царя Египта на троне Гора вечно.[2]

Вопрос об отношениях отца и сына вообще в сущности лежит в основе фабулы мифа об Осирисе. Безусловное право сына на наследование отцу, обязанность сына мстить за убийство отца, теснейшая кровная связь их между собой — все эти черты не случайно подчеркиваются мифом, так как сказание об Осирисе есть отражение в египетской мифологии торжества патриархата.[3]

Одним из важнейших моментов в истории развития рода является переход от материнского рода к роду отцовскому. Борьба правовых норм материнского и отцовского родов и победа патриархата, которую Энгельс называет „одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством",[4] не могла не отразиться в мифологии. Вспомним греческую „Орестейю"[5] и то блестящее толкование ее как фиксации в мифе победы патриархата, которое дал Бахофен: „Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестейи» представляет собою одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена", — пишет Энгельс.[6]

На египетской же почве не менее яркое мифологическое отражение столкновений интересов материнского и отцовского родов мы имеем в сказании о споре Гора и Сета, основной темой которого является, в сущности, спор брата и сына умершего вождя за наследие последнего. Смысл этого спора особенно четко вскрывает перед нами замечательный текст сказания „Спор Гора с Сетом" (см. перевод на стр. 103 и сл.). Оба противника, и Гор и Сет, выступают здесь с вполне обоснованными притязаниями на царское звание Осириса, причем обоснования эти опираются на совершенно различные правовые нормы. Гор требует звания Осириса себе, как сыну, по законам наследования отцовского

---

[1] Тексты Пирамид, § 761.

[2] H. Junker. Die Stundenwachen . . . , стр. 56.

[3] М. Э. Матье. 1) Следы матриархата в древнем Египте. Тр. Инст. антроп., археол. и этногр., т. IV, М.—Л., 1936, стр. 382 и сл.; 2) Из истории семьи и рода в древнем Египте, стр. 57—58.

[4] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 39.

[5] Как известно, Орест убивает свою мать, Клитемнестру, за то, что она убила своего мужа, отца Ореста, Агамемнона. Древние богини-мстительницы Эриннии преследуют Ореста. Но Аполлон и Афина защищают его. Происходит суд. Эриннии указывают на особую тяжесть греха Ореста, убившего мать, тогда как Клитемнестра, по их мнению, менее виновна, ибо она не была с мужем в кровном родстве. В споре Эринний — выразительниц идеологии матриархата, и Аполлона и Афины, олицетворяющих новый порядок, так же как в египетской мифологии в споре Гора с Сетом за право на сан Осириса, отразилась борьба материнского и отцовского права. Исход обоих споров одинаков: в египетской мифологии побеждает Гор, в греческой — Аполлон, так как Орест оправдан судом. Отныне подтверждена тесная связь сына с отцом, отцовское право торжествует.

[6] Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 120.

рода, тогда как Сет настаивает на передаче прав Осириса ему как брату, рожденному от той же матери, согласно укладу рода материнского. Вспомним, что у ирокезов „Сахемом никогда не избирали сына предыдущего сахема, так как у ирокезов господствовало материнское право... но часто избирали его брата“.[1]

Таким образом, миф отражает тот переломный момент в истории первобытной общины в Египте, когда окрепший отцовский род предъявляет свои требования и ломает матриархат. Необычайно показательны поэтому слова Онуриса и Тота, сторонников Гора, с которыми они обращаются к главе богов. „Неужели отдано будет звание (царя, — *М. М.*) брату по матери, в то время как налицо сын по плоти?“, — вопрошает Онурис. То же самое говорит и Тот: „Неужели отдано будет звание Осириса Сету, великому силой, в то время как налицо сын (Осириса, — *М. М.*) Гор?“. Из чтения текста „Спора Гора с Сетом“ видно, с каким трудом и в результате каких испытаний Гор в конечном итоге добивается своего и получает корону Осириса. Сет проигрывает тяжбу, отныне торжествует отцовское право.

Толкование спора Гора с Сетом как мифологическое закрепление победы патриархата подтверждается и постоянными эпитетами Гора „наследник Осириса“ или „наследник наследника“, с которыми имя его связывается во всех религиозных текстах, и не менее характерными эпитетами Осириса:

Укрепляющий истину в Египте,
Утверждающий сына на месте отца.[2]

В этой связи чрезвычайно показателен приговор Геба по тяжбе Гора и Сета из текста „Мистерий Сета“: „И сказал Геб: «Смотрите, даю я наследство сыну наследника, сыну моего сына, перворожденному, открывателю путей, подобно тому как сделал это Ра-Атум для Шу, старшего сына вседержителя, подобно тому как и Шу сделал мне. Также и я. Смотрите, дал я все мои вещи сыну Осириса Гору, сыну Исиды... Наследник это, сын наследника»“.[3]

Законность перехода наследования от отца к сыну, несомненно, подчеркнута здесь умышленно несколько раз и на протяжении ряда поколений богов.

Мы видим, таким образом, что легенда об Осирисе, умирающем и вновь воскресающем боге, являющемся средоточием сил природы, складывается в родовом обществе при наличии уже развитого земледелия, переплетаясь с культом вождя, так же как средоточия благосостояния производящих сил природы. Соединяясь в классовом обществе уже с культом умершего царя, культ Осириса приносит с собой в новые условия и обрядность, связанную с представлениями об умирающем духе плодородия, и пережитки древнейших тотемистических верований, сохранив в фабуле мифа отражение торжества победившего патриархального рода.

Религия Осириса—Гора, первоначально ограниченная рамками царского культа, распространялась за эти рамки постепенно,[4] и широчайшее развитие культ Осириса получил только со времени Среднего

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 66.
[2] См. полный перевод гимна на стр. 115—119.
[3] S. Schott. Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig. 1929, стр. 9,20—11,6.
[4] A. Scharff. Die Ausbreitung des Osiris Kultes in der Frühzeit und während des Alten Reiches. Verlag der Bayer. Akad., München, 1948 (= Sitz., 1947, Heft 4).

царства. Отныне уже не только каждый фараон являлся Гором в своих коронационных мистериях, где его умерший предшественник исполнял безгласную роль Осириса, но и каждый египтянин, обращаясь с молитвой или приношением к своему умершему отцу, называл его Осирисом, себя Гором, а свои приношения — оком Гора, оживившим Осириса, согласно легенде.

В облике Осириса теперь на первый план проступают черты бога, дарующего бессмертие, бога, поборовшего смерть и показавшего возможность воскресения. Веря в победу бога над смертью, люди верили и в то, что и они, признавшие его учение, разделяют с ним его победу, вновь ожив для загробного бытия. В развитии именно этой черты в широко распространившемся культе Осириса отразилась вся связанность человека, все его бессилие перед общественным гнетом и перед природой. Подавленные тягостью жизни, люди мечтают о посмертном блаженстве, которое обещает им праведный судья в загробном царстве. Религия Осириса становится мощным орудием угнетения в руках верхушки господствующего класса рабовладельцев, орудием тем более опасным, что образ Осириса все больше и больше наделяется человеческими чертами. Далее, усиленно начинает проповедываться мысль о всеобщем равенстве пред нелицеприятным судьей мертвых: „Нет там разницы между бедным и богатым“.[1] Отныне мораль осирического учения требует терпения и покорности своей судьбе в ожидании загробного суда. Сборники заупокойных текстов, так называемые Книги Мертвых, которые кладутся в гробницы, особенно подчеркивают момент загробного страшного суда. Знаменитая 125-я глава Книги Мертвых — глава о суде Осириса — становится в сущности ее основной главой, и иллюстрации к ней создают традиционное изображение египетского страшного суда, оказавшее впоследствии решающее влияние на иконографию христианского страшного суда. На приводимом египетском рисунке загробного суда Осирис сидит на троне, в короне, с жезлом и плетью царя (табл. XXIII). Наверху изображены сорок два бога, это — боги номов Египта, которые образуют судилище. Покойный, приведенный на суд двумя богинями, стоит справа. В центре залы суда стоят весы, на которых боги Гор и Анубис производят взвешивание сердца покойного: на одной чашечке весов находится сердце, на другой — статуэтка богини правды. Если сердце и правда весят одинаково, покойный признается оправданным и отправляется в цветущие поля египетского рая (табл. XXIV). В противном же случае его пожирает страшное чудовище — полульвица, полугиппопотам с головой крокодила, сидящая перед Осирисом на высоком табурете и носящая имя Амамат, что значит „Пожирательница“.

Текст 125-й главы содержит в себе так называемую „отрицательную исповедь“: покойный перечисляет длинный ряд грехов, отрицая при этом их совершение. Этот перечень грехов очень характерен. Приведем некоторые из них: „Я не делал зла... Я не лгал никому... Я не ловил в силки птиц богов... Я не отводил воды в ее время, я не отводил течения воды... Я не делал зла... Я не крал... Я не уменьшал жертв... Я не убивал священных животных... Я не восставал... Я не говорил зла против царя... Я не презирал бога в сердце моем“.

Таким образом, для получения оправдания на суде Осириса никоим образом нельзя было ни посягать на храмовые богатства, ни восставать, ни даже говорить зла против царя. Все это объявлялось злом

---

[1] G. Lefebvre. Textes du tombeau de Pétosiris. Annales, t. XXI, стр. 224, надпись 116.

: точки зрения осирической религии. Классовая ее роль видна здесь особенно отчетливо. Не менее отчетливо выступает она и в учении о „вечно блаженном“ пребывании в загробном мире душ, оправданных на суде Осириса. Посвященная этому 110-я глава Книги Мертвых показывает, как души работают на полях Иару в загробном мире на своего господина-бога: поля эти изобилуют водой, злаки вырастают выше человеческого роста, однако души трудятся так же, как трудились египетские земледельцы: душа пашет, погоняя пару запряженных в плуг быков (см. средний пояс изображений на рисунке из папируса Несмина на табл. XXIV), затем сеет, жнет, молотит, прогоняя быков по разбросанным на току колосьям, и, наконец, приносит жертву богу. Как и повсюду, в древнем Египте картина потустороннего блаженного пребывания умерших явилась идеализацией реальной земной обстановки. Но если обилие воды и богатство урожая делали соблазнительной картину райского житья, то за этим незаметно внедрялась в сознание идея оправдания и утверждения земного неравенства наличием неравенства небесного.

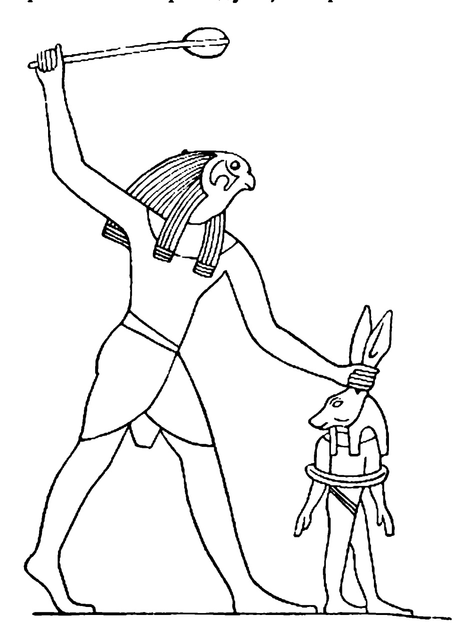
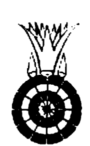
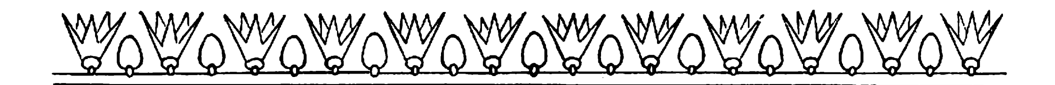


Рис. 33. Гор убивает Сета.

Культ Осириса оказал большое влияние на христианство, на сложение ряда обрядов, на создание многих образов христианской иконографии. Несомненно влияние осирических мистерий на пасхальную обрядность, изображений суда Осириса — на иконографию христианского страшного суда, учения о подземном царстве и казнях врагов Осириса — на христианское учение о муках грешников в аду, изображений Исиды с Гором — на создание образа богоматери, Гора, победителя зла, — на целый ряд образов святых, победителей дьявола. Пережитки древнеегипетских религиозных представлений и в особенности представлений, относящихся к культу Осириса, были сильнее всего, конечно, в самом Египте, и в искусстве и религии христианского Египта они прослеживаются особенно ясно.[1]

[1] В нашем очерке мифы об Осирисе не исчерпаны полностью. Мы не касались представлений, связанных с погребением Осириса, „топографии“ загробного мира, роли бога Анубиса, некогда самостоятельного могущественного божества смерти, оттесненного культом Осириса на положение бога-бальзамировщика, сказаний о сыновьях Гора, анализа образа бога Сета, связи Осириса с луной, пережитков тотемистических представлений в культе Осириса, в частности связи его с быком, и ряда других моментов. Материал, относящийся к осирическому мифу и культу, исключительно велик, и подробный анализ его не мог быть сделан в данной работе, где мы остановились только на наиболее существенных чертах образа Осириса, характеризующих его как бога плодородия, царя и загробного судьи.





ГЛАВА IV

ЕГИПЕТСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ДРАМА И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Мы рассмотрели три главных цикла мифов древнего Египта, проследив основные этапы их развития, равно как и то значение, которое они имели на этих этапах. Однако это значение не было бы освещено надлежащим образом, если бы мы прошли мимо той области использования египетских мифов, которая до сих пор еще не получила должной оценки и которая в действительности была весьма обширна. Я имею в виду древнеегипетскую религиозную драму, все содержание которой в сущности было построено на мифологическом материале.

До последнего времени вопрос о древнеегипетских драматических представлениях не привлекал к себе еще должного внимания исследователей, хотя некоторые сведения о них были известны давно. Описания ряда мистерий сохранились как в древнеегипетских памятниках, так и у античных авторов. Большая часть этих сведений относится к драме, разыгрывавшейся во время праздника смерти и воскресения Осириса. До нас дошли надписи на заупокойных плитах тех вельмож, которые, по царскому поручению, устраивали подобные празднества в главном государственном святилище Осириса в городе Абидосе.[1] Такие поручения считались, очевидно, весьма почетными, если указанные вельможи находили нужным упоминать об этом в своих надписях.

В обязанности вельможи, посланного в Абидос для руководства праздником Осириса, входила как подготовка к нему (изготовление новых или реставрация пришедших в ветхость статуй, священных ладей и т. п.), так и наблюдение за проведением самого праздника в полном согласии с требованиями ритуала. При чтении указанных надписей, а также и других источников, в том числе и античных авторов, становится несомненным, что не только праздник, но и его подготовка проходили в форме драматизованных ритуальных действий. Повидимому, процесс изготовления статуи Осириса, совершавшийся в особом поме-

[1] Стелы: 1) Ментухотепа, везира и начальника сокровищницы при Сенусерте I, XX в. до н. э. (O. Lange und A. Schäfer. Grab und Denksteine des Mitteleren Reiches, Bd. IV. Berlin, 1902, табл. XLI—XLII); 2) Ихернофрета, начальника сокровищницы при Сенусерте III, XX в. до н. э. (H. Schäfer. Die Mysrerien des Osiris in Abydos unter König Sesostris III. Untersuch. zur Gesch. und Altertumsk. Aegyptens, IV, 2, Leipzig, 1904); 3) Схотепийебра, начальника сокровищницы при Аменемхете III, XIX в. до н. э. (O. Lange und A. Schäfer. Grab und Denksteine..., Bd. IV, табл. XL). См. также стелу фараона XIII династии Неферхотепа, XIX в. до н. э. (M. Pieper. Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep in Abydos. Mitteil. der Vorderas.-Aeg. Gesellsch., Bd. 32, Heft 2, Leipzig, 1929).

щении, так называемом „золотом доме“, изображался как представление поисков Исидой частей тела Осириса, разрубленного, по легенде, на куски Сетом.[1]

Как видно из надписей руководителей праздника Осириса, вся подготовительная часть должна была совершаться согласно записям в древних книгах, что также подтверждает ее ритуальный характер. Весь первый этап праздника Осириса происходил в глубокой тайне, в особом помещении, при небольшом круге допущенных туда лиц. Наоборот, второй и главный этап развертывался публично и заключал в себе воспроизведение в драматической форме всех основных эпизодов мифа об Осирисе.

Сначала в торжественной процессии несли статую Осириса — это Осирис выходил „как могучий царь“; впереди процессии несли статую бога Вепуата — „открывателя путей“. Затем следовал эпизод насильственной смерти Осириса, поиски и нахождение его трупа, оплакивание и погребение, после чего происходил „великий бой“ между Гором и Сетом. Драма кончалась воскресением Осириса и его радостным возвращением в абидосский храм. Все это нам известно лишь в очень общей форме, так как египетские надписи не дают более подробных сведений.

Таким образом, уже на примере абидосских мистерий Осириса видно, что часть религиозных драматических представлений в древнем Египте совершалась публично, в то время как ряд обрядов был доступен только избранным лицам и потому не подлежал оглашению. Это подтверждается и сведениями, которые сообщают античные авторы. Так, с одной стороны, Геродот, описывая праздник в Папремис,[2] рассказывает о драматическом представлении, в котором принимало участие множество людей: „...когда солнце склоняется к западу, несколько жрецов бывают заняты около статуи божества, а большинство их с деревянными дубинками в руках стоит у входа в храм. На противоположной стороне помещается толпа людей в тысячу с лишним человек во исполнение обета; все они тоже с дубинками. Изображение божества, помещающееся в небольшом деревянном позолоченном ковчеге, переносится накануне празднества в другое священное строение. С другой стороны, те немногие жрецы, которые оставались подле статуи, подвозят четырехколесную повозку с ковчегом и статуей в нем, а стоящие у входа в храм жрецы не пропускают повозки, причем исполняющие обет спешат к божеству на помощь и наносят удары не пропускающим божества жрецам; эти последние защищаются. Следствием этого бывает ожесточенная битва, дерущиеся бьют дубинками друг друга по головам, и, как я полагаю, многие умирают от этих ушибов. Египтяне, конечно, уверяют, что никто не умирает при этом“.[3] С другой стороны, тот же Геродот, говоря о представлениях, связанных с драмой Осириса, высказывается сдержанно и уклончиво, явно давая понять, что речь идет о тайных

---

[1] В этом свете особый интерес приобретает сообщение Диодора, который, передавая сказание о поисках Исиды и рассказывая, что она по мере нахождения частей тела Осириса, разбросанных Сетом по всему Египту, оживляла их, говорит об этом так: „Каждый кусок она покрывала формой, сделанной из воска и благовонных веществ“. Здесь, очевидно, отразился процесс изготовления культовой статуи Осириса, отливавшейся при помощи техники воскового литья, широко применявшегося в Египте. Об этой технике см.: И. М. Лурье, К. С. Ляпунова, М. Э. Матье, Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер. Очерки по истории техники Древнего Востока. М., 1940.

[2] Город в Египте, точное местонахождение которого не установлено.

[3] Геродот, II, 63.

обрядах, известных только посвященным: „В Саисе, в святилище Афины,[1] позади храма, вдоль всей стены его есть гробница того божества, назвать которое по имени в этом случае я считаю для себя грехом. В ограде храма стоят два больших каменных обелиска, а подле них озеро... На этом озере египтяне устраивают мимические представления страстей божества, именуемые мистериями. Хотя я знаю это таинство во всех подробностях, но благоговейно умолчу о нем“.[2]

Указание Геродота о „мимических представлениях страстей божества, именуемых мистериями“, не оставляет сомнений в драматическом характере совершавшихся обрядов. Характерно, что Геродот называет эти представления тем же словом „мистерии“, которым они обозначались и по-египетски: египтяне называли их „сешета“, что значит „тайное“.

Наряду с Геродотом, но подробнее описывает мистерии Осириса и Плутарх: „Все, что рассказывают о теле Осириса, заключенном в ящик, действительно, не может относиться ни к чему другому, как к разливу вод Нила и их исчезновению. Вот почему говорится, что Осирис умер в месяце Атир,[3] ибо в это время ежегодные ветры больше совершенно не дуют, Нил уходит под землю и оставляет почву нагой. Ночи становятся длиннее, увеличивается темнота, власть света уменьшается и кажется побежденной. Тогда жрецы совершают различные мрачные обряды. Чтобы изобразить траур богини, они покрывают позолоченную (статую, — *М. М.*) коровы черным льняным покровом, ибо они думают, что корова, как и земля, это образ Исиды, и они выставляют ее в течение четырех дней, начиная с семнадцатого числа этого месяца. Эти четыре дня траура имеют каждый свое назначение. В первый оплакивают понижение Нила и его уход; во второй — прекращение северных ветров, совершенно покоренных ветрами юга; в третий — уменьшение дней, которые стали короче ночей; наконец, в четвертый оплакивают обнажение земли, так же как и оголение деревьев, к этому времени полностью потерявших все свои листья. Девятнадцатого числа, когда наступает ночь, спускаются к Нилу. Туда столисты и жрецы приносят священную цисту, содержащую маленький золотой ящичек, в который они наливают пресную воду. Присутствующие тогда издают шум, и все кричат, что Осирис найден. После этого они смачивают водой землю, замешивают туда благовония и дорогие ароматы и изготовляют из этого статуэтку в форме полумесяца“.[4]

Одним из существенных эпизодов „страданий Осириса“ было оплакивание убитого бога. Египетские папирусы, сохранившие нам текст этого плача,[5] дают и интереснейшие указания о том, как он должен был исполняться: „Да будет очищен весь храм, — читаем мы в одном из таких текстов: — „и да будут введены две женщины, чистые телом, девственницы, и да будут удалены волосы с их тела и надеты парики на их головы... бубны в их руках, и да будут написаны их имена на их плечах, чтобы (изображать, — *М. М.*) Исиду и Нефтиду, и да поют они из песен этого свитка перед этим богом“.[6]

Таким образом, уже из приведенных фактов можно было бы предположить, что религиозная драма была широко распространена в древ-

---

[1] Т. е. богини Нейт.

[2] Геродот, II, 170—171.

[3] Третий месяц египетского года, соответствовавший октябрю—ноябрю нашего календаря.

[4] Plut. De Iside..., 39.

[5] См. перевод „Плача Исиды и Нефтиды“ на стр. 95—97.

[6] См. прим. „а“ к переводу „Плача Исиды и Нефтиды“, стр. 144.

нем Египте. И действительно, это подтверждается большим материалом, сообщаемым древнеегипетскими текстами и изображениями на росписях и рельефах, иллюстрациями на папирусах, находками интереснейших вещественных памятников.[1]

В форме религиозных драматических действий совершался и заупокойный ритуал[2] и ряд храмовых ритуалов.[3] Тексты сохранили нам речи участников этих драм, указания на их действия, на необходимую обстановку и реквизит — жертвы, сосуды, амулеты, растения, одежды, инструменты, материалы. Особенно важны в этом отношении тексты, содержащие ту или иную драму целиком; наиболее полным из них является текст „Коронационных мистерий фараона Сенусерта I".[4] Содержанием этого драматического представления, посвященного восшествию на престол Сенусерта I и одновременно погребению его отца Аменемхета I, является восшествие на престол сына Осириса Гора, победившего Сета. Выше мы уже видели, какое значение имел миф Осириса в связи с культом фараона, поэтому оформление обряда погребения старого фараона и воцарения нового как смерти Осириса и воцарения Гора — неудивительно.

Папирус, на котором написан текст этой драмы, разделен на две части, из которых бóльшую, верхнюю, занимает сам текст, а нижнюю — рисунки, изображающие отдельные эпизоды действия. Действующими лицами драмы являются: бог Гор, роль которого исполняет молодой фараон, и сыновья Гора, которых играют царские дети, бог Тот и другие боги. Осирис, в течение всей драмы не произносивший ни одного слова, был представлен мумией умершего фараона, а Сета изображали жертвенные животные, которых убивали по ходу действия. Отдельные части текста, а именно названия эпизодов драмы, имена действующих лиц, указания о том, кто должен исполнять данные роли и между кем ведется диалог, текст речей, перечень предметов, необходимых в данном эпизоде, а также объяснения того, чтó именно символизируют собой эти предметы, — все это расположено на папирусе в строгом, определенном порядке и настолько коротко, что это свидетельствует о существовании давно выработанной формы записи текстов религиозных драм, а следовательно, и о существовании многих подобных произведений. Когда стало ясно, что такой способ записи египетских текстов указывает на драматический характер данного произведения, удалось установить еще несколько религиозных драм.[5] То обстоятельство, что драматическая форма ряда текстов не была сразу опознана исследователями, объясняется тем, что в них в ряде случаев пропускались слова, указывавшие на то, что данные фразы должны были произноситься тем или иным лицом, а с другой стороны, и сложившимся среди египтологов предвзятым мнением о том, что многие культовые тексты являются просто набором магических формул и заклинаний, не всегда понятных не только для нас, но и для самих египтян. В результате

---

1 См.: И. М. Лурье. Элементы животного эпоса в древнеегипетских изображениях. ТОВЭ, т. 1, 1939, стр. 82—87, табл. XXIV—XXVII.

2 E. Schiaparelli. Il libro dei funerali degli antichi Egiziani, v. 1—2. Roma, 1881—1890.

3 A. Moret. 1) Le rituel du culte divin journalier en Egypte. Paris, 1902; 2) Mystères égyptiens. Paris, 1922.

4 K. Sethe. Dramatische Texte..., II.

5 Там же, I. — H. Frankfort. The Cenotaph of Seti I, at Abydos. London, 1933, v. I, стр. 82—86; v. II, стр. 84—85. — E. Drioton. Le théâtre égyptien. Le Caire, 1942.

такого подхода подлинное значение таких текстов ускользало от понимания исследователя.

В настоящее время ясно, что круг древнеегипетских драматических произведений был весьма обширен и что роль их в истории египетской культуры была гораздо глубже и важнее, чем это до сих пор предполагалось. Так, выше уже отмечалось, что весь заупокойный ритуал являлся драматическим действием. Древнейшими записями царского заупокойного ритуала были Тексты Пирамид. Драматический характер этого ритуала несомненен.[1] Равным образом и Тексты Саркофагов также содержат бесспорные данные, указывающие не только на их ритуальное назначение, но и на то, что этот ритуал состоял из целого ряда драматических эпизодов. Достаточно указать хотя бы на эпизод „Рождение Гора“[2] или на диалог умершего с перевозчиком в потустороннем мире.[3] То же самое следует сказать и о Книге Мертвых. Уже с самого начала она открывается монологом бога Тота, который он произносит у входа в потусторонний мир, прося богов этого мира принять к себе приведенного им умершего. Ряд глав Книги Мертвых имеет совершенно отчетливую драматическую форму; укажу хотя бы на диалог умершего с ладьей (гл. 99), на эпизод борьбы его с чудовищем Ререк (гл. 39),[4] наконец на всю сцену загробного суда (гл. 125).

Изображения на стенах гробниц вельмож также воспроизводят ряд сцен из драматического заупокойного действа, а раскопки дали нам и употреблявшиеся по его ходу предметы, в том числе маску в виде головы шакала, которую надевал жрец, игравший роль бога Анубиса, как это видно по многим изображениям ритуала бальзамирования и погребения (табл. XXV, XXVI). Рельефы на стенах египетских храмов также свидетельствуют, что жрецы, исполнявшие в различных ритуалах роли богов, носили соответствующие маски в виде голов соколов, ибисов, павианов и т. п.[5] (табл. XXVII). Сохранились и части приводившихся в движение статуй богов (табл. XXVI, *1*).

Однако значение религиозной драмы в Египте не ограничивалось лишь рамками культа — исполнением той или иной мистерии в связи с погребальными обрядами или в определенные дни храмовых празднеств. Ее роль была гораздо шире, и выяснить это нам помогают в первую очередь те драмы, которые имели совершенно определенную цель — обеспечить фараона от несчастий и сохранить его власть прочной и незыблемой.

Выше мы познакомились с материалами, показывающими наличие в Египте культа фараона как сына бога по плоти; мы видели, как складывался и развивался этот культ. Естественно, что подобные представления отражались не только в том, что фараон являлся центральной фигурой в ритуале на официальных праздниках, — весь повседневный обиход царского двора был полон различными обрядами, запретами и т. п.[6]

---

[1] М. Э. Матье. Тексты Пирамид — заупокойный ритуал, стр. 30—56.

[2] E. Drioton. Le théâtre égyptien, стр. 54. Перевод этого эпизода дан на стр. 99—100.

[3] E. Lefébure. Etude sur Abydos. Un dialogue des morts: le chapître d'amener la barque. PSBA, v. XVII, London, 1895, стр. 103—119.

[4] E. Drioton. Le théâtre égyptien, стр. 68.

[5] G. Legrain. Les temples de Karnak. Bruxelles, 1929, стр. 221, рис. 131; стр. 228, рис. 136. — P. Le Page Renouf. Book of the Dead. PSBA, 17, 1895, табл. XXIX. — M. Murray. Ritual masking. Mém. de l'Inst. français d'archéol. orient., t. 66 (= Melanges Maspero, t. I), Le Caire, 1934, стр. 251—255; LD, III, 14.

[6] См., например, тексты, относящиеся к обряду, совершавшемуся перед едой фараона: A. Blackman. The king of Egypt's grace before meal. JEA, v. 31, 1945, стр. 57 и сл.

Мы уже частично видели, какими сложными мистериями сопровождалось вступление фараона на престол. Как показывают сохранившиеся на стенах египетских храмов изображения, коронация фараона в различные времена сопровождалась различными обрядами, содержание которых черпалось из того или иного мифа в зависимости от конкретной политической обстановки эпохи.

Так, в период Нового царства эти обряды уже не ограничивались только исполнением драмы, содержанием которой являлся миф о смерти Осириса и воцарении Гора. Рельефы Карнакского храма бога Амона-Ра в Фивах помогают нам представить себе этот обряд на примере коронации Рамсеса II.[1]

Для совершения этой церемонии из молелен, находившихся в глубине храма, в его главный зал были вынесены ладьи со статуями Амона, его жены богини Мут и их сына Хонсу, а также статуи других пятнадцати богов, почитавшихся в Карнаке. Здесь же была поставлена и большая статуя умершего отца Рамсеса II, фараона Сети I. Затем мы видим, как жрецы в масках богов вводят за руки Рамсеса II. От имени Амона главный жрец произносит торжественную речь, в которой Амон объявляет Рамсеса своим сыном и говорит о своем решении возвести его на престол Египта. Жрец, играющий роль бога Тота, с лицом, скрытым под маской, изображающей голову ибиса, записывает речь Амона на папирусе и протягивает свиток статуям богов, от лица которых другой жрец принимает папирус для хранения в архиве храма. Первая часть обряда закончена, статуи пятнадцати богов возвращаются в свои молельни, и Рамсес приносит жертву статуе своего отца. Затем Рамсес подходит к статуе Амона, приносит жертву и, что особенно важно для жречества, оглашает список богатых даров, которые он по случаю своего вступления на престол дарит храму Амона. После этого начинается самая коронация. Статуи Амона, Мут и Хонсу помещаются на особом возвышении под балдахином, и жрец Амона, обращаясь к Рамсесу, произносит от имени Амона главные слова обряда: „Это истинный сын мой по плоти моей, защитник на моем престоле, владыка Египта!“. Рамсес стоит в это время на коленях перед статуями богов. Рядом с ним ставят кадку с деревом — персеей, считавшейся священной, так как она изображала небесную персею, которая согласно легенде, росла на небе. Жрец, играющий роль Тота, после речи Амона подходит к персее и записывает на ее листах полную титулатуру нового фараона и принятые им пять царских имен. Затем Рамсесу подают скульптуру, изображающую иероглифы, которые составляют его новое тронное имя, и он начинает ползком приближаться к статуе Амона и, толкая перед собой эту скульптуру, оставляет ее у ног Амона, принося ему таким образом в дар свое имя, т. е., по верованиям египтян, самого себя. После этого на молодого фараона надевают царские короны, он поднимается на престол и садится на него между двумя жрицами, изображавшими богинь. И эти жрицы и все остальные жрецы, игравшие роли богов, в торжественных словах обещают царю счастливое и долгое царствование, свою помощь и защиту. Обряд заканчивался приношением заключительных жертв и прославлением нового царя.

Неслучайно, что коронационные обряды Рамсеса II были связаны именно с культом Амона, статуя которого играет в них столь видную роль. С тех пор как после изгнания в XVII в. до н. э. гиксосов — ино-

---

[1] См. рельефы Карнака с изображением коронации Рамсеса II: L. Legrain. Les temples de Karnak, стр. 216 и сл., особенно стр. 234—237.

земных завоевателей, господствовавших в Египте в течение полутораста лет, Фивы стали столицей, их бог Амон сделался главным богом египетского государства и начал именоваться „царем всех богов“.[1] Именно ему в образе Мина-Амона теперь стали приносить в жертву первый сноп, срезанный фараоном на празднике жатвы; перед его статуей совершались праздничные жертвы после возвращения египетского войска из победоносных походов; ему посвящались новые храмы, которые строились в завоеванных странах. Поэтому понятно, что и в коронации царей времени Нового царства главная роль начинает также принадлежать Амону.

Таким образом, уже здесь мы можем отметить — как изменялось содержание египетской религиозной драмы в связи с теми или иными особенностями политической обстановки. Особенно же убедительно это можно видеть на ряде драм, политическая направленность которых выступает еще более отчетливо. Такова, например, драма, содержанием которой являлся совсем особый вариант мифа о боге Сете и которая дошла до нас от времени завоевания Египта персами.[2] Причем очень характерно, что этот вариант мифа о Сете в более ранних текстах пока не засвидетельствован, да надо думать, что мы его раньше персидского времени и не найдем, так как он явно возник именно в связи с политической обстановкой данного периода.

Тексты эти содержат драматизованный ритуал изгнания Сета из Египта в Азию, куда он, по этому варианту мифа, был уже некогда изгнан после суда с Гором и откуда опять проник в Египет. При своем вторичном появлении в долине Нила Сет поднимает смуту против египетских богов и творит всевозможные мерзости, нарушая все запреты, существовавшие в различных храмах Египта. Он срубает или портит священные деревья в Гелиополе, Саисе, Мендесе и других местах, громко кричит в тех храмах, где предписывалось полное соблюдение тишины, поедает священную кошку богини Баст, рыбу в Гелиополе, барана бога Амона в Фивах, ловит арканом быка Аписа, выпивает молоко священной коровы, прогоняет священного сокола, ловит рыб, посвященных богу Шу и богине Тефнут, осушает пруд священной коровы. Боги возмущены такими действиями Сета, Исида жалуется верховному богу Ра-Хорахте, бог Тот также сообщает ему о всех преступлениях Сета и просит, чтобы Ра-Хорахте проклял его „собственными устами“. Начинаются торжественные проклятия Сета, которые произносят сам Ра, Тот и Исида, в результате чего Сет вновь изгоняется из Египта и на этот раз, по словам текста, уже навсегда. Гор, египетский фараон, вновь получает власть над Египтом.

Таково краткое содержание этой драмы. Однако она имеет и другой, скрытый смысл. Совершенно несомненно, что ее возникновение стояло в тесной связи с завоеванием Египта персами, которые и выведены в драме в образе Сета.[3] Близость общего тона драмы с теми рассказами о зверствах Камбиза и, в частности, о его поведении в египетских храмах, которые слышал Геродот,[4] очевидна. Соответствовали ли эти рассказы действительности — для данного вопроса не имеет существенного значения, важен тот общий отклик, который нашло и в рассмотренной драме и у Геродота возмущение Египта против своих поработителей, и который показывает, насколько еги-

---

[1] См. стр. 27.

[2] Текст издан З. Шоттом: S. Schott. Urkunden mythologischen Inhalts, стр. 4—59. О тексте см.: E. Drioton. Le théâtre égyptien, стр. 91.

[3] E. Drioton. Le théâtre égyptien, стр. 91.

[4] Геродот, III, 16, 29, 38.

петская религиозная драма быстро отзывалась на то или иное крупное политическое событие в стране.

Аналогичную роль египетская религиозная драма сохраняет и в птолемеевское время. Примером этому может служить известный магический папирус Сольт 825 Британского музея, содержащий описание обрядов, направленных на уничтожение врагов фараона.[1] Советскому египтологу В. И. Евгеновой принадлежит заслуга определения мистерийного характера текста,[2] равно как и указания на отражение в подобных текстах не только внешнеполитической обстановки и дворцовых заговоров, но и классовой борьбы внутри самого древнеегипетского общества. „Существование магических текстов «защит» и характер их содержания в той или иной эпохе указывают, что они были навеяны потребностями жизни и событиями эпохи", — правильно пишет В. И. Евгенова. — „В их содержании, наполненном в значительной части прецедентами из жизни богов, заклинаниями и ритуальными наставлениями, прорываются иногда живые струи общественных настроений. Так, ритуальные наставления для приготовления и сжигания восковых фигурок в «Книге повержения Апопа» (= папирусе, известном под названием пап. Несиамсу или Несмина, датированном 312—311 г. до нашей эры) вскрывают классовую принадлежность автора, называющего крестьян и крестьянок в числе недругов, предназначенных к уничтожению вместе с врагами царя".[3] В. И. Евгенова связывает написание папируса Сольт 825 с беспокойной политической обстановкой в Египте во второй половине птолемеевского периода и, в частности, с фиванским восстанием при Птолемее Эпифане.[4]

Мистерии папируса Сольт 825 построены на материале мифа об Осирисе. Борьба Гора с Сетом, в которой боги помогают Гору, является как бы прообразом борьбы правящего фараона с его различными врагами — внешними и внутренними. В качестве решительного средства уничтожения врагов совершается обряд магического уничтожения их подобий — статуэток, сделанных из воска, которые сжигаются „пламенем богини Сохмет". Судя по различным дошедшим до нас памятникам, этот обряд издревле применялся в практике древнеегипетских жрецов как „способ" избавления от врагов. Таковы, например, своеобразные тексты, написанные на обломках глиняных горшков и на статуэтках, изображавших врагов фараона. Подобные тексты содержали проклятие этим врагам, как чужеземцам, так и восстававшим против фараона египтянам. Во время чтения заговоров такие горшки и статуэтки разбивались, причем считалось, что также будут разбиты и сами враги.[5]

---

[1] Б. А. Тураев. 1) Египтологические заметки. VIII. Текст магического папируса Salt 825 Британского Музея. Изв. Акад. Наук, Пгр., 1916, стр. 1—16; 2) Магический папирус Salt 825 Британского Музея. Зап. Классическ. отд. Археол. общ., т. IX, Пгр., 1917, стр. 231—246.

[2] В. И. Евгенова. Магический папирус Salt 825 Британского Музея как источник изучения египетских мистерий „защит". Изв. АН СССР, отд. общественных наук, № 6—7, Л., 1933, стр. 503—538.

[3] Там же, стр. 504.

[4] Там же, стр. 504—505.

[5] K. Sethe. Die Achtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altägyptische Tongefässcherben des Mittleren Reiches. Abhandl. preuss. Akad. d. Wissensch., 1926, Phil.-hist.Klasse № 5. — Н. А. Мещерский. К палеографической датировке древнеегипетских текстов, содержащих проклятия. Докл. АН СССР, 1929, стр. 245—247. — G. Posener. 1) Nouveaux textes hiératiques de proscription. Mélanges syriens offerts à René Dussaud, t. I, Paris, 1939; 2) Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940. — A. Jirka. Bemerkungen zu den Ägyptischen sogenannten „Achtungstexte". Arch. orient., Bd. 20, № 1—2, Praha, 1952, стр. 167—169.

Папирус Сольт 825 — далеко не единственный образец использования древних мифов в религиозных драмах птолемеевского времени. Рельефы и тексты на стенах построенного царями Птолемеями знаменитого храма бога Гора в Эдфу сохранили нам несколько религиозных драм, исполнявшихся в этом храме. Переводы двух из них, а именно: „Победа Гора“ и „Сказание о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце“, даны ниже.[1]

Содержанием этих драматических представлений является борьба главных богов Египта против своих врагов. В одном случае Гор, сын Осириса и Исиды, борется с Сетом, в другом — Гор Бехдетский помогает Ра-Хорахте одолеть его исконных врагов, также выступающих здесь в образе Сета и его спутников.

Тот факт, что врагом Ра выступает именно Сет, а не Апоп, как этого следовало бы ожидать в соответствии с исконным мифом о борьбе Ра с его врагами,[2] является показателем смешения мифов о боге Ра с циклом осирических сказаний, что так характерно для позднего времени. Отсюда мы можем заключить, что эти варианты религиозных драм появились также в позднее время. В чем же причины их создания именно в данный период? Почему одновременно расцветает культ Гора Бехдетского в Эдфу, почему строится там столь пышное святилище, каким был эдфусский храм этого бога?

Ответ на эти вопросы мы найдем в той политической обстановке, которая сложилась в Египте в III—I вв. до н. э.

В птолемеевском Египте положение трудящегося населения, страдавшего от все увеличивавшегося угнетения, было очень тяжелым. Рост рабовладения и усиление эксплоатации крестьян обострили классовые противоречия. Отсюда понятно наличие тех социальных волнений, которые начинаются еще при Птолемее II Филадельфе и которые, нарастая все с большей и большей силой, выливались при последующих царях в грозные восстания.[3]

Очень характерно, что в этой сложной обстановке египетское жречество явно с начала и до конца поддерживает власть царей Птолемеев.[4] Можно понять, что Александр Македонский, победивший поработителей Египта — персов и оказавший, как и всюду, соответственное внимание местным культам, был вследствие этого вообще принят в Египте как освободитель от чужеземного ига, и о нем была сложена легенда, согласно которой он был объявлен сыном Амона, а следовательно природным и законным египетским фараоном. Гораздо менее, казалось бы, понятна та поддержка, которую египетские жрецы оказывали первым двум Птолемеям. Как известно и Птолемей Сотер и Птолемей Филадельф стремились уменьшить значение жречества и, в частности, значительно сократили доходы египетских храмов. Особый налог, ранее получавшийся жрецами в виде одной шестой части урожая с садов и виноградников, теперь был переведен на совершение культа царицы Арсинои и лишь частично сохранялся за храмами по особым распоряжениям царя. Поощрявшееся Птолемеями расширение царских монополий также затронуло храмы, так как была запрещена продажа тканей,

---

[1] См. переводы на стр. 119—138.

[2] См. главу II.

[3] А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 211 и сл. — Б. А. Тураев, История Древнего Востока, т. II. М., 1935, стр. 215 и сл.

[4] А. Б. Ранович. Эллинизм..., стр. 184—185. — Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 214.

изготовленных в храмовых мастерских, а оливковое масло храмы могли добывать для себя только в течение двух месяцев в году. Однако несмотря на все это, жречество продолжало поддерживать царей Птолемеев, составлять для них тронные имена на египетском языке, издавать в их честь указы с пышными славословиями. Правда, и Птолемеи со своей стороны внешне проявляли должное внимание к египетским культам. Стремясь поддержать в глазах египтян свой авторитет как законных фараонов и продолжая в этом отношении политику Александра, цари Птолемеи строили египетским богам монументальные новые храмы, реставрировали и дополняли различными пристройками старые. На пилонах и стенах храмов высекались рельефы, изображавшие Птолемеев точно так же, как в течение веков египтяне привыкли видеть изображения фараонов — в традиционных одеяниях царей Египта, поклоняющимися древним богам. Как и раньше, эти рельефы сопровождались иероглифическими текстами, в которых торжественно составленные длинные тронные имена царей и цариц были обведены традиционными для египетской письменности овалами.

Ярким свидетельством подобной политики Птолемеев являются те надписи, в которых египетские жрецы сообщали о различных царских дарах своим храмам. Такова, например, известная „стела сатрапа" (310 г. до н. э.),[1] в которой сообщается о том, что Птолемей I, тогда еще сатрап, в царствование сына Александра — Александра II, вернул храму в Буто конфискованную Ксерксом землю, а также „принес изображения богов, которые он нашел в Азии, все принадлежности культа, все священные книги храмов Верхнего и Нижнего Египта и вернул их на свои места".[2]

Аналогична и надпись из Пифома, посвященная посещению Птолемеем II Филадельфом храмов Атума в Пифоме, в которые он принес дары.[3] В этой надписи также упоминается о возвращении царем из Азии увезенных в свое время персами статуй египетских богов. В надписи из Мендеса жрецы прославляют Птолемея Филадельфа за посещение мендесского овна; во время этого посещения Филадельф принял участие в обрядах мендесского храма.[4] Его жена Арсиноя считалась жрицей овна. После смерти Арсинои ее обожествили, и ее статуя участвовала в торжественных процессиях в мендесском храме. В ответ на этот культ и почести, оказанные Арсиное, Мендес был освобожден от пошлин. Ряд других подобных надписей, в том числе знаменитый канопский декрет в честь Птолемея III Эвергета,[5] показывают все возраставшую взаимную поддержку царей Птолемеев и египетских жрецов.

Почвой, на которой крепло это объединение, явился страх перед усиливавшимся недовольством народных масс, доведенных до открытых восстаний. Об этих восстаниях говорят нам различные источники как египетские надписи, так и свидетельства античных авторов. Тот факт, что восстания носили классовый характер, а не только были направлены против чужеземных правителей, их войска и чиновников, подтверждается рядом данных, показывающих, что гнев угнетенных был направлен и против царской власти, и против жречества. Так, когда была начата

---

[1] K. Sethe. Hieroglyphische Urkunden des Griechischrömischen Zeit, Leipzig, 1904, № 9.
[2] Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 212.
[3] K. Sethe. Hieroglyphische Urkunden. . ., № 20.
[4] Там же, № 13.
[5] Там же, № 30.

постройка храма Гора в Эдфу, то это строительство было прервано в результате восстания на 20 лет. „Вспыхнуло восстание; толпы бунтовщиков ворвались внутрь храма“, — читаем мы в одном тексте на стене этого самого храма.[1]

Декрет, изданный жрецами в честь коронации Птолемея V Эпифана, рассказывает о ликвидации одного из восстаний, начавшегося еще при жизни Птолемея IV Филопатора.[2] Центром этого восстания был город Ликополь в Бусиритском номе, в Дельте. Как говорится в надписи, „там издавна утвердился мятежный дух среди безбожных, которые, собравшись в этом городе, делали много зла храмам и жителям Египта“. Осада Ликополя большим войском царя привела к сдаче города, о чем с радостью сообщает надпись: „Он (царь) взял в короткое время город и уничтожил всех нечестивых, которые там были, как Тот и Гор, сын Исиды и Осириса, покорили себе тех, которые раньше в этих местах возмутились; восставших при его отце и беспокоивших страну, не уважая храмов... он наказал по заслугам“.[3]

Такая поддержка, которую египетское жречество, наперекор интересам своего народа, оказывало власти Птолемеев, нашла соответственное возмещение со стороны последних. Именно теперь начинается усиленное храмовое строительство и что еще показательнее, Птолемеи не останавливаются перед явными убытками и не только возвращают храмам отнятые у них доходы, в том числе и шестую часть сбора с садов и виноградников, но осыпают храмы новыми льготами и щедрыми дарами. Чем слабее становится внешнее положение Египта и чем острее его внутреннее положение, тем все больше ищут Птолемеи опоры у египетского жречества. Не случайно также, что при подавлении восстания в Фиваиде в 165 г. до н. э., когда Фивы были разрушены, а их жители выселены в соседние селения, храмы Фив были пощажены и остались целыми.

В свете всего сказанного появление новых вариантов религиозных драм в Эдфу приобретает совершенно иное значение. Как можно видеть из приведенных ниже переводов, непременным участником драм является фараон Птолемей, а часто также и царица.

Эти драмы, по всей вероятности, исполнялись публично, на что указывает факт помещения их изображений на стене, окружавшей двор и здание храма, и, следовательно, доступной для обозрения всех, приходивших в храм. Такое их исполнение служило пропагандой заложенной в них идеи о поддержке богами Египта своих избранников, царей Птолемеев, ибо как некогда Гор Бехдетский и Гор, сын Исиды, победили своих врагов, так теперь будут побеждены с их помощью все, посягающие на власть Птолемеев враги — внешние и внутренние.

Одновременно эти драмы были рассчитаны и на то, чтобы убедить самих Птолемеев в могуществе египетских богов, а следовательно, в необходимости всяческой поддержки их храмов и их жрецов. В этом отношении очень показательна приписка после окончания текста драмы о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце, которая совершенно ясно вскрывает политический смысл совершавшихся представлений в Эдфу, равно как свидетельствует и о том, что царь действительно принимал в них участие. Приписка эта гласит: „Да сотворит (это) царь в день, когда

---

[1] Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 216.
[2] E. Budge. The Rosetta stone in the British Museum. London, 1929.
[3] Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 216.

случится тревога и мятеж! Да будет изображен писанием на его груди крылатый скарабей, когда он увидит тревогу, подобно тому, как сделал Ра-Хорахте (когда он увидел) тревогу сына Ра имя рек, причем лицо его (скарабея) да будет соколиное, губы — коршуна, тело скарабея. Удалитесь от него, о вы, враги, вы — совет нечестивый, вы — люди, боги, духи и мертвые, Апоп — враг сына Ра, Птолемея, живущего вечно, возлюбленного Птахом! Он — мститель бога, вышедший из Бехдета, и имя его — Гор Бехдетский! Тогда да скажет сам царь: «Я — мститель бога, вышедший из Бехдета, и имя мое — Гор Бехдетский!..». Пусть эти изречения будут произнесены, когда случится тревога, и пусть не боится царь, ибо его враги будут убиты пред ним, и его сердце немедленно возрадуется над ними, и немедленно один (из них) будет убивать другого, как (это) случилось с врагами Ра-Хорахте, когда Гор Бехдетский полетел на них Крылатым Солнцем".

Если мы вспомним, что в тексте декрета, изданного египетскими жрецами в честь коронации Птолемея V Эпифана, при рассказе о подавлении восстания в Ликополе говорится, что это произошло подобно тому „как Тот и Гор, сын Исиды и Осириса, покорили себе тех, которые раньше в этих местах возмутились", то совпадение этого сравнения с эдфусскими драмами, разумеется, не может показаться нам случайным. И там и тут мы видим упоминание о мифе, согласно которому Гор и Тот покоряют мятежников, которые, по словам декрета, „раньше в этих местах возмутились" и которые выступают в драматических представлениях в храме Эдфу в образах врагов Гора или Ра. Совершенно очевидно, что в обоих случаях враги богов являются символическими соответствиями реальных земных врагов царей и жрецов — под ними скрываются столь страшные для своих угнетателей восставшие трудящиеся массы.

Стремясь укрепить свое положение и приобрести авторитет у царей Птолемеев, египетские жрецы прибегали в сущности к уловкам, давно испробованным их предками. В их арсенале имелись достаточно широко и долго практиковавшиеся обряды, с помощью которых жречество Египта еще в далекой древности поддерживало свою власть и могущество. Мы уже видели на примере папируса Сольт 825, как в птолемеевское время продолжал применяться древний обряд уничтожения фигурок, изображавших врагов фараона. Можно указать и на другие драматизованные ритуалы уничтожения врагов, которые засвидетельствованы на памятниках как птолеемевского времени, так и более древних. Я имею в виду обряд „ловли врагов сетями".[1] На стене Карнакского храма сохранилось изображение ловли сетями водяных птиц Рамсесом II и жрецами в масках богов Гора и Хнума. Аналогичные сцены сохранились и от птолемеевского времени в том же Карнаке, Эдфу и Эсне, причем текст в Эдфу прямо говорит о том, что дело идет о ловле и уничтожении врагов царя: „Назад, вы, которые надеетесь не быть взятыми! Прячущиеся в ваших городах! Да будете вы пойманы (в сети) ночью, если вы не были пойманы днем!".[2] Надо думать, что и другие сцены ловли птиц фараоном и богами имеют то же значение: недаром в гл. 134 Книги Мертвых (строчки 4—5) говорится о том, как Гор убивает врагов Осириса, обратившихся в птиц, животных и рыб, равно как в гл. 153 боги ловят сетями души приверженцев Сета, в то время

---

[1] Alliot. Les rites de la chasse au filet au temples de Karnak. d'Edfou et d'Esneh. Rev. d'Egypt., t. V, Paris, 1946, стр. 57 и сл.

[2] Там же, стр. 66.

как души праведных избегают этой участи.[1] Таким образом, мы видим, что обряды уничтожения врагов царя совершались в Египте за много веков до Птолемеев, и египетские жрецы еще в те далекие времена пытались внушать фараонам веру в действенность своих колдовских средств.

Равным образом, не раз на протяжении истории Египта пытались жрецы обратить в свою пользу те или иные неудачи, случавшиеся во времена фараонов, проводивших не желательную для жрецов политику. Вспомним, как истолковали жрецы потерю Египтом своих владений в Передней Азии при Эхнатоне: неудачи внешней политики последнего были объяснены жрецами как результат гнева богов, культ которых был запрещен Эхнатоном. Очень интересно, что таким же образом жречество Египта при Птолемее I объяснило ему причины поражения персов в войне с Александром Македонским. В уже цитированной нами выше „стеле сатрапа“ имеется чрезвычайно любопытный в этом отношении рассказ о том, как Птолемею становится известной история земли, отнятой Ксерксом от храмов Буто. Текст повествует о посещении Буто царем Хабабашем, пожелавшем узнать от жрецов о тех последствиях, которые повлекло для Ксеркса проведение этой меры: „Его величество сказал: «Расскажите мне, как поступили боги Пе-Деп[2] со злодеем за его злодеяние, — ведь говорят, что злодей Ксеркс преступил против Пе-Деп, отняв его достояние?». Они сказали его величеству: «Государь, господин наш, Гор, сын Исиды, сын Осириса, князь князей, царь царей Верхнего и Нижнего Египта, защитник своего отца, владыка Пе, начало и конец богов, с которым никакой царь несравним, — он изгнал злодея Ксеркса с его старшим сыном из дворца!»“.[3]

Перед нами явная попытка произвести впечатление на нового правителя-грека рассказом о мощи египетского бога Гора, „с которым никакой царь несравним“. В то же время невольно вспоминается уже приведенная выше религиозная драма о вторичном изгнании Сета из Египта: имеющееся в „стеле сатрапа“ прямое объяснение падения персов как изгнание их Гором за преступления против египетского храма представляет собой полную параллель с текстом драмы, в которой Сет изгонялся из Египта за нечестивые проступки против богов долины Нила. Совпадение официального жреческого декрета с религиозной драмой, подобное тому, которое мы уже видели выше на другом примере, еще раз говорит о несомненном политическом значении, которое имели в Египте драматические храмовые действа.

Думается, что значение драматизованных обрядов было еще шире, ибо они давали возможность проявляться и идеологической борьбе, которая являлась отражением борьбы социальной.

В папирусе с текстом Книги Мертвых, принадлежавшем писцу Ани, жившему в XIV в. до н. э.,[4] имеется одно очень интересное место. Это — диалог умершего Ани с богом Атумом, который, по ходу всего ритуала, происходит незадолго до прихода Ани на загробный суд бога Осириса. Ани высказывает здесь сомнения в том, действительно ли предстоящее ему посмертное существование будет лучше земного. Атум пытается рассеять его сомнения.

---

[1] Alliot. Les rites de la chasse au filet au temples de Karnak. d'Edfou et d'Esneh. Rev. d'Egypt., t. V. Paris, 1946, стр. 113.

[2] Пе и Деп — две части города Буто.

[3] Б. А. Тураев. История Древнего Востока, стр. 163.

[4] Папирус № 10476 Британского музея. Полное издание папируса в цветных воспроизведениях всех таблиц см.: Facsimile of the papyrus of Ani. London, 1894. Данный диалог воспроизведен на табл. 29, строчки 9—12.

Вот перевод этого замечательного диалога:

„Ани:

— О Атум, что это (значит), что я отправляюсь в пустыню? Там ведь нет воды, нет воздуха, она глубока-глубока, она темна-темна, она вечна-вечна!

— Ты будешь в ней жить с умиротворенным сердцем!

— Но в ней нет радостей любви!

— Я дал просветление вместо воды, воздуха и радостей любви, умиротворение сердца — вместо хлеба и пива!“

Этот диалог умершего с Атумом вставлен в первую часть главы, носящую название „Чтобы не умереть вторично“, и не имеет никакого отношения ни к ее началу, ни к ее второй части и производит впечатление явной вставки. И это, действительно, так. Мы встречаем этот диалог только в папирусе Ани и в одновременном ему папирусе писца царского стола Ра.[1] Ни раньше, ни позже в известных нам экземплярах Книги Мертвых этого диалога нет. А между тем содержание его крайне важно, так как оно отражает наличие сомнений в превосходстве загробного мира над земным, если не сомнений в самом существовании этого загробного мира.

Очень интересно, что на стене гробницы современника писца Ани, верховного жреца Неферхотепа, сохранился текст, который также содержит полемику по поводу сравнений достоинств загробного и земного бытия.[2] Полемика эта была направлена против знаменитой „Песни арфиста“, произведения, возникшего еще за несколько веков до того времени, когда жили и Ани, и Ра, и Неферхотеп. Как известно, „Песнь арфиста“ является одним из немногих свидетельств наличия в древнем Египте элементов свободомыслия, так как в ней высказано явное неверие в существование загробной жизни.

...Покоятся боги, бывшие прежде, в своих пирамидах,
Погребены мумии и духи в своих гробницах.
Слыхал я слова Имхотепа и Хардедефа,[3]
Изречения которых у всех на устах,
А что до мест их — стены их разрушены,
И мест этих нет как не бывало.
Никто не приходит оттуда, чтобы поведать нам о их пребывании,
Чтобы укрепить наше сердце,
Пока вы не отправитесь в то место, куда они ушли.
Заставь же свое сердце забыть об этом!
Следуй сердцу своему, пока ты жив!
Возложи мирру на твою голову,
Оденься в тонкие ткани,
Умащайся прекрасными истинными мазями богов,
Умножай еще более свои наслаждения,
Не давай своему сердцу огорчаться,
Следуй желанию его и благу твоему,
Совершая свои дела на земле согласно велению твоего сердца,
И не печалься, пока не наступит день плача по тебе!
Не слушает ведь жалоб тот, чье сердце не бьется,

---

[1] Папирус хранится в Лейденском музее. Текст см.: E. Naville. Todtenbuch, Bd. I, табл. CXCVIII. Об этом папирусе см. также: E. Naville. Todtenbuch, Einleitung, стр. 92 и 188—189. О гл. 175 Книги Мертвых см.: E. Naville, A mention of the flood in the Book of the Dead. Proceed. of the Soc. of Bibl. Archeol., London, 1904, v. 26, стр. 251—257 и 287—294.

[2] Гробница жреца бога Амона Неферхотепа находится в Фивах, № 50. Издания: G. Bénédite. Tombeau de Neferhotpou. Mém. de la Miss. Arch. Fr. au Caire, V, Le Caire, 1894, стр. 489—540; B. Porter and R. Moss. Topographical bibliography. I. The Theban Necropolis. Oxford, 1927, стр. 82—83.

[3] Знаменитые древнеегипетские мудрецы.

И плач не вернет никого из могилы.
Итак, празднуй радостный день и не печалься,
Ибо никто не уносит добра своего с собой,
И никто из тех, кто ушел туда,
Еще не вернулся обратно![1]

В гробнице Неферхотепа дважды изображен арфист, играющий на арфе и поющий песни. Одна из песен содержит следующий текст: „Говорит арфист жреца Амона Неферхотепа: «О все почтенные знатные и Девятка богов Владычицы жизни![2] Слушайте совершение восхвалений этому жрецу, прославлений... благородного знатного, теперь, когда он стал богом, живущим вечно, возвеличенным в некрополе! Пусть будут они (восхваления) воспоминанием для потомков, для всякого, приходящего к (этой гробнице)...

«...эти песнопения, которые в древних гробницах, — что это они рассказывают, когда они возвеличивают (жизнь) на земле, а некрополь умаляют? Для чего это — так поступать с Землей вечности? Правый и справедливый, не имеющий страха, — для него мятеж это отвращение... Эта земля, не имеющая врага, все наши предки покоятся в ней с изначального времени... Никто не останется в Египте, нет никого, кто бы не пришел в нее! То время, которое проводится на земле, — это сон, и говорят „добро пожаловать благополучным и невредимым" тому, кто достиг Запада»".[3]

Содержанием второй песни также является прославление покоя, который ждет умершего: „О как воистину покоен этот вельможа! Прекрасная судьба свершилась! Со времен бога проходят тела, и поколения приходят на их место. Ра восходит утром, Атум заходит в Ману,[4] мужчины оплодотворяют, женщины зачинают, все носы вдыхают воздух, но утром их дети уходят к их местам![5] Проводи же счастливый день, о жрец! Да будут всегда благовония и ароматы для твоего носа, гирлянды и лотосы для плеч и груди твоей возлюбленной сестры, которая сидит рядом с тобою![6] Да будут песня и музыка пред тобою, отбрось всякое огорчение, думай только о радости, пока не придет день, когда надо причалить к земле, любящей молчание... Проводи же счастливый день, мудрый жрец, с чистыми руками! Я слыхал обо всем, что случилось с предками — их (стены) разрушены, их места не существуют, они подобны тем, кто никогда и не был со времени бога. [Но твои стены крепки, ты посадил деревья][7] на берегу твоего пруда, твоя душа отдыхает на них и пьет их воду. Следуй же смело своему сердцу!.. Давай хлеб неимущему, чтобы осталось твое имя прекрасным навеки!".[8]

---

[1] Тексты „Песни арфиста" см.: W. Max Müller. Die Liebespoesie der alten Aegypter. Leipzig, 1899, стр. 31 и сл.

[2] Т. е. некрополя.

[3] Первая песнь арфиста в гробнице Неферхотепа находится на стене первого зала (G. Bénédite. Tombeau de Neferhotpou, стр. 505, табл. II).

[4] Место, куда заходит на ночь солнце.

[5] Т. е. умирают. Смысл этой фразы: все проходит своим чередом, ничто не вечно.

[6] „Сестра" по-древнеегипетски означала и „возлюбленная" и „жена".

[7] В этом месте текст поврежден, однако общий его смысл ясен, так как, судя по тому, что сохранилось после поврежденного места, в лакуне должно было находиться описание прочности гробницы Неферхотепа; см.: C. Maspero. Etudes sur quelques peintures et sur quelques textes relatifs aux finérailles. Etudes égypt., I, Paris, 1879, стр. 175.

[8] Вторая песнь арфиста в гробнице Неферхотепа находится в проходе, соединяюще и первый зал гробницы с нишей (см.: G. Bénédite. Tombeau de Neferhotpou, стр. 529—530, табл. IV).

Обе песни арфиста из гробницы Неферхотепа дают яркую параллель к приведенному выше диалогу из Книги Мертвых писцов Ани и Ра. И там в словах бога Атума и здесь в словах арфиста явно звучит голос жреца, пытающегося опровергнуть те проявления свободомыслия, самое существование которых представлялось для жречества совершенно нетерпимым. Очень показательно, что первая песнь Неферхотепа прямо указывает, что человек „правый и справедливый“ — это тот, для которого „Мятеж это — отвращение“. Жрецы пытаются бороться с сомнениями в блаженстве загробной жизни, с одной стороны, попытками противопоставить восхвалению реальной жизни с ее радостями и волнениями вечный покой и „умиротворенное сердце“ пребывающей в загробном мире души, с другой же стороны, как это видно из второй песни Неферхотепа, делаются еще более наивные попытки возразить уже непосредственно на доводы древней „Песни арфиста“, которая, ссылаясь на разрушенные гробницы предков, подрывала тем самым учение жрецов о необходимости сохранения тела для возможности загробного существования души. Автор второй песни Неферхотепа пробует противопоставить этим доказательствам уверение, что зато данная гробница крепка, о ней надлежащим образом позаботились, выкопали около нее пруд и т. д.

Появление этой полемики именно во второй половине XIV в. н. э. не случайно. Вспомним, что это было время торжества жреческой реакции после поражения реформ „фараона-еретика“ Эхнатона, пытавшегося, опираясь на средние слои населения, бороться с усилившимся жречеством и верхушкой рабовладельческой знати. Вполне вероятно, что нарушение при Эхнатоне ряда привычных норм — запрещение культов древних богов, новый, резко отличный от прежнего стиль в искусстве,[1] замена в литературе и официальных документах живым разговорным языком устаревшего книжного и т. д. — способствовало пересмотру многих казавшихся ранее незыблемыми положений. Большую роль играло и выдвижение людей из средних слоев населения, идеология которых, несомненно, внесла много нового в культуру периода. Возможно, что тогда усилились и элементы свободомыслия. На это указывают и борьба с ними жреческой реакции, и тот существенный факт, что из двух дошедших до нас записей древней свободомыслящей „Песни арфиста“ одна сохранилась как раз на памятнике современника Эхнатона — Паатонемхеба,[2] а вторая — на папирусе того же времени, что и гробница Неферхотепа и папирусы Ани и Ра.[3]

Таким образом, диалог с полемикой о „благах“ загробного мира, который дали нам заупокойные ритуальные папирусы Ани и Ра, является еще одним подтверждением того, что египетские религиозные драматические представления не были чем-то застывшим и неизменным, а, наоборот, отражали в своем содержании, под привычной мифологической оболочкой, борьбу политических течений, которые возникали в тот или иной период истории египетского общества.

Не следует думать при этом, что религиозные драматические представления в древнем Египте могли быть доступны лишь небольшому

---

[1] По этому вопросу см.: М. Э. Матье. О периодизации истории амарнского искусства. Вестн. древн. истор., 1953, № 3, стр. 212—223.

[2] Текст сохранился на весьма поврежденной стеле из гробницы Паатонемхеба, фрагменты которой хранятся в Лейденском музее (см.: P. A. Boeser. Beschreibung der aegyptischen Sammlung des niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. Gräber, Haag, 1911, стр. 3, табл. VI).

[3] Так называемый папирус Харрис 500, VI, 2—VII, 3 recto (см.: W. Max Müller. Die Liebespoesie. . ., стр. 29—37.

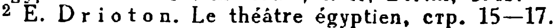
кругу жрецов или высшей знати. Разумеется, при некоторых драмах особого назначения число присутствовавших было ограничено. Однако заупокойные ритуальные действа охватывали уже широкие слои населения, не только высшие, но и средние, а частично и низшие. Не случайно поэтому, что именно в ряде эпизодов этих драматических действий сохранилась гораздо бо́льшая связь с народными обрядами; таковы, например, оплакивания умерших с их характерными „плачами“,[1] вылившимися в заупокойном ритуале в „Плач Исиды и Нефтиды“. Ряд же религиозных драм происходил во время всенародных празднеств, как это видно по многим данным, в частности по приведенным в главе III сведениям о празднике Хатор-Тефнут или по рассказам Геродота, упомянутым в начале данной главы.

Материалы, по которым мы могли бы судить о подлинных масштабах распространения египетской религиозной драмы, в настоящее время пополнились очень важным памятником. В 1922 г. в Эдфу была найдена интереснейшая стела, которая была посвящена в начале второго тысячелетия до н. э. богу Гору египтянином Эмхебом.[2] Этот Эмхеб был помощником странствующего актера. Он сообщает о себе следующее:

„Я — следующий за своим господином в его хождениях, без неудач в игре... Я отвечал моему господину во всех его выступлениях: он был богом, я — правителем, когда он убивал, я оживлял“.

Этот памятник ясно говорит нам о существовании в древнем Египте бродячих актеров, которые, очевидно, разыгрывали свои представления в различных местностях и селениях долины Нила. Мы, разумеется, не знаем, каковы были эти представления. Судя по словам стелы Эмхеба, очевидно, они имели мифологический облик, что и неудивительно; однако содержание их могло отражать настроения самых различных слоев населения.

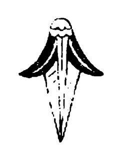
Таким образом, вполне вероятно, что драматические представления, имевшие мифологические сюжеты, играли большую роль в истории древнеегипетской культуры, являясь той своеобразной формой, в которой не только отражалась современная политическая обстановка, как мы это видели на примерах драм персидского и птолемеевского периодов, но в которой находила выражение и борьба различных идеологических течений.

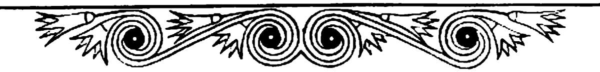


[1] Тексты таких „плачей“ см.: E. Lüddeckens. Untersuchungen über religiöse Gehalt, Sprache und Form der ägyptischen Totenklagen. Mitteil. des deutschen Ins. für ägypt. Altertumsk. in Kairo, t. II, Berlin, 1943.

[2] E. Drioton. Le théâtre égyptien, стр. 15—17.

ПЕРЕВОДЫ МИФОВ





СОТВОРЕНИЕ МИРА [1]

(гелиопольское сказание) [а]

КНИГА ПОЗНАНИЯ ТВОРЕНИЙ РА [б]

Изречения слов. Говорит владыка вселенной после того, как он воссуществовал: „Я тот, кто воссуществовал как Хепра.[в] Я воссуществовал и воссуществовали существования. Воссуществовали все существования после того, как я воссуществовал, и многие существа вышли из моих уст.

Не существовало еще небо и не существовала земля. Не было еще ни почвы, ни змей в этом месте.

Я сотворил их там из Нуна,[г] из небытия.

Не нашел я себе места, на которое я мог бы там встать.

Я размыслил в своем сердце, задумал пред моим лицом. И я создал все образы, будучи единым, ибо я (еще) не выплюнул Шу,[д] я (еще) не изрыгнул Тефнут,[е] и не было другого, кто творил бы со мною.

Я задумал в моем собственном сердце, и воссуществовали многочисленные существования от существ в образах рождений и в образах их рождений.

Я соединил с моим кулаком, совокупился с моей рукой, упало семя в мой собственный рот.

И я выплюнул Шу, я изрыгнул Тефнут. И мой отец Нун сказал: „Да возрастут они!“. И мое Око[ж] было для них защитой вечно, когда они удалялись от меня.

После того, как я существовал как бог единый, — вот три бога со мною.

Я был на этой земле, и Шу и Тефнут возликовали из Нуна, в котором они были, и они привели ко мне мое Око с собой после того, как я соединил мои члены. Я оросил их слезами, и воссуществовали люди из моих слез,[з] вытекших из моего ока. И оно разгневалось на меня, когда оно пришло и нашло, что я сотворил другое на его месте, заменив его Великолепным.[и] Но я поместил его на моем челе, и после этого оно господствовало над всей землей...“.[к]

---

[1] Цифры означают сноски внизу страницы, буквы — ссылки на комментарии в конце переводов. Текст в круглых скобках принадлежит автору настоящей книги.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

(мемфисское сказание) [a]

Возникла в сердце (мысль) в образе Атума, возникла на языке (мысль) в образе Атума. Велик и огромен Птах, (унаследовавший свою силу от) всех (богов) и их духов через это сердце..., в котором Гор превратился в Птаха, через этот язык..., в котором Тот превратился в Птаха.

Случилось, что сердце и язык получили власть над (всеми) членами, ибо они познали, что он (Птах) в каждом теле, в каждом рту всех богов, всех людей, всех зверей, всех червей и всего живущего, ибо он мыслит и повелевает всеми вещами, какими желает. Его Девятка богов пред ним в виде зубов и губ. Это — семя и руки Атума, ибо возникла Девятка богов Атума через его семя и его пальцы, Девятка же богов (Птаха) — это зубы и губы в этих устах, называвших имена всех вещей и из которых вышли Шу и Тефнут. Девятка создала зрение, слух ушей, дыхание носа, чтобы они осведомляли сердце. Ибо это именно оно дает выходить всякому знанию, а язык повторяет все задуманное сердцем.

И были так созданы этим словом духи Ка и определены духи Хемсут, которые творят всю пищу и всю еду...

И была дана жизнь миролюбивому, и была дана смерть преступнику, и были созданы всякие работы и всякие искусства, труды рук, хождение ног, движение всех членов согласно этому приказанию, задуманному сердцем и выраженному языком и творящему назначение всех вещей.

И случилось, что было сказано о Птахе: „Тот, который создал Атума и произвел богов“. Это Та-нен создал богов. Вышли из него все вещи: пища и еда, пища богов и все другие прекрасные вещи. И так было найдено и признано, что его сила больше, чем всех других богов.

И был Птах доволен после того, как он создал все вещи и все божьи слова.

И он родил богов, он создал города, он основал номы, он поставил богов в их святилища, он учредил их жертвы, он основал их храмы, он создал их тела по желанию их сердец. И вошли боги в свои тела из всякого дерева, из всякого камня, из всякой глины, из всяких вещей, которые на нем росли и в которых они приняли свои образы. И собрались вокруг него все боги и их Ка.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

(гераклеопольское сказание) [a]

Охранены люди, стадо бога, он создал небо и землю по их желанию, он уничтожил хаос воды, он создал воздух, чтобы жили их носы. Они его подобия, вышедшие из его тела.

Он восходит в небе по их желанию, он создал для них растения, животных, птиц и рыб, чтобы их питать.

Он убивает своих врагов, он уничтожает (даже) своих детей, если они замыслят зло против него.

Он сотворил свет по их желанию, он плавает (в небе), чтобы они могли видеть. Он воздвиг молельню позади них, — когда они плачут, он их слышит.

Он создал для них князей (еще) от яйца, правителей, чтобы поднять хребет слабого. Он создал для них чары, как оружие, чтобы отвратить то, что может случиться, и сны ночью как днем.

СОТВОРЕНИЕ ЛУНЫ

(табл. XX)

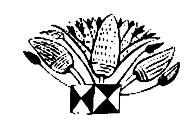
I

Сказало величество этого бога (Ра): „Позовите мне бога Тота“.

И привели его тотчас. Сказало величество этого бога Тоту: „Будь на небе вместо меня, пока я сияю для блаженных в Дуате. Да будешь ты вместо меня заместителем моим и назовут тебя: Тот, заместитель Ра“.[а]

II

Хвала тебе, великий, родивший богов,
Создавший один себя самого,
Сотворивший Обе Земли,[б]
Создавший себя силой плоти своей,
Сделал он тело свое сам:
Нет отца, зачавшего образ его,
Нет матери, родившей его,
Нет места, из которого ты вышел.
Была земля во мраке,
И стал свет после того, как ты возник.
Озарил ты Египет лучами своими,
Когда диск твой засиял.
Прозрели люди, когда сверкнул твой правый глаз впервые,
Левый же глаз твой прогнал тьму ночную.[в]



НЕБО И ЗВЕЗДЫ [а]

Ночью плывут эти звезды по ней (Нут) до края неба, они поднимаются и их видят. Днем они плывут внутри нее, они не поднимаются и их не видят. Они входят за этим богом (Ра) и выходят за ним. И тогда они[б] плывут за ним по небу и упокоиваются в селениях[в] после того, как упокоится его величество в западном горизонте. Они входят в ее рот на месте ее головы на западе, и тогда она поедает их.

И тогда Геб ссорился с Нут, ибо он гневался на нее из-за поедания детей.[г] И было наречено ей имя „Свинья, поедающая своих поросят", ибо она их поедает.

И вот ее отец Шу поднял ее и возвысил ее выше[д] его головы и сказал: „...Геб, да не ссорится он с ней из-за того, что она поедает (их) порождения, ибо она родит их, и они будут жить и выйдут из места под ее задом на востоке ежедневно... И никто из них не упал там, будучи сброшен на землю" (табл. XXVIII, *1*).

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ [а]

... бог, создавший себя самого, после того как он царствовал над людьми и богами вместе.

И тогда люди замыслили злые дела. И вот был уже его величество, да живет он, да здравствует, да будет благополучен, стар, кости его стали серебром, члены его — золотом и волосы — истинным лазуритом.

И тогда его величество, да живет он, да здравствует, да будет благополучен! услышал о делах, задуманных людьми.

Тогда сказал его величество, да живет он, да здравствует, да будет благополучен! тем, которые были в его свите: „Позовите, приведите мне Око[б] мое, Шу, Тефнут, Геба, Нут вместе с отцами и матерями,[б] которые были со мною, когда я был в Нуне вместе с Нуном. И да приведет он свиту свою с собою и да приведешь ты их тайно, да не увидят их люди, да не упадут их сердца. Да приведешь ты в Великий зал, чтобы высказали они свои планы, ибо пойду я из Нуна к месту, где я произошел, и да будут приведены ко мне эти боги".

И тогда эти боги были приведены к нему, и они распростерлись ниц пред его величеством, да скажет он свои слова пред отцом старейших, создавшим людей, царем знатных. Тогда они сказали его величеству: „Скажи нам, да услышим мы это.

Тогда сказал Ра Нуну: „Бог старейший, из которого я произошел! Боги-предки! смотрите, — люди, созданные из моего глаза, замыслили злые дела против меня. Скажите мне, что бы вы сделали против этого?

Вот я подождал, я не убил их, прежде чем не услышал того, что вы скажете об этом".

Тогда сказал его величество Нун: „Сын мой Ра, бог более великий, чем создавший его и чем сотворившие его! Крепок твой трон и велик страх от тебя, — да направится твое Око против оскорбивших тебя!".

Тогда сказал величество Ра: „Смотрите, они убежали в пустыню, сердца их боятся...“.

Тогда они сказали его величеству: „Отправь свое Око, да поразит оно для тебя замышляющих злое, ибо нет другого Ока, которое могло бы быть пред ним и воспрепятствовать ему, когда оно сходит в образе Хатор“.

И пошла богиня, и поразила людей в пустыне.

Тогда сказало величество этого бога: „Иди в мире, Хатор, ибо ты совершила то (для чего я посылал тебя)!“.

Тогда богиня эта сказала: „Жив ты для меня! Осилила я людей и сладостно в моем сердце!“.

Тогда сказало величество Ра: „Силен я над ними как царь в их истреблении“.

И случилось, что Сохмет провела ночь, попирая ногами их кровь, начиная с Нени-нисут.[в]

Тогда сказал Ра: „Позовите мне быстробегущих гонцов, да помчатся они подобно тени тела!“.

Тогда гонцы были приведены тотчас же.

Тогда сказало величество этого бога: „Да бегут они в Элефантину, да принесут они мне много диди“.[г]

Эти диди были ему принесены.

Тогда дало величество этого бога Мельнику гелиопольскому смолоть эти диди, а служанки размололи ячмень для пива.

Тогда положили эти диди в сусло, уподобив людской крови.

Тогда приготовили 7000 сосудов пива.

Тогда пришел его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Ра вместе с богами посмотреть это пиво. Было уже утро истребления людей богиней в дни их бегства вверх по Нилу.

Тогда сказало величество Ра: „О как прекрасно это, и я спасу этим людей!“.

Тогда сказал Ра: „Возьмите и снесите это к месту, где она убивала людей“.

Тогда поднялся его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Ра из красот ночи, чтобы приказать вылить эти сосуды.

И тогда поля четырех сторон наполнились влагой по желанию величества этого бога.

И пришла утром эта богиня и нашла все залитым, и радостно было ее лицо.

И тогда она стала пить, и сладостно было ее сердце.

И пошла она пьяная, и не узнала людей.

Тогда сказало величество Ра этой богине: „Иди в мире, Имаит!“.[д] И возникли красавицы в городе Имау.

Тогда сказало величество Ра этой богине: „Пусть приносят ей сосуды с пивом во время годового праздника, по числу моих служанок“.

И все люди приносят сосуды с пивом по числу служанок в праздник Хатор с первого дня.

Тогда сказало величество Ра этой богине: „Болен я пламенем болезни. Откуда случилась со мной эта болезнь?“.

Тогда сказало величество Ра: „Живу я, но мое сердце весьма устало пребывать с ними. Поражал я их напрасно, ибо не было истребление полным“.

И сказали боги, которые были в его свите: „Не спеши уставать! Ибо ты одолеваешь во всем, чего ты пожелаешь“.

Тогда сказало величество этого бога величеству Нуна: „Члены мои впервые ослабли, я не позволю, чтобы другой одолел меня“.

Тогда сказало величество Нуна: „Сын мой Шу, будь отцу твоему (поддержкой)... и защити его; а ты, дочь моя Нут, подними его“.

Тогда сказала Нут: „Как это, отец мой Нун?“.

И превратилась Нут в (корову, и поместилось) величество Ра на ее спине...“

(И пришли) люди, и увидели они его на спине (коровы). Сказали ему эти люди: „(Вернись) к нам, и поразим мы твоих врагов, изрекавших хулу (на тебя, и истребим их)“.

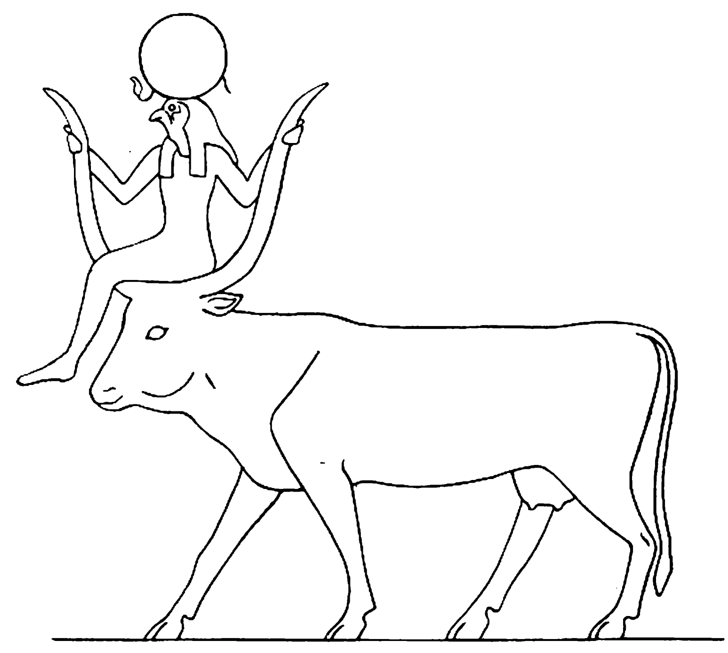


Рис. 34. Ра на небесной корове.

И отправилось его величество к (городу) Хет-Ихит, (боги же), которые были с ним, (остались) с ними.

Земля же была во мраке; когда настало утро, эти люди вышли со своими луками и стрелами, (и подняли) они руки против врагов Ра.

Тогда сказало величество этого бога: „Грехи ваши позади вас, ибо истребление за истребление[1]...“.

Тогда сказал этот бог богине Нут: „Я поместился на твою спину, да вознесусь я“.

Тогда сказало его величество: „Да упокоится поле великое“. И произошли Поля покоя.“

Тогда сказал Ра: „И будут для меня тростники и травы там“. И произошли Поля тростников.

Тогда сказал Ра: „Создам я в них вещи всевозможные“.

И произошли сумерки.

И тогда Нут задрожала из-за высоты...

---

[1] Т. е. грехи ваши прощаются вам, так как истреблением моих врагов вы откупились от дальнейшего истребления вас самих.

Тогда сказало величество Ра: „Сын мой Шу, встань под дочерью моей Нут... Возьми ее на голову свою, да поддержишь ты ее".

Тогда сказало величество этого бога Тоту: „Позови мне величество бога Геба, говоря: «Иди, поспеши немедленно!»".

И пришло величество Геба.

Тогда сказало величество этого бога: „Да поразят змей твоих, находящихся в тебе! Вот они будут страшиться меня, пока я существую. Ты ведь знаешь все волхвование их. Пойди же к месту, где находится отец мой Нун и скажи ему: «Остерегайтесь змей и в земле и в воде!». И да опишешь ты гнезда змей твоих, находящихся в тебе, говоря: «берегись, да не повредите вы кому-нибудь». И да знают они, что хотя и удаляюсь я, все же я сияю над ними. Если же желают они отца, вот будешь ты отцом в земле этой вечно. Остерегайся заклинающих, знающих слова свои: вот заклятие мое собственное там, и вот никто не разделит его со мною в величии, бывшем до меня. Я подчиню их сыну моему Осирису, и детей их будут стеречь, и покорны будут сердца князей и из-за чар тех, которые творят по желанию своему по всей земле силою заклятий своих, которые в них".

РА И ЗМЕЙ[a]

Повествовование о боге величайшем,[1] создавшем себя самого, сотворившем небо, землю, воду, воздух,[2] огонь, богов, людей, зверей, скот, червей, птиц, рыб, о царе людей и богов, едином, извечном, многоименном, чей путь не известен, кого не знают боги.

Вот Исида была женщиной (мудрой).[б] Отвернулось ее сердце от миллионов людей, и она избрала миллионы богов и сочла миллионы духов.

И она узнала все на небе и на земле подобно Ра.

И она замыслила в своем сердце узнать имя могучего бога.

Вот, Ра выходил ежедневно во главе своего отряда и восседал на престоле обоих горизонтов.

И состарился бог, и дрожал его рот, и его слюна стекала на землю, и то, что он плевал, падало на почву. И растерла Исида (слюну) с пылью в своей руке и из этого сделала могучего змея, и сделала его в форме стрелы, да не убежит живой от нее.

И она положила его на дороге, по которой обходил великий бог Обе Земли по своему желанию.

И бог могучий вошел пред богами как фараон, да живет он, да будет он здрав и благополучен! и его свита шла позади него как ежедневно.

И ужалил его могучий змей, и огонь жизни стал из него выходить, и он поразил живущего в кедрах.

---

[1] В подлиннике: бог величественный.
[2] В подлиннике: дыхание жизни.

И бог величайший открыл свои уста, и голос его величества, да живет он, да будет он здрав и благополучен! достиг неба, и Девятка[в] сказала: „Что это?" И боги его стали спрашивать.

И он не находил (силы) ответить о себе. Его челюсти дрожали, и все его члены тряслись, и яд заливал его тело подобно тому, как Нил заливает землю.

И великий бог укрепил свое сердце и (сказал) своей свите: „Придите, вы, созданные из моего тела, боги, вышедшие из меня, ибо я расскажу вам, что случилось со мною. Меня пронзило нечто болезненное, и мое сердце знает это, но мои глаза не видят его, и моя рука не схватила его. Не ведаю я, кто сделал это со мною! Никогда я не испытывал боли подобной этой, и нет боли сильнее ее! Я — владыка, сын владыки, семя бога! Я — великий, сын великого, и измыслил мой отец мое имя! Я многоименный и многосущный, и сущность моя в каждом боге! Нарекли меня Атум и Гор-Хекену. И сказали мне мой отец и моя мать мое имя,[г] и скрыто это в моем теле с моего рождения, да не будет дана власть волхвовская тому, кто стал бы волхвовать против меня.

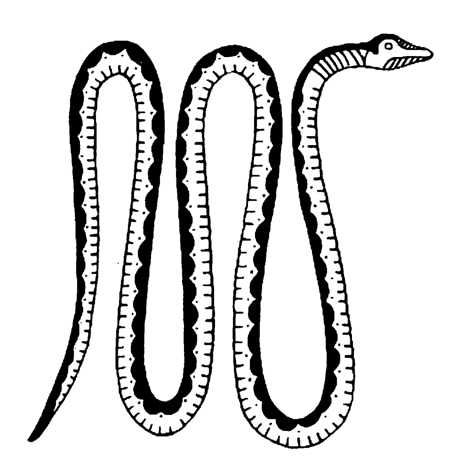


Рис. 35. Змей.

И когда я вышел, чтобы обозреть то, что я сотворил, и когда я пролагал свой путь через Египет, который я создал, поразил меня змей, которого я не ведаю. Не огонь ли это ли, не вода ли это? Мое сердце в огне, мое тело дрожит, и члены ужасно болят. Приведите ко мне моих детей, богов, чарующих речами и сведущих своими устами, чья власть достигает до неба!".

И дети пришли, и каждый бог рыдал.

И пришла Исида со своими чарами, и ее уста с дыханием жизни, ибо речи ее отгоняют болезни и ее слова оживляют тех, чьи горла закрыты.[1]

Она сказала: „Что это, что это, отец мой божественный? Не змей ли ужалил тебя? Не одно ли из твоих порождений подняло свою голову против тебя? Воистину, он будет повержен превосходными чарами и я заставлю его отступить от зрения твоих лучей!".

И могучий бог открыл свои уста (говоря): „Вот, я шел по дороге, проходя Египет, ибо мое сердце желало обозреть то, что я сотворил. И меня ужалил змей, которого я не видел. Не огонь ли это, не вода ли это? Но я холоднее воды и горячее огня, все мои члены в поту, и я сам дрожу, мое око не твердо, и я не вижу неба, и влага выступает на моем лице как в летнюю пору".

Тогда Исида сказала Ра: „Скажи мне твое имя, о мой божественный отец! Ибо живет человек, произнесший свое имя".

(Тогда Ра сказал): „Я — создатель неба и земли, я сотворил горы и создал все, находящееся на них.

„Я — создатель воды, я создал Мехт-Урт и я сотворил Тельца его Матери и я создал сладость любви. Я — создатель неба и тайн обоих

---

[1] Т. е. мертвых.

горизонтов, и я поместил души богов в них. Я — отверзающий свои очи и творящий свет, закрывающий свои очи и творящий мрак, по чьему повелению разливается Нил, и не ведают боги моего имени. Я — создатель часов, сотворивший дни. Я — открыватель праздников, создавший поток.[1] Я — создатель пламени, жизни, сотворивший все дела.

„Я — Хепра утром, Ра в полдень и Атум вечером".

Но яд не выходил и великий бог не чувствовал облегчения.

Тогда Исида сказала Ра: „Не было твоего имени в том, что ты мне говорил! Скажи его мне, и выйдет яд, ибо живет человек, чье имя произнесено".

Яд же жег, разгораясь, и его жар был сильнее пламени огня.

Тогда сказало величество Ра: „Да обыщет меня Исида и да выйдет мое имя из моего тела в ее тело".

И скрылся божественный от богов, и расширилось место Ладьи миллионов лет.[д]

И когда совершилось выхождение сердца, она сказала сыну своему Гору: „Он свяжет себя божьей клятвой, да отдаст он свои очи!".

И когда он сообщил свое имя, Исида, великая чарами, сказала: „Вытекай яд, выходи из Ра! Око Гора, выходящее из бога, золотись на его устах! Я — я творю, я — я заставляю упасть на землю яд, ибо он побежден!

„Вот, сообщил великий бог свое имя! Ра — да живет он, а яд да умрет, и яд да умрет, а Ра да живет. И равно — да живет имя-рек, сын имя-река, а яд да умрет".[е]

Так сказала Исида, великая чарами, госпожа богов: „Знаю я Ра под его собственным именем".

Говорить слова над изображением Атума и Гора-Хекену, госпожи Исиды и Гора.

ГИМН НИЛУ[а]

(времени Среднего царства)

ВОСХВАЛЕНИЕ НИЛА

Слава тебе, Нил, выходящий из этой земли,
Приходящий, чтобы оживить Египет!

Тайно руководствуемый, тьма во дне,
Хвалят его спутники его.

Орошающий поля, сотворенный Ра,
Чтобы всех животных оживить.

Напояющий пустыню далеко от воды,
Роса его спускается с небес.

---

[1] Т. е. Нил.

Любящий Геба,[б] приводящий Непри,[в]
Заставляющий цвести мастерскую Птаха.[г]

Владыка рыб, вожатый пернатых,
Не спускаются птицы...

Творящий ячмень, создающий эммер,
Делает он праздник в храмах.

Если он медлит, то замыкается дыхание,
И все люди беднеют,

Уничтожаются жертвы богов,
И миллионы людей гибнут...

Когда же он восходит, земля в ликовании,
И все живое в радости,

Зубы все начинают смеяться,
И каждый зуб обнажен.

Приносящий хлебы, обильный пищей,
Творящий все прекрасное...

Творящий траву для скота,
Заботящийся о жертве богу каждому —

Находящемуся в преисподней, на небе, на земле
Или в столице Ит-тауи.[д]

Наполняющий амбары, расширяющий закрома,
Заботящийся о вещах бедняков.

Заставляющий цвести деревья по любому желанию,
И нет в этом недостатка...

Нет рабов и нет владык его,
Не вырвут (его) из тайн!

Не знают места его,
Не находят пещер его в писаниях!

Нет складов произведений его,
И никто не руководит твоим сердцем.

Ликует тебе молодежь твоя и дети твои.
Спрашивают о состоянии твоем как о фараоне.

Постоянный законами,
Выходящий пред югом и севером,

Выпивается вода каждого глаза благодаря ему!
Заботящийся об изобилии по благости своей!

Бывший в печали — выходит в радости.
И каждое сердце ликует.
Зачат Собек, рождает Нейт,[е]
И Девятка,[ж] сущая в тебе, могущественна...
. . . .
Дающий силу одному, как и другому,
И нет судящегося с ним...
Осветитель, выходящий из мрака,
Жир для скота его!
Силач это, творящий все,
И нет живущих в познании его...
Зеленей же, зеленей же,
О, Хапи,[з] зеленей же,
Насыщающий людей скотом,
А скот — полями,
Зеленей же, зеленей же,
О, Хапи, зеленей же!

ГИМН НИЛУ[а]

(времени Нового царства)

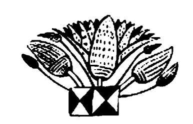
Да живет благой бог, возлюбленный Нуном,
Хапи, отец богов и Девятки в волнах![б]
Пища, питание, еда Египта,
Оживляющий всех своим питанием!
На его путях — изобилие, на его пальцах — пища,
И люди ликуют, когда он приходит.
Ты — единственный, сотворивший самого себя,
И не знают твоей сущности!
В день, когда ты выходишь из своей пещеры,
Радостно каждое лицо!
Ты — владыка рыб, обильный зерном,
Дарующий Египту птицу и рыбу!
Не ведает твоей сущности Девятка,
А ты — их жизнь!
При твоем приходе удваиваются их жертвы,
И наполняются их алтари.
Они приветствуют тебя кликами,
Ибо ты возрождаешь их.
Спешащий оживить людей,
Подобно Ра, когда он правил землей.
Упокояющий Нуна,
Приводящий его в мире.
Весь совет его южный в радости,

Когда пожелает отец Хапи сотворить благо
по Возлюбленной земле,
Созидая своим собственным сердцем,
Постоянно стремясь доставить живущим их необходимое,
Умножая зерно, как песок,
Да наполнятся амбары выше краев!

Вот, его величество (правящий фараон) искал случаев угодить отцу всех богов и совету богов Юга, главенствующему на волнах. И его сердце, мудрое, как у Тота, размышляло о благах, которые они любят. Нет царя со времен Ра, который сделал бы то, что он сделал в этой стране! И вот его величество сказал:

„Вот Нил оживляет Обе Земли: пища и еда существуют (только) после того, как он разливается. Все живут благодаря ему, богатеют (только) по его приказанию.

„Я знаю то, что находится в архивах, то, что пребывает в домах свитков:[в] Хапи выходит из двух пещер, чтобы напитать жертвенными хлебами богов. Когда священная вода — около Хени,[г] вот в этом его превосходном месте, то ему здесь удваивают жертвы".[д]



ИСИДА И НЕФТИДА НАХОДЯТ ТЕЛО ОСИРИСА[а]

Приближается Исида,
Приближается Нефтида.
Одна — справа,
Другая — слева,
Одна в образе птицы Хат,
Другая в образе соколицы,
Нашли они Осириса
Когда убил его брат его Сет в земле Недит.
Приближается птица Хат,

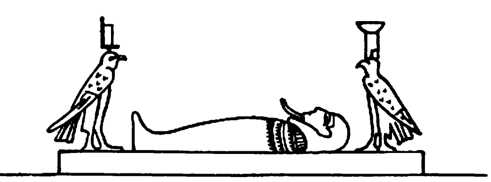


Рис. 36. Исида и Нефтида в образе птиц оплакивают Осириса.

Приближается соколица,
То — Исида и Нефтида.
Пришли они, обнимая брата их, Осириса.
. . . .
Спеши, спеши!
Плачь о брате твоем, Исида!
Плачь о брате твоем, Нефтида!
Плачь о брате твоем!

Сидит Исида, и руки ее на главе ее,
И Нефтида сжала концы грудей своих
Из-за брата ее Осириса.

ПЛАЧ ИСИДЫ И НЕФТИДЫ[а]

(Поют Исида и Нефтида)

О прекрасный юноша, приди в свой дом!
Давно уже, давно мы не видим тебя!
О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!..
Прекрасный юноша, ушедший безвременно,
Цветущим, не во время свое!..
Владыка, владыка, вознесенный над его отцами,
Первенец тела его матери!
Да вернешься ты к нам в прежнем образе своем,
Да обнимем мы тебя, да не удалишься ты от нас!
Прекрасноликий, многолюбимый!..
Да придешь ли ты в мире, владыка наш,
Да увидим мы тебя!
Да соединишься ты с нами подобно мужу!..
Да придешь ты в мире, старший сын своего отца!..
О душа, да живешь ты снова!
Обе сестры защищают твое тело...
О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!

Я женщина, любезная брату своему,
Жена твоя, сестра по матери твоей.
Вернись ко мне быстрее!
Жажду я видеть лицо твое,
Не видев так долго лица твоего,
Тьма здесь для нас предо мною,
Хоть Ра находится в небе!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня,
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою,
Сердце мое пылает, отвратился ты от меня!
А ведь ты не нашел ни разу во мне вины!

Взрыты Обе Страны[б] и спутаны дороги,
А я все ищу, желая увидеть тебя.
В городе без валов крепостных
Рыдаю о любви твоей ко мне!
Приди! Не будь одиноким! Не будь далеким!..
Брожу я одна, блуждая в болотах,
И многие злобствуют на сына твоего...
Прошла я пути, свернула за братом.
Напрасно покинувшим (меня).

Пылают сердца миллионов,
Огромна скорбь средь богов.

(Поют Исида и Нефтида)

Плачем мы по владыке,
Не исчезла любовь к тебе средь нас!
О муж, владыка любви,
О Севера царь, господь вечности,
Взлети к жизни, о князь бесконечности!..

(Поет Исида)

О брат мой, владыка, отошедший в край безмолвия!
Вернись же к нам в прежнем образе твоем!
Приди же в мире, в мире!
Да узрим мы лик твой, как прежде,
Как жаждала я видеть тебя!
Руки мои подняты в защиту твою,
О ты, кого я так желала!..
О муж, о брат, владыка любви,
Вернись же в мире к дому своему!
О прекрасный сотрясатель систра, вернись в свой дом!
Давно уже, давно ты в отсутствии!
О юный, приди в мире, о брат мой!
Приди, да увижу тебя, Севера царь, князь вечности!
Не уставай усталостью сердца своего, владыка наш!
Приди же в дом свой и не опасайся!..

(Говорит жрец)

О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!
Боги ищут тебя, о юный, о владыка!..
Боги над богами...
Ты больше, чем боги,...
Нил — истечение твоего тела,
Оживляющий знать и народ,
Владыка пищи, господин растений,
Великий, древо жизни,
Дающий жертвы богам,
И приношения — духам...

Говорят две длинноволосые:
„О прекрасный сотрясатель систра, приди в свой дом!.
О приди в мире!
О Севера царь, приди в мире!
Сын твой Гор защитит тебя!
Да рассеешь ты горе великое двух женщин!
Да озарит нас лик твой радостью твоей!..
Приди же в дом свой и не опасайся!
О боги, которые в небе!
О боги, которые в почве!
О боги подземного царства!
О боги, которые в Ниле!
О боги, которые следуют Нилу!
Сопутствуйте нам за владыкой, владыкой любви,
За братом, за мужем, за страсти владыкой!“.

(Поет Исида)

О, приди ко мне!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня,
Пало небо на землю,
О, приди ко мне!
Мужчины и женщины в городе
Ищут господа нашего,
По земле ходившие
Во время господа нашего.
О, приди ко мне!
Пало небо на землю...
О владыка любви!

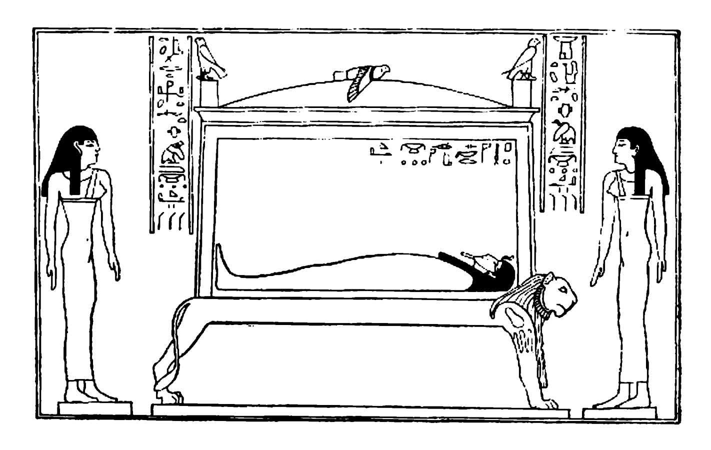


Рис. 37. Исида и Нефтида оплакивают Осириса.

Приди ко мне владыка мой!
Да увижу тебя сегодня!
О брат приди, да увидим тебя!
Руки мои простерты приветствовать тебя,
Руки мои подъяты, подъяты, чтоб защищать тебя!..
Приди же к жене своей в мире!
Сердце ее трепещет от любви к тебе!

ИСИДА И СЕМЬ СКОРПИОНОВ[a]

Изречение заклятия против скорпиона. Говорить слова:[6] „Я — Исида, я вышла из помещения для рабынь, куда запер меня мой брат Сет. И вот сказал мне Тот, великий бог, глава истины на небе и на земле: «Приди же, о Исида, богиня! Хорошо ведь послушать: один живет, а другой руководит. Спрячься же со своим сыном, младенцем, пришедшим к нам! Когда же вырастут его члены и появится вся его сила,

ты поможешь ему овладеть престолом его отца, и он получит сан владыки Обеих Земель».

И когда я вышла в вечернее время, вышли за мной и семь скорпионов, и они были вокруг меня: Тефен и Бефен позади меня, Местет и Местетеф под моим ложем, Петет, Четет и Матет охраняли мне дорогу. Я их убедительно просила, и моя речь достигла их ушей: „Не знайте Черного, не приветствуйте Красного,[в] не различайте сына (знатного) человека от бедняка! Да будут ваши лица опущены и на дорогу, опасайтесь возбудить подозрения, пока мы не достигнем Пер-Суи, города Двух обутых женщин, начала болот, конца клетки".[г]

Но когда я достигла домов замужних женщин, увидела меня издали знатная женщина и заперла свои двери предо мною. И она (показалась) злой моим спутникам. Они посоветовались о ней и положили свой яд вместе на жало скорпиона Тефен.

А мне открыла дверь обитательница болот,[1] и я вошла в ее дом, усталая.

А Тефен прополз под створки двери и укусил сына богатой женщины. И запылал огонь[2] в доме богатой женщины, и не было воды, чтобы его залить, ибо небо,[д] которое могло бы пролить дождь в дом богатой женщины, — не пришло еще время для этого! И вот та, которая не открыла мне (двери), ее сердцу стало очень больно, ибо она не знала, будет ли он жив. Она обежала свой город, крича, но там не было никого, кто бы пришел на ее вопль. А моему сердцу (тоже) стало больно за маленького, чтобы сохранить жизнь невинному.

Я позвала ее: „Приди ко мне, приди ко мне! Вот мои уста владеют жизнью! Я — женщина, известная в своем городе, которая останавливает своими чарами ядовитую змею. Мой отец научил меня знанию, ибо я его родная и любимая дочь!".

И Исида возложила свои руки на ребенка, чтобы оживить того, кто уже не дышал: „О яд скорпиона Тефен, приди, выйди на землю, не броди, не проникай! О яд скорпиона Тефен, приди, выйди на землю! Я — Исида, богиня, владычица чар, творящая чары, превосходная изречениями! Меня слушается всякий гад! Пади ниц, яд скорпиона Местет! Не убегай, яд скорпиона Местетеф! Не поднимайся, яд скорпиона Петет и скорпиона Четет! Не приближайся, яд скорпиона Матет! Пропади, рана укуса, по слову Исиды, богини, великой чарами перед богами, которой Геб дал свою силу, чтобы отвращать яд в его мощи! Отступи! Беги! Назад, яд, не наступай, — по слову возлюбленной (бога) Ра,[3] яйца гуся, вышедшего из сикоморы![е] Вот моя речь, которой я просила вас, (скорпионы), еще ночью! Я ведь вам сказала: „Я буду (итти) одна и (даже) забуду ваши имена, (пока мы проходим) по областям. Не знайте Черного, не приветствуйте Красного, не смотрите на богатых женщин в их домах! Пусть ваши лица будут опущены на дорогу, пока мы не достигнем убежища Хеммиса!". О! Жив ребенок и мертв яд! Жив Ра и мертв яд! Как был исцелен Гор для его матери Исиды, так же исцелится и тот, кто страдает![ж] Огонь потух и небо спокойно из-за уст Исиды, богини!

„Пусть же богатая женщина придет и принесет мне свои вещи, и пусть они наполнят дом обитательницы болот ради обитательницы болот, ибо она открыла мне свою хижину, а богатая женщина оставляла страдать просящих той же ночью. Но она испытала свои уста:

---

[1] Т. е. бедная женщина, возможно рыбачка.
[2] Т. е. случилась беда.
[3] Т. е. Исиды.

ее сын был укушен, и она принесла свои вещи за то, что не отворила мне! О, жив ребенок и мертв яд, ибо как был исцелен Гор для его матери Исиды, так же будет исцелен каждый болящий!".

Вот ячменный хлеб отвратил яд, и он ушел. Это соль прогоняет яд, смешанная с чесноком.

Говорить это изречение над ячменным хлебом с солью. Принять.[а]

РОЖДЕНИЕ ГОРА[а]

Вихрь свистит. Боятся боги.

Просыпается Исида, беременная от семени ее брата Осириса. Она встает, и прибегает женщина.[1]

Ее сердце[2] ликует из-за семени ее брата Осириса. Она говорит: „О! Боги! Я — Исида, сестра Осириса, плачущая об отце богов Осирисе, рассудившем вражду Обеих Земель. Его семя — в моем чреве. Я создала образ бога в яйце,[3] сына главы предвечных богов, и он будет управлять этой землей, он унаследует Гебу, он будет говорить о своем отце, он убьет Сета, врага его отца Осириса!

„Придите же, боги, сотворите защиту ему в моем чреве! Узнайте же в ваших сердцах, что это — ваш господин, этот бог, находящийся в своем яйце, божественный образом, владыка богов, хотя они и велики, прекрасны, с двойными лазуритовыми перьями!".

„Да! — сказал Атум. — Пусть успокоится твое сердце!".

Женщина: „Как же вы знаете, что вы творите это внутри яйца (именно) для владыки и наследника предвечных богов?"..

(Исида): „Я — Исида, более благая, чем все боги, и более прекрасная (чем все боги)! Бог в этом моем чреве — это семя Осириса!".

И Атум сказал: „Зачавшая тайно[4] — это юница, которая зачала и родит согласно воле богов! Это — семя Осириса! Пусть же этот враг,[5] который убил его отца, не придет, чтобы раздавить яйцо!.. Да бережет его Великий чарами.[6] Слушайте, боги, то, что сказала Исида!".

(Исида): „Атум сказал!.. Он приказал ради меня, чтобы мой сын был защищен в моем чреве, он создал защиту ему в этом чреве, ибо он знает, что это — наследник Осириса! Дайте же защиту Соколу, находящемуся в моем чреве!".

Атум сказал: „Владыка богов! Иди, выходи на землю! Я дарую тебе — восхвалят и последуют за тобой спутники твоего отца Осириса! Я сотворю твое имя! Ты достигнешь горизонта и придешь к Стенам Дома тайного именем![6] Выходит сила из моих членов, проникает в мои члены усталость!"[в]

---

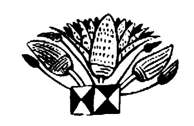
[1] Очевидно, для помощи Исиде при ее родах.
[2] Сердце Исиды.
[3] Т. е. в зародыше.
[4] Исида.
[5] Сет, убийца Осириса.
[6] Бог Тот.

Усталость проникла, и он согнулся. А Блистающий[1] поплыл и совершил свой путь сам и воссел во главе богов среди свиты прекратившего правление.[2]

(Атум): „О Сокол, сын мой Гор! Да воссядешь ты в этой земле твоего отца Осириса в имени этом твоем: «Сокол на Стенах Дома тайного именем»! Молю, да будешь ты среди спутников Ра-Ахути на носу ладьи Извечного[3] на веки веков!“.

(Исида): „Смотрите же на Гора, о боги!“.

(Гор): „Я — Гор, Сокол на Стенах Дома тайного именем! Мой полет достиг горизонта!.. Далеко мое место от Сета, врага моего отца Осириса... Я поднимаюсь в моем полете! Нет бога, творящего то, что я сотворил! Я отражу врага моего отца Осириса и поставлю его под мои сандалии!.. Я — Гор, рожденный Исидой!.. Я — Гор, далеко мое место от людей и от богов! Я — Гор, сын Исиды!“.



ИСИДА И ГОР В БОЛОТАХ ДЕЛЬТЫ[a]

Я — Исида, зачавшая от своего мужа и беременная божественным Гором. Я родила Гора, сына Осириса, в болоте Хеммиса, и я весьма обрадовалась, ибо я увидела мстителя за его отца.

Я скрывала его, я прятала его из-за страха, чтобы его не убили. (Однажды) я пошла в город Бруто... Я вернулась, чтобы обнять Гора, и я нашла его, Гора прекрасного, золотого, младенца невинного, сироту, обливающим землю слезами своего глаза и слюною своих губ. Его тело было неподвижно, его сердце было бессильно, не бились сосуды его тела.

Я испустила крик: „Вот я, вот я!“.

Дитя было голодно, груди же полны (лишь) пустотой, а рот (Гора) хотел нужного ему!..

Велики были мои страхи, что никто не придет на мой голос: мой отец был в преисподней, моя мать — в некрополе, а мой старший брат[4] — в гробу, раненый врагами, убитый тем, чье сердце[5] злобно против меня, кто злоумышляет против меня в своем доме!

К кому же я воззову среди людей, чтобы озаботились мною их сердца? Я воззову к обитателям болот, и они придут ко мне тотчас же!

И рыбаки пришли ко мне из своих домов, они прибежали на мой голос и оплакивали причину моего несчастья. (Но) не было там колдующего: каждый из них много, много плакал, но не было никого, умеющего оживлять!

Тогда пришла ко мне мудрая женщина,[6] владычица своей области.[6]

---

[1] Новорожденный Гор.
[2] Осириса.
[3] Ра.
[4] Осирис.
[5] Имеется в виду Сет.
[6] Богиня болот Дельты.

Она пришла ко мне со знаком жизни... Она сказала: „Не бойся, не бойся, сын Гор! Не унывай, не унывай, мать бога! Ребенок недоступен своему противнику: заросль непроходима, смерть не входит через нее! Чары Атума, отца богов, находящегося в небе, сотворили мой знак жизни, и Сет не входит в эту область, не проходит в Хеммис! Гор недоступен злу своего противника, которого не скроют его спутники! Ищи же (настоящую) причину, по которой это случилось с ним, и оживет Гор для своей матери! Наверное, его ужалил скорпион или укусил его змей, Завистливый сердцем!“.

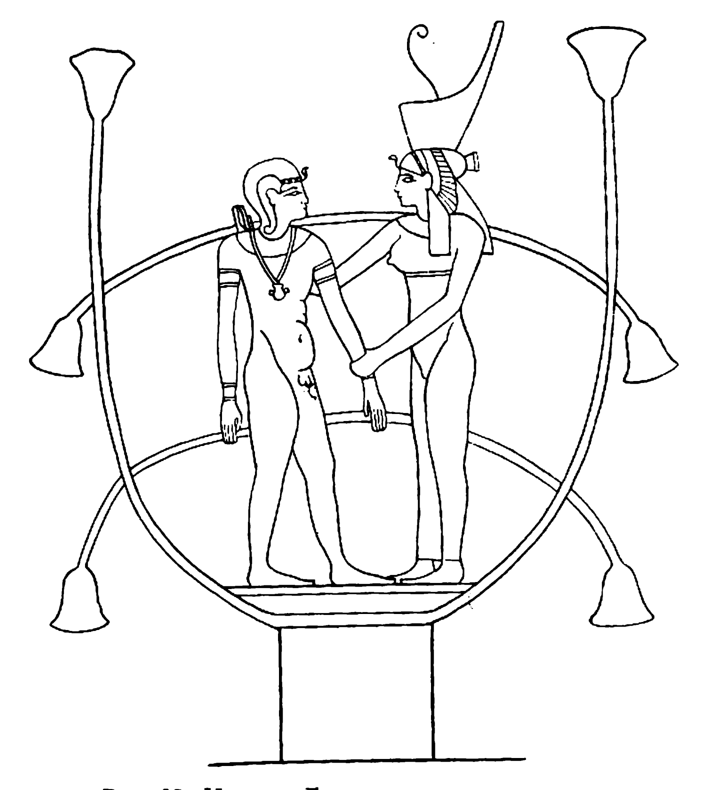


Рис. 38. Исида и Гор в гнезде из папирусов.

Тогда Исида вложила свой нос в его рот, чтобы узнать запах внутри его головы. И она открыла болезнь божественного наследника, она нашла, что он ужален.

Она мгновенно обняла его и заметалась с ним, точно рыбы, брошенные на жаровню:

„Ужален Гор, ужален Гор, о Ра! Ужален твой сын!

Ужален Гор, ужален Гор, наследник наследника, преемник царства Шу!

Ужален Гор, ужален Гор, юноша Дельты, чудесный младенец Дома Князя!

Ужален Гор, ужален Гор, младенец прекрасный, золотой, дитя невинное, сирота!

Ужален Гор, ужален Гор, сын Веннофре,[1] рожденный Исидой!

Ужален Гор, ужален Гор, не имеющий греха, сын юный среди богов!

[1] Осирис.

Ужален Гор, ужален Гор, о ком я ликовала, ибо видела в нем мстителя за его отца!

Ужален Гор, ужален Гор, страдавший в своем тайнике, опасавшийся еще во чреве своей матери!

Ужален Гор, ужален Гор, на кого я спешила взглянуть! Как мне будет дорог тот, кто его оживит!".

Невинный кричит от боли. О как грустны окружающие младенца! Рыдая, приходит Нефтида, и ее вопль разносится по болоту.

Говорит богиня Серкет:[в] „Что это? Что это? Что же с твоим сыном Гором, сестра моя Исида? Воззови же к небу, да остановятся гребцы Ра, да не движется ладья Ра, пока твой сын Гор (лежит) на своем боку!".

И Исида обратила свой голос к небу и свои вопли — к ладье бесконечности.[г] И солнце остановилось около нее и не двигалось со своего места.

И бог Тот пришел со своими чарами, с великими указаниями оправдания: „Что это, что это, Исида, благая богиня с мудрыми устами? Нет вреда для твоего сына Гора! Защита его — ладья Ра! Я пришел сегодня из божественной ладьи: солнце пребудет на своем вчерашнем месте, мрак удержится, света не будет, пока не исцелится Гор для своей матери Исиды!".

Сказала богиня Исида: „О Тот, хотя и велико твое сердце, но как медленно совершаются твои намерения! Разве не пришел ты, снабженный своими чарами и великими указами оправдания?.. А смотри — Гор в мучении от яда! Это — беда, а еще раз — это смерть! Да погибнут все вместе с Первенцем его матери,[1] ибо я не хочу ничего видеть после него! Ведь мое сердце сначала успокоилось на нем, ибо я ждала мстителя! О Гор, о Гор, останься на земле! С того дня, как я зачала, я желала того, о чем просил дух отца его, младенца, лишенного имущества!".

(Говорит Тот): „Не бойся, не бойся, богиня Исида! О Нефтида, не кричи! Я пришел с неба с дыханием жизни, чтобы исцелить младенца для его матери. О Гор, Гор, да будет твое сердце крепко, да не отчаивается оно из-за жара!

„Защита Гора — находящийся в своем диске,[2] освещающий небо своими очами![д]

„Защита Гора — старший в небе, правящий всем существующим[3]. Пробудись, Гор! Защита твоя крепка! Да обрадуешь ты сердце своей матери Исиды! Голос Гора пробудит сердца, успокоит того, кто печален! Ликуйте вы, находящиеся в небе, (и ты) Гор, защитник своего отца! Удались же яд! Вот, уста Ра заклинают тебя, язык великого бога отвращает тебя! Ладья стоит, она не поведет солнце с его вчерашнего места, пока Гор не будет исцелен для его матери Исиды! Выйди на землю — и поплывет ладья, и небесные гребцы поведут! Но прервутся жертвы, и храмы будут закрыты, пока Гор не будет исцелен для своей матери Исиды! Утвердится горе, волнение продвинет свой рубеж вчерашний, пока Гор не будет исцелен для своей матери Исиды! Будет бродить Дух тьмы, не откроется новое время, не будут видеть находящиеся во мраке, пока Гор не будет исцелен для своей матери Исиды! Будут закрыты истоки Нила, иссохнут растения, отнимется от живущих то, что дает жизнь, пока Гор не будет исцелен для своей матери Исиды! Выйди же на землю, о яд, и возликуют сердца, когда

---

1 Гором.
2 Ра.
3 Ра.

разольется свет солнца! Я — Тот, старший сын Ра, и Атум, отец богов, приказал мне: «Да выздоровеет Гор для своей матери Исиды!». О Гор, Гор, твой дух — твоя защита! Твои спутники сделаны твоими стражами! Яд умер, и отражено его пламя, пронзавшее сына Могучей![1] Идите в свои дома! Жив Гор для своей матери!".

И богиня Исида сказала: „Прикажи о нем жителям Хеммиса, кормильцам, находящимся в Пе и Деп, и прикажи им крепко, крепко, чтобы они сохраняли младенца для его матери, дав им знать мое положение в Хеммисе — сироты, бежавшей из своего города!".

Тот. Он говорит этим богам, он обращается к жителям Хеммиса: „О кормильцы, находящиеся в Пе, рукоплещущие своими ладонями, ударяющие своими руками ради этого великого, вышедшего посреди вас! Стерегите этого младенца, ища дорогу его среди людей и отвращая пути нечестивых от него, да овладеет он престолом Обеих Земель! Ра на небе отомстит за него, его отец наблюдает за ним, чары его матери — его защита, утверждающая его волю и вселяющая страх пред ним среди людей! Но меня ждут, чтобы отослать ладью Месктет, чтобы отправить ладью Менджет. Гор — ваш, предназначенный к жизни! Я сообщу его отцу, что он жив! Я обрадую находящихся в ладье, и гребцы двинутся! Жив Гор для своей матери Исиды! Бессилен яд! И восхвалят сотворившего[2] за его службу, когда он известит посылавшего его: „Да возрадуется твое сердце, Хорахте! Твой сын Гор будет жить!".

СПОР ГОРА С СЕТОМ[а]

ШУ И ТОТ ТРЕБУЮТ ЦАРСКОГО ЗВАНИЯ ДЛЯ ГОРА

(Было) судилище Гора с Сетом, таинственных образами, великих, владык величайших из когда-либо бывших.

Вот, дитя[3] (юное) сидело пред Владыкой вселеннной,[б] требуя сана отца своего Осириса, прекрасного явлениями, сына Птаха,[в] озаряющего (преисподнюю) своим обликом, в то время как Тот подносил око[г] владыке великому, находящемуся в Гелиополе.[д]

Тогда сказал Шу, сын Ра, пред Атумом, владыкой великим, находящимся в Гелиополе: „Всякая правда могуча. Сотвори же ее, — сказав, — отдайте сан Гору".

Тогда сказал Тот Девятке богов: „Правильно, миллион раз правильно".

И Исида испустила великий крик, и она возрадовалась (весьма. И она пришла и встала) пред Владыкой вселенной. И она сказала: „Северный ветер, лети на запад и обрадуй сердце Веннофре[е] да будет он жив, здоров и благополучен!".

---

[1] Исиды.
[2] Бога Тота.
[3] Гор.

Тогда сказал Шу, сын Ра: „Подношение ока есть справедливость Девятки“.

Тогда Владыка вселенной сказал: „Что это значит, что вы решаете одни?“. И Девятка сказала: „Взял (уже) он картуш Гора, и возложил Белую корону[ж] на свою голову“.

И Владыка вселенной молчал долгое время, ибо он гневался на Девятку.

И тогда Сет, сын Нут, сказал: „Пусть будет он выброшен вон, предо мною, да увидишь ты мою руку, одолевающую его руку пред Девяткой, ибо не знают, как избавиться от него, как изгнать его“.

И Тот[з] сказал ему: „Мы не сможем так узнать виновного. Неужели будет отдан сан Осириса Сету, в то время как сын его Гор налицо?“.

И Ра-Хорахте весьма разгневался, ибо желание Ра было — отдать сан Сету, великому силой, сыну Нут.

И Онурис[и] испустил великий крик пред Девяткой, говоря: „Что же нам делать?“

(СОВЕТ БАНЕБДЕДЕТА)

И тогда Атум, великий владыка, находящийся в Гелиополе, сказал: „Да вопросят Банебдедета,[к] бога великого, живого, да рассудит он обоих юношей!“.

И вот привели Банебдедета, бога великого, живущего в Сетит,[л] пред Атумом вместе с Птах-Таненом. И сказал он им: „Рассудите обоих юношей и запретите вы им так стоять и спорить каждый день“.

И ответил Банебдедет, бог великий, живой, на то, что он сказал: „Да не будем мы действовать в нашем неведении, но да отправят послание к Нейт,[м] великой, матери бога. И что она скажет, то да сотворим мы“.

И тогда Девятка сказала Банебдедету, богу великому, живому: „Был ведь совершен суд над ними в первоначальные времена в зале «Един Истинный»“.

И тогда Девятка сказала Тоту пред Владыкой вселенной: „Составь послание к Нейт, великой, матери бога, от имени Владыки вселенной, Тельца, живущего в Гелиополе“.

И тогда Тот сказал: „Исполню я, воистину, исполню я“.

(СОВЕТ НЕЙТ)

И тогда он сел, чтобы составить послание[н] и сказал: „Царь Верхнего и Нижнего Египта, Ра-Атум, возлюбленный Тотом, владыка Обеих Земель в Гелиополе, солнце, озаряющее Обе Земли своим обликом, Нил великий овладеванием Ра-Хорахте, в то время как Нейт, великая, мать бога, озарившая первый лик, живет, здравствует и процветает, душа живущая, Владыка вселенной, Телец гелиопольский в качестве царя прекрасного Египта (говорит он): „Слуга твой[1] проводит ночь, думая об Осирисе, совещаясь с Обеими Землями каждый день, в то время как Себек благоденствует вечно. Что сотворить нам этим двум мужам, которые восемьдесят лет находятся в суде, и никто не знает, как рассудить их обоих? Да известишь нас, что нам делать!“.

И тогда Нейт, великая, мать бога, отправила послание к Девятке, говоря: „Отдайте сан Осириса его сыну Гору и не совершайте этих великих неправедностей, которые неуместны, иначе я разгневаюсь и

[1] Из почтения к Нейт, Ра называет себя ее слугой.

небо упадет на землю. И да скажут Владыке вселенной, Тельцу посреди Гелиополя: «Да удвоишь ты Сета во владениях его, да дашь ты ему Анат и Астарту,[о] обеих твоих дочерей, и да поставишь ты Гора на место его отца, Осириса»“.

И послание Нейт, великой, матери бога, достигло до Девятки, когда они сидели в зале „Гор, выдающийся рогами“, и было дано послание в руку Тота. И тогда Тот прочел его перед Владыкой вселенной и всей Девяткой. И они сказали едиными устами: „Права эта богиня“.

(ОСКОРБЛЕНИЕ РА)

И тогда Владыка вселенной разгневался на Гора и сказал ему: „Слаб ты своими членами, и этот сан слишком высок для тебя, о юнец, запах рта которого гадок!“.

И Онурис разгневался миллион раз, также и вся Девятка, вся Тридцатка[п] богов, да живет она, да будет здорова и благополучна!.

И Бабаи[р] поднялся и сказал Ра-Хорахте: „Пуст твой ковчег!“.

И Ра-Хорахте огорчился этим порицанием, которое было сказано ему, и лег на свою спину, и было его сердце в великой печали.

И Девятка вышла, и испустила великий крик пред лицом Бабаи, и они сказали ему: „Удались прочь, ибо преступление это, содеянное тобой, весьма велико“.[с]

И они ушли в свои шатры. И великий бог провел день, лежа на своей спине, в своей беседке, и было его сердце в великой печали.

И после долгого времени Хатор,[т] Владычица южной сикоморы, пришла и встала пред своим отцом, Владыкой вселенной. И она открыла свою наготу пред его лицом.

И великий бог рассмеялся над ней.

И тогда он встал и воссел с великой Девяткой, и сказал Гору и Сету: „Говорите о себе“.

(СЕТ ТРЕБУЕТ СЕБЕ САН ОСИРИСА)

И тогда Сет, великой силой, сын Нут, сказал: „Что до меня, то я, Сет, величайший силой среди Девятки, поражаю я врагов Ра ежедневно, находясь впереди Ладьи миллионов[у] и не может ни один бог сделать это. И я возьму сан Осириса“.

И тогда сказали они: „Прав Сет, сын Нут“.

И тогда Онурис и Тот испустили великий крик, говоря: „Неужели будет отдан сан брату по матери, в то время как сын по плоти налицо?“.

Сказал Банебдедет, бог великий: „А неужели же будет отдан сан юнцу, в то время как Сет, его старший брат, налицо?“.

И тогда Девятка испустила великий крик пред лицом Владыки вселенной, говоря: „Что это за слова, которые ты сказал и которые не достойны быть услышанными?“.

И сказал Гор, сын Исиды: „Нехорошо, воистину, чтобы я был обманут пред Девяткой и чтобы сан моего отца Осириса был отнят от меня“.

И Исида разгневалась на Девятку и она поклялась богу пред Девяткой, говоря: „Как живет моя мать, богиня Нейт, и как живет Птах-Танен, высокий перьями, сгибающий рога богов, так и доведены будут эти слова пред Атумом, владыкой великим, находящимся в Гелиополе, а также пред Хепра, пребывающим в своей ладье“.

И сказала ей Девятка: „Не огорчайся, ибо будут даны права правому и будет сделано все, что ты сказала“.

И Сет, сын Нут, разгневался на Девятку, когда они говорили эти слова Исиде, великой матери бога. И Сет сказал им: „Я схвачу свой скипетр в 4500 дебенов* и буду убивать по одному из вас каждый день“.

(ХИТРОСТЬ ИСИДЫ)

И Сет поклялся Владыке вселенной, говоря: „Не буду я состязаться в суде, пока Исида находится в нем“.

И Ра-Хорахте сказал им: „Переплывите вы на остров Внутренний, и судите их, и скажите перевозчику Анти: „Не перевози никакой женщины, похожей на Исиду“.

И тогда Девятка переправилась на остров Внутренний, и они сели и ели хлебы.

И тогда Исида пошла и приблизилась к перевозчику Анти, в то время как он сидел близ своей ладьи. И она приняла образ старухи, и шла она, согнувшись, и было маленькое золотое кольцо на ее руке.

Она сказала ему: „Я пришла к тебе, чтобы ты перевез меня к острову Внутреннему, ибо я пришла с этим сосудом муки для юнца малого. Он смотрит за немногочисленным скотом[x] на острове Внутреннем уже пять дней, и он голоден“.

Он сказал ей: „Сказано мне: «Не перевози никакой женщины»“.

Она сказала ему: „Сказано ли тебе это было относительно Исиды то, что ты сказал?“.

Он сказал ей: „Что ты дашь мне, если я перевезу тебя на остров Внутренний?“.

И сказала ему Исида: „Я дам тебе этот хлеб“. И тогда он ей сказал: „Что это для меня твой хлеб? Стану ли я перевозить тебя на остров Внутренний ради хлеба, если было сказано мне: «не перевози никакой женщины»?“.

И тогда она сказала ему: „Я дам тебе это золотое кольцо, которое на моей руке“.

Он сказал ей: „Дай золотое кольцо“. И она дала его ему. И тогда он перевез ее на остров Внутренний.

И когда она шла под акациями, то она взглянула и увидела Девятку, как они сидели и ели хлебы пред Владыкой вселенной в его беседке.

И Сет взглянул и увидел ее, как она шла вдали.

И тогда она произнесла заклятие в своем колдовстве и приняла она образ девушки, прекрасной своими членами, и не было подобной ей во всей земле.

И он полюбил ее очень сильно.

И тогда поднялся Сет, а он сидел и ел хлебы с Девяткой великой, и пошел, чтобы встретиться с ней, и никто не видел ее, кроме него.

И тогда он встал за деревом, и позвал ее, и сказал ей: „Я здесь с тобою, девушка прекрасная“.

Она сказала ему: „О нет, мой великий господин! Что касается меня, то я была женой пастуха стад, и я родила сына. Муж мой умер, и юноша взял скот своего отца. Тогда пришел чужеземец, сел в мой шалаш и так сказал он моему сыну: «Я побью тебя, и я отниму скот твоего отца от тебя, и я выгоню тебя вон». Так он сказал ему. Но я хочу, чтобы ты выступил за него борцом“.

И Сет сказал ей: „Неужели будет отдан скот чужеземцу, в то время как сын хозяина налицо?“. И Исида приняла образ коршуна, вспорхнула,

села на верхушку акации, позвала Сета и сказала ему: „Плачь о себе! Ибо вот твои собственные уста сказали это, и твой собственный разум осудил тебя. Что же тебе теперь еще?".

И стоял он, рыдая. Он пошел к месту, где находился Ра-Хорахте, и плакал.

И тогда Ра-Хорахте сказал ему: „Что с тобой теперь?".

И тогда Сет сказал ему: „Эта злая женщина встретилась со мной снова, чтобы снова обмануть меня, приняв образ девушки прекрасной пред моим лицом. Она сказала мне: «Что до меня, то я была женой пастуха стад, и он умер, и я родила ему сына, и он взял немногочисленный скот своего отца; и чужеземец пришел в шалаш мой и моего сына, и я дала ему хлеба. И спустя много дней после этого пришелец сказал моему сыну: „Я побью тебя, и я отниму скот твоего отца, и он будет моим". Это сказал он моему сыну», — так сказала она мне.

И тогда Ра-Хорахте сказал ему: „Что же ты сказал ей?". И Сет сказал ему: „Я сказал ей: «Неужели будет скот отдан чужеземцу, в то время как сын хозяина налицо?». Так я сказал ей. «Да побьют лицо чужеземца палкой, да изгонят его и да поставят твоего сына на место его отца», — так я сказал ей".

И Ра-Хорахте сказал ему: „Вот смотри, ты осудил себя самого, — что же тебе теперь (делать)?".

И Сет сказал ему: „Пусть будет приведен перевозчик Анти и пусть подвергнут его тяжелому наказанию, говоря: «Зачем ты дал ей переправиться?». Так пусть будет сказано ему".

И тогда был приведен перевозчик Анти пред Девяткой, и отняли они подошвы его ног.[1]

И Анти проклял золото до сего дня, пред Девяткой великой, говоря: „Сделано золото мне мерзостью для моего города"."

(СОСТЯЗАНИЕ В ОБРАЗЕ ГИППОПОТАМОВ)

И тогда Девятка перешла к западному берегу, и они сели на горах.

Когда же пришла вечерняя пора, то Ра-Хорахте и Атум, владыка Обеих Земель в Гелиополе, послали к Девятке, говоря: „Что это вы делаете, сидя здесь? Что же до этих юношей, вы, пожалуй, заставите их окончить свои дни в суде? Как только придет к вам мое послание, возложите Белую корону на голову Гора, сына Исиды, и возведите его на место его отца Осириса".

И Сет разгневался очень сильно.

И Девятка сказала Сету: „Зачем ты гневаешься? Разве не должно поступать согласно тому, что сказал Атум, владыка Обеих Земель в Гелиополе, и Ра-Хорахте?".

И тогда они укрепили Белую корону на голове Гора, сына Исиды.

И Сет испустил великий крик пред лицом Девятки, и он огорчился и сказал: „Неужели будет отдан сан моему младшему брату, в то время как налицо я, его старший брат?".

И тогда он поклялся, говоря: „Да снимут Белую корону с головы Гора, сына Исиды, и бросят его в воду, чтобы я смог состязаться с ним из-за сана владыки!".

И тогда Ра-Хорахте сделал так.

---

[1] Т. е. избили его по подошвам.

И Сет сказал Гору: „Пойдем, обернемся двумя гиппопотамами и бросимся в воды посреди великой зелени,[1] и кто вынырнет в течение трех месяцев, тому не будет дан сан“.[ч]

И тогда они бросились эти двое.

И Исида сидела, плача и говоря: „Убил Сет Гора, моего сына“. И тогда она принесла пряжу. И она сделала веревку и принесла дебен меди, расплавила его в водяное оружие, привязала к нему веревку и кинула его в воду в том месте, где бросились Гор и Сет. И гарпун вонзился в величество ее сына Гора. И Гор испустил великий крик, говоря: „Приди ко мне, мать моя Исида, о мать моя! Призови свой гарпун, да отпустит он меня, ибо я Гор, сын Исиды“. И Исида испустила великий крик и сказала гарпуну: „Отцепись от него, смотри — это сын мой Гор, это дитя мое“.

И ее гарпун отцепился от него.

И тогда она вторично бросила его в воду, и он вонзился в величество Сета.

И Сет испустил великий крик, говоря: „Что сделал я против тебя, сестра моя Исида? Позови твой гарпун, да отпустит он меня, ибо я брат твой по матери, Исида!“.

И тогда весьма опечалилось ее сердце о нем.

И Сет воззвал к ней говоря: „Неужели же ты любила чужеземца больше, чем брата по матери Сета?“.

И Исида позвала свой гарпун, говоря: „Отцепись от него, смотри — тот, кого ты пронзил — это брат Исиды по матери“.

И тогда гарпун отцепился от него.

И тогда Гор, сын Исиды, разгневался на свою мать Исиду и вышел, и его лицо было свирепо, как у леопарда, и его топор шестнадцати дебенов в его руке, и он отрубил голову своей матери Исиды, и положил ее в свои объятия, и поднялся на гору.

И тогда Исида приняла образ статуи из кремня, которая не имела головы.[ш]

Ра-Хорахте сказал Тоту: „Кто эта пришедшая, у которой нет головы?“.

И Тот сказал Ра-Хорахте: „Господин мой прекрасный, это Исида, великая, мать бога, и отрубил Гор, сын ее, голову ее“.

И Ра-Хорахте испустил великий крик и сказал он Девятке: „Пойдемте и совершим над ним суровое наказание“.

(СЕТ ОСЛЕПЛЯЕТ ГОРА И ХАТОР ИСЦЕЛЯЕТ ЕГО)

И тогда Девятка взошла на горы, чтобы искать Гора, сына Исиды. Что же до Гора, то он спал под деревом Шенуша в земле Оазиса.

И тогда Сет нашел его и схватил и бросил его на его спину на горе. И он вырвал его глаза с их мест и закопал их на горе, чтобы озарять землю. И яблоки его глаз превратились в пузыри, и они расцвели лотосами.

И тогда Сет пришел и сказал Ра-Хорахте лживо: „Я не нашел Гора“, хотя он его нашел.

И тогда Хатор, Владычица южной сикоморы, пошла, и она нашла Гора; он лежал, плача, в пустыне. И тогда она схватила газель, подоила ее и сказала Гору: „Открой свой глаз, и я волью туда это молоко“.

И тогда он открыл свой глаз, и она влила туда молоко. Влила она в правый и влила она в левый и сказала ему: „Открой твой глаз“.

[1] Море.

Он открыл свой глаз, и она посмотрела на него и нашла, что он выздоровел.

И тогда она пошла, чтобы сказать Ра-Хорахте: „Я нашла Гора, Сет лишил его его глаз, и я восстановила его, и смотри — он пришел“.

И тогда Девятка сказала: „Призовите Гора с Сетом, чтобы рассудить их“.

И тогда они были приведены пред Девяткой, и сказал Владыка вселенной перед Девяткой великой Гору с Сетом: „Идите и послушайтесь того, что я сказал вам: ешьте и пейте и дайте нам покой, и перестаньте ссориться так каждый день“.

(ДЕЛО ПОБЕДЫ)

И тогда Сет сказал Гору: „Приходи, проведем прекрасный день в моем доме“.

И тогда Гор сказал ему: „Исполню я, вот исполню“.

И после того, как пришла пора вечерняя, постлали для них, и легли они оба.

(Следует описание неудавшейся попытки Сета оплодотворить Гора. По жалобе Гора Исида, в целях его очищения, отрубает ему руку и бросает ее в воду, вызвав к жизни новую руку. Исида принимает меры, чтобы в качестве возмездия оплодотворить Сета тайно от него семенем Гора).

И тогда Исида пошла с семенем Гора утром в сад Сета и сказала садовнику Сета: „Какую траву ест у тебя здесь Сет?“.

И сказал ей садовник: „Не ест Сет никакой травы здесь у меня, кроме латука“.

И Исида положила семя Гора на него.

И Сет пришел по своему ежедневному обычаю и поел он латука, который он ел постоянно. И он встал беременным от семени Гора.

И Сет пошел сказать Гору: „Пойдем, я стану состязаться с тобой перед судом“.

И тогда Гор сказал ему: „Иду я, вот я иду“.

И тогда пошли они оба в суд и стали пред Девяткой великой, и было сказано им: „Говорите о себе“.

И тогда Сет сказал: „Пусть будет дан мне сан владыки, что же до Гора предстоящего, то совершил я дело победы над ним“.

И тогда Девятка испустила великий крик.

И тогда они блевали и плевали пред лицом Гора.

И тогда Гор рассмеялся над ними.

И тогда Гор поклялся пред богом, говоря: „Ложь — все, что сказал Сет! Пусть позовут семя Сета и посмотрим, откуда оно ответит, и пусть позовут мое собственное, и посмотрим, откуда оно ответит“.

И тогда Тот, владыка божественных слов, истинный писец Девятки, положил свою руку на руку Гора и сказал: „Выйди вперед, семя Сета!“. И оно ответило ему из воды внутри болота.

И тогда Тот положил свою руку на руку Сета и сказал: „Выйди вперед, семя Гора!“.

И тогда оно сказало ему: „Откуда мне выйти?“.

И тогда Тот сказал ему: „Выйди из его уха!“.

И оно сказало ему: „Неужели я выйду из уха его, я — божественное истечение?“.

И тогда Тот сказал ему: „Выйди через лоб его!“.

И оно вышло в виде золотого солнца на голове Сета.

И тогда Сет весьма разгневался, и он протянул свою руку, чтобы схватить золотое солнце. И тогда Тот отнял его от него и поставил как украшение на свою голову.

И тогда Девятка сказала: „Прав Гор и неправ Сет!“.

И Сет весьма разгневался, и испустил он великий крик, когда сказали они: „Прав Гор и неправ Сет!“.

(СОСТЯЗАНИЕ С КАМЕННЫМИ ЛАДЬЯМИ)

И (произнес) Сет великую клятву бога, говоря: „Не дадут ему сана, пока не будет он выведен предо мною! И мы построим себе каменные ладьи, и мы будем состязаться оба. И кто одолеет противника, тому отдадут сан владыки да живет он, да будет здоров и благополучен!“.

И тогда Гор построил себе ладью из кедра, обмазал ее гипсом и опустил ее на воду вечерней порой, и никакой человек во всей стране не видел этого.

И Сет увидел ладью Гора и подумал, что это камень. И он пошел на гору, отколол вершину горы и вырубил себе ладью из камня в сто тридцать восемь локтей.

И тогда они спустились в свои ладьи пред Девяткой.

И тогда ладья Сета утонула в воде.

И тогда Сет превратился в гиппопотама и утопил ладью Гора.

И тогда Гор схватил свой гарпун и бросил его в величество Сета.

И тогда Девятка сказала ему: „Не бросай его в него!“.

И тогда он принес водяное орудие, положил его на свою ладью и поплыл к северу в Саис, чтобы сказать Нейт, великой, матери бога: „Да рассудят меня с Сетом, ибо уже восемьдесят лет мы перед судом и никто не знает, как рассудить нас. И не бывал он признан правым против меня, но тысячу раз до этого я был признан правым против него ежедневно. Но он не считается с тем, что говорит Девятка. Я состязался с ним в зале „Дорога истин“ и был признан правым против него. Я состязался с ним в зале „Гор выдающийся рогами“ и был признан правым против него. Я состязался с ним в зале „Поле тростников“ и был признан правым против него. Я состязался с ним в зале „Пруд полевой“ и был признан правым против него“.

И Девятка сказала Шу, сыну Ра: „Прав во всем, что сказал он, Гор, сын Исиды!“.

(ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ОСИРИСУ)

Произнес Тот речь Владыке вселенной: „Отправь послание к Осирису, да рассудит он обоих юношей“.

Тогда сказал Шу, сын Ра: „Правильно миллион раз то, что сказал Тот!“.

И тогда Владыка вселенной сказал Тоту: „Сядь и составь послание к Осирису, да услышим мы то, что он скажет“.

И тогда Тот сел составлять послание,[щ] говоря: „Телец: Лев, охотящийся для себя; Владыка обеих диадем: Защитник богов, огибает он Обе Земли; Золотой Гор: Создатель людей во времена предвечные; царь Верхнего и Нижнего Египта: Телец гелиопольский, да живет он, да будет здоров и благополучен!; сын Птаха: Плодородный землями, воссиявший как отец своей Девятки, питается он золотом и всякими кам-

ками ценными, да живет он, да будет здоров и благополучен!, — да известишь ты нас, что нам сделать Гору с Сетом, да не сотворим мы чего-либо в нашем неведении".

(ПЕРВЫЙ ОТВЕТ ОСИРИСА)

И вот после этого послание достигло царя,[1] сына Ра, Великого обилием, Владыки пищи.[в] И он испустил великий крик, когда прочли послание пред ним. И он ответил мгновенно туда, где был Владыка вселенной вместе с Девяткой, говоря: „Почему обманут сын мой, Гор? Ведь это я делаю вас сильными, ведь это я сотворил ячмень и полбу, чтобы питать богов, равно как и скот после богов, и ни один бог, и ни одна богиня не нашла в себе силы сделать это".

(ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ОСИРИСУ)

И послание Осириса достигло того места, где находился Ра-Хорахте, пока он сидел с Девяткой в светлый час в Хасуу.[ы] И было оно прочитано пред ним с Девяткой.

Ра-Хорахте сказал: „Ответь за меня на это письмо Осирису мгновенно и скажи ему на это письмо: «Если бы тебя и не бывало и если бы ты и не рождался, ячмень и полба все равно были бы!»".

(ВТОРОЙ ОТВЕТ ОСИРИСА)

И тогда послание Владыки вселенной достигло Осириса и было прочитано пред ним.

И тогда он послал к Ра-Хорахте снова, говоря: „О совершенно прекрасно все, что ты сделал, ты — воистину создавший Девятку в то время как Истина погружена внутрь преисподней! Но взгляни на дело сам! Что до этой страны,[2] где я нахожусь, то она полна свирепоm ликими гонцами, и они не боятся никакого бога и никакой богини. И я заставлю их выйти, и они принесут мне сердце каждого, творящего злые дела, и они пробудут здесь со мною. Вообще, что это, что я упокоен здесь на Западе, в то время как вы все наверху? А кто у них сильнее меня? Вот измыслили они ложь воистину! А разве когда Птах великий, «К югу от стены его, владыка Анх-Тауи»,[ю] сотворил небо, разве не сказал он звездам, которые в нем: «Будете вы упокоиваться каждую ночь на западе, в том месте, где царь Осирис. А после богов и знатные и народ упокоются в месте, где находишься ты», — разве не так сказал он мне?".

И вот после этого послание Осириса достигло того места, где был Владыка вселенной с Девяткой.

И тогда Тот взял послание и прочел его пред Ра-Хорахте с Девяткой.

И тогда он сказали: „Прав, прав во всем, что он сказал, Великий обилием, Владыка пищи (да живет он, да будет здоров и благополучен!)".

(ПОБЕДА ГОРА)

И тогда Сет сказал: „Пусть отведут нас на остров Внутренний и я буду состязаться с ним". И тогда он пошел на остров Внутренний, и был признан правым Гор пред ним.

---

[1] Осириса.

[2] Т. е. преисподней.

И тогда Атум, владыка Обеих Земель в Гелиополе, послал к Исиде, говоря: „Приведи Сета, ибо он связан узами“.

И тогда Исида привела Сета, и был он связан узами, и был он как пленник.

И тогда Атум сказал ему: „Почему ты препятствовал решению суда над тобою и почему отнял для себя сан Гора?“.

И тогда Сет сказал ему: „Нет, мой добрый господин, пусть позовут Гора, сына Исиды, и пусть отдадут ему сан его отца Осириса“.

И тогда привели Гора, сына Исиды, и возложили Белую корону на его голову, и возвели его в сан отца Осириса. И сказали ему: „Ты — прекрасный царь Египта и ты прекрасный владыка каждой земли во веки веков“.

И Исида испустила великий крик своему сыну Гору, говоря: „Ты — царь прекрасный, и мое сердце ликует оттого, что ты озаряешь землю своим обликом“.

И тогда Птах великий, „К югу от стены его, владыка Анх-Тауи“, сказал: „Что же будет сделано Сету, ибо вот возведен Гор на место своего отца Осириса?“

И Ра-Хорахте сказал: „Пусть будет дан мне Сет, сын Нут, да сядет он со мною, да будет он мне сыном, да грохочет он в небе и да боятся его!“. И тогда пошли сказать Ра-Хорахте: „Гор, сын Исиды, воссел в качестве владыки, да живет он, да будет здоров и благополучен!“.

И Ра весьма обрадовался и сказал Девятке: „Ликуйте! Ниц, ниц пред Гором, сыном Исиды!“.

И тогда Исида сказала: „Гор вышел как владыка, да живет он, да будет здоров и благополучен!, Девятка празднует и небо радуется!“.

Взяли они венки, когда увидели они Гора, сына Исиды, восшедшим в качестве великого владыки Египта.

Довольны сердца Девятки, и вся земля в ликовании, когда они увидели Гора, сына Исиды, с присужденным саном его отца Осириса, владыки Бусириса.

Закончено благополучно* в Фивах, Месте истины.

ВОСКРЕСЕНИЕ ОСИРИСА*

Приходят (боги) к Осирису
На голос плача Исиды,
На стенанье Нефтиды...
Говорят они тебе, Осирис:
„Хотя ты уходил, да придешь ты!
Хотя ты спал, да проснешься ты!
Хотя ты умер, да оживешь ты!
Встань! Посмотри, что сделал тебе твой сын!

Проснись! Услышь, что сделал тебе Гор!
Он поразил для тебя поразившего тебя...
Он убил для тебя убившего тебя...
Он связал для тебя связавшего тебя...
Исида тебя обмывает,
Нефтида тебя очищает,
Обе сестры твои, большие, великие, соединяют твою плоть,
Собирают твои члены,
Дают появиться твоим глазам на твоем челе...
Да пробудится бог! Да встанет бог!..[б]
О Осирис, вставай! Идет Гор,
Он отнимает тебя от богов,
Ибо Гор любит тебя!..
Боги укрепили тебе твой лик,
Ибо боги любят тебя!..
Гор не удаляется от тебя...
Да будешь ты рад ему!..
Осирись, пробудись! Геб привел к тебе Гора...
Гор нашел тебя, обрадовался тебе,
Гор заставил богов подняться к тебе,
Он дал их тебе, и они просветлили твой лик...
Гор поднял тебя...
О Осирис, обрати свое сердце к нему,
Твое сердце велико!
Открыты твои уста,
Гор защитил тебя...
О Осирис, ты — бог могучий,
И нет бога, подобного тебе!
Гор дал тебе своих детей,
И они подняли тебя.
Он дал тебе всех богов,
Чтобы они следовали за тобою
И чтобы ты был могуч среди них!
Да живешь ты!
Да будешь ты почитаем!
Да будешь ты крепок!
Да будешь ты одухотворен!
Да будешь ты могуч во веки![в]
О Осирис, Гор пришел и обнял тебя.
Он сделал, что Тот отогнал от тебя подвластных Сету.
Он привел их к тебе связанными.
Он отвратил сердце Сета, и ты — сильнее его!
Ты родился до него,[1]
Ты был создан до него.
Геб увидел твой образ
И поставил тебя на твое место.
Геб привел к тебе двух твоих сестер,
Рядом с тобою, Исиду с Нефтидой.
Гор сделал, что боги соединились с тобой...

---

[1] До Сета.

Он сделал, что боги защищают тебя.
Гор поставил твою сандалию на голову твоего
врага...
Твой сын Гор поразил его,
Он отнял от него его глаз
И дал его тебе,
В нем — твоя душа,
В нем — твоя сила пред духами!
Гор сделал, что ты одолел твоих врагов...
Нут сделала тебя богом для Сета...

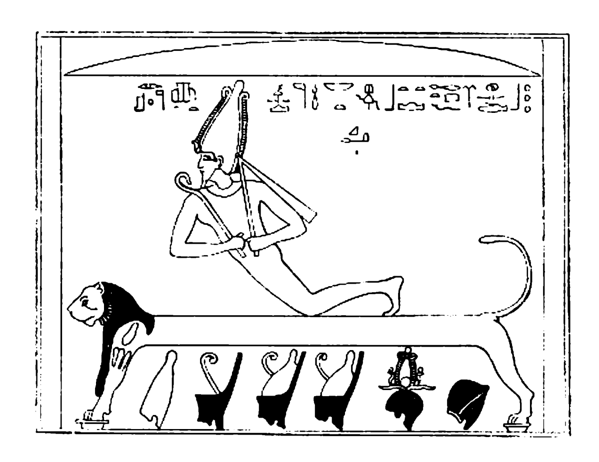


Рис. 39. Воскресение Осириса.

Гор схватил Сета и поставил его под тебя,
Он несет тебя, он дрожит под тобой, как
землетрясение...
О Осирис, Гор защитил тебя![г]
Гор приходит к тебе,
Он освобождает твои пелены,
И сбрасывает твои узы.[д]
Твоя сила в нем,
О Осирис, Геб привел к тебе Гора,
Да защитит он тебя!..
Гор дал тебе свое око...
Гор соединил тебе твои члены,
Он собрал тебя, и нет недостающего у тебя.
Тот схватил для тебя твоего врага,
Обезглавленного вместе с подвластными его,
И никто не пощажен![е]
Встань! Ты дал свою руку Гору,
Сделал он, что ты стоишь!..[ж]
„Осирис, я пришел... Я — Гор,
Я пришел, говорю с тобою, я — сын твой!
Осирис, ты — старший сын Геба,
Первенец его, его наследник!..
Дано тебе наследие Девяткой богов,
Ты — сильнейший среди Девятки!..[з]
Удали песок с своего лица,

Поднимись на своем левом боку,
Обопрись на своем правом боку,
Подними свое лицо,
Посмотри на то, что я сотворил для тебя!
Я — твой сын,
Я — твой наследник,
Я возделал тебе полбу,
Я вспахал тебе ячмень!..“[и]
Пробуждается Осирис,
Просыпается бог усталый!
Встает бог,
Овладевает бог своим телом![к]
Восходит Осирис!
Чист скипетр!
Высок Владыка истины!..
Удовлетворен Атум, отец богов,
Удовлетворен Шу с Тефнут,
Удовлетворен Геб с Нут...
Удовлетворены все боги, находящиеся в небе,
Удовлетворены все боги, находящиеся в земле,
находящиеся в землях,
Удовлетворены все боги южные и северные,
Удовлетворены все боги западные и восточные,
Удовлетворены все боги номов,
Удовлетворены все боги городов...
„Иди к нам!“, — говорят они,
Говорят боги тебе, Осирис:
„Идет наш старший брат,
Первенец своего отца,
Старший сын своей матери“, —
Говорят они, говорят боги.[л]

ГИМН ОСИРИСУ[а]

Слава тебе, Осирис,
Владыка вечности, царь богов!
Многоименный,
Дивный образами.
Тайный обрядами в храмах,
Это — дивный духом, первый в Бусирисе,
Великий пищей в Летополе,
Владыка похвал в номе Бусириса,
Обладатель яств в Гелиополе,
Владыка поминаний в Месте двух истин.
Душа тайная, владыка Керерт,
Дивный в Мемфисе,
Душа Ра и тело его собственное,

Упокоившийся в Ненинисут,
Ликуют в честь него в дереве Нарет,
Ставший, да возвысит он душу свою.
Владыка великого зала в Шмуну,
Великий ужасом в Шасхотеп,
Владыка вечности, первый в Абидосе,
Восседающий на троне своем в Та-джесер.
Чье имя пребывает в устах людей,
Издревле сущий для всего Египта.
Пища и яства пред Девяткой богов,
Дух блаженный среди духов.
Излил ему Нун воды свои,
Дует к югу для него ветер северный,
Рождает небо ветер для носа его,
Для успокоения сердца его.
Растут растения по воле его,
И родит ему поле пищу.
Покорно ему небо и звезды его,
И открыты ему врата великие.
Владыка восхвалений в небе южном
И прославлений в небе северном.
Незаходящие звезды пред лицом его,
И жилище его — неподвижные.
Жертвуют ему по воле Геба,
Девятка богов восхваляет его,
В преисподней сущие целуют землю,
И жители некрополя склоняются.
Предки ликуют, когда видят его,
И находящиеся там — в страхе перед ним.
Обе Земли вместе восхваляют его
При приближении его величества.
Знатный, дивный, первый среди знатных,
С вечным саном и укрепленной властью.
Могучий, прекрасный для Девятки богов,
Сладостноликий, любят смотреть на него,
Исполнивший страхом своим все земли,
Да называют они имя его
Пред всем, что приносят они ему.
Владыка поминаний на небе и земле,
Многохвалимый на празднике Уаг,
Творит ему хвалы весь Египет.
Всестарейший из братьев его,
Древнейший из Девятки богов.
Укрепляющий истину на берегах обоих,
Утверждающий сына на месте отца.
Хвалимый отцом своим Гебом.
Любимый матерью своею Нут.
Великий силой, повергнет он врага своего,
Могучий дланью, поражает он противника своего.
Наводящий ужас на недруга своего,
Сметающий границы замышляющего зло,
Твердый сердцем, попирает он врагов.
Наследник Геба на царстве Египта.
Увидел он (Геб) благости его (Осириса),

Велел ему вести к блаженству страны,
И взял он землю эту в руку свою,
Воды ее и воздух ее,
Растения ее и скот ее весь,
Летающее все и порхающее все,
Пресмыкающихся и мелкий скот,
Все дано было сыну Нут,
И Египет радовался этому.
Воссиявший на троне отца своего
Подобно Ра при восходе его на горизонте.
Дает он свет лику омраченному,
Засветил он солнце двумя перьями своими,
Разлился он по Египту
Подобно солнцу утром.
Корона его пронзила небо
И породнилась со звездами.
О, вожатый бога каждого,
Благодатный повелениями,
Хвалимый Девяткой великой,
Любимый Девяткой малой,
Защитила его сестра его,
Удалившая противников,
Отразившая дела злодея
Благодатью уст своих.
Праведная речью, не лживая словами,
Благодатная повелениями.
Исида благая, защитница брата своего.
Искавшая его без устали.
Обошедшая землю эту в печали,
Не остановилась она, не найдя его,
Сделавшая тень перьями своими,
Сотворившая ветер крыльями своими.
Ликуя, извлекла она брата своего на землю.
Поднявшая усталость утомленного,
Приявшая семя его.
Сотворившая наследника,
Вскормившая сына в одиночестве,
И не знали места, где он был.
Приведшая его, когда рука его окрепла,
Во внутрь залы Геба.
Девятка богов возрадовалась:
„Вот идет Гор, сын Осириса,
Твердый сердцем, правогласный,
Сын Исиды, наследник Осириса".
Собрался для него суд истины,
Девятка богов и вседержатель сам.
Владыки истины, соединившиеся там,
Отражающие неправду,
Сели в зале Геба, чтоб вернуть сан владыке его,
Царство тому, кому следует отдать его.
Найден был Гор правогласным,
И отдан ему сан отца его.
Вышел он, венчанный по велению Геба,
И взял он власть над Египтом.

Корона крепка на челе его,
И владеет он землей до границ ее.
Небо и земля под властью его,
Подчинены ему люди, народ, смертные и человечество,
Египет и народ островов моря,
И все, что обтекает солнце, — под властью его,
Северный ветер, река и поток,
Плодовые деревья и все растения.

Рис. 40. Исида охраняет Осириса.

Неприб[6] дает плоды свои ему
И питание — блаженному.
Приносит он насыщение
И дает его во все земли.
Люди все ликуют, сердца сладостны,
Сердца радуются, все смеются.
Все прославляют красоты его:
„О как сладко любим мы его!
Благость его окружила сердца,
Велика любовь к нему в теле всяком".
Дали сыну Исиды врага его...
Сотворили злейшее злодею...
Защитил сын Исиды отца своего,
Сделано прекрасным и благостным имя его.
Сила заняла место свое,
И благость пребывает в законах своих.
Дороги открыты и пути отверсты,
О как радуются Обе Земли!
Зло исчезло, и мерзость удалилась,
Земля спокойна под владыкой своим.
Утверждена правда для владыки своего,
Обращен тыл ко лжи.
Радуйся, Веннофре! Сын Исиды взял корону,
Присужден ему сан отца его в зале Геба.
Ра изрек, и Тот записал,

И суд промолчал.[1]
Повелел тебе отец твой Геб,
И сделано как он приказал.

ГОР И ЧЕРНАЯ СВИНЬЯ[а]

Знаете ли вы, почему (город) Буто был отдан Гору? Я это знаю, если вы не знаете. Это Ра ему отдал его в вознаграждение за рану, которую Гор получил в глазу, вот так: Гор сказал Ра:[б] „Позволь мне увидеть существа, которые сотворило твое око,[в] так как оно их видит".

И Ра сказал Гору: „Посмотри там на эту черную свинью!".

Когда же он взглянул, то вот — страшной силы боль (сделалась) его глазу!

И Гор сказал Ра: „Мой глаз таков, как если бы этот удар был нанесен моему глазу Сетом!".

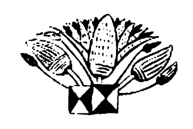
И он раскаялся.[2]

Тогда Ра сказал богам: „Положите его на его постель, да выздоровеет он!".

(Действительно), это Сет принял вид черной свиньи и нанес жгучую рану глазу Гора.

Тогда Ра сказал богам: „(Станет) свинья отвращением для Гора! Да поправится он!".

(Поэтому-то) свинья и есть отвращение для Гора.[г]



СКАЗАНИЕ О ГОРЕ БЕХДЕТСКОМ, КРЫЛАТОМ СОЛНЦЕ[а]

Текст высечен во втором ряду рельефов на внутренней стороне внешней западной стены храма Гора в Эдфу и является записью религиозной драмы. Текст иллюстрирован рельефами. Краткое описание рельефов дается в соответствующих местах перевода.

Прологом к драме являлось действо, называвшееся „Поднятие неба". Рельеф, на котором показан этот пролог, содержит следующие изображения: слева на возвышении стоит фараон, поднимающий обеими руками знак неба; над ним — крылатый скарабей. Перед фараоном — озеро, на котором плавает ладья с балдахином; в ладье стоит Гор, за ним сидит на троне Ра. Над всей ладьей — крылатый солнечный диск.

---

[1] Т. е. согласился.

[2] В том, что необдуманно захотел смотреть на весь мир, как сам Ра.

Справа от ладьи, на возвышении — наос, в котором стоит Гор и сидит Ра. Над наосом распростер крылья сокол. Перед фараоном написано название действа: „Поднятие неба“, и слова, которые должен произносить при этом действе фараон, обращаясь к Гору: „Твое небо — тебе, о Гор Бехдетский!“. За фигурой фараона начинаются вертикальные строки текста драмы, первая из которых содержит указания о порядке расположения действующих лиц: „Царь Верхнего и Нижнего Египта находится на своем месте, поднимая небо, поддерживая бога Бехдетского. Восходит бог[б] на ладью Ра-Хорахте в образе Крылатого Солнца, божественного, золотого. Он подобен Шу, подъявшему небо“.[1]

Начало.

Год 363 царя Верхнего и Нижнего Египта Ра-Хорахте, да живет он на веки веков![2]

Вот его величество пребывал в Нубии, и с ним было его бесстрашное войско и (не было среди них) злоумышленников против него. Ра плыл в своей ладье, и его спутники были с ним... И Гор Бехдетский был в ладье Ра, и он сказал своему отцу Ра-Хорахте: „Я вижу врагов, злоумышляющих против своего могучего владыки! Пусть... (огонь) твоего урея овладеет ими!..“.

Величество Ра-Хорахте сказало: „Как ты пожелаешь, о Гор Бехдетский, ты, сын Ра, прославленный, рожденный мной! Опрокинь моего врага пред тобою немедленно!“.

И взлетел Гор Бехдетский к небу в образе великого Крылатого Солнца... Когда он увидел врагов, он приблизился к ним в образе великого Крылатого Солнца, он забушевал против них, и они не смогли ни смотреть своими глазами, ни слышать своими ушами, но один убивал другого мгновенно, и ни одна голова не осталась живой.

Тогда Гор Бехдетский вернулся к ладье Ра-Хорахте в образе многоцветного сокола, великого Крылатого Солнца.

И Тот сказал Ра, владыке богов: „Бог Бехдета вернулся в образе сокола, великого Крылатого Солнца, уничтожающего мятежников и врагов!..“.

Тогда Ра крепко обнял его... Тогда Гор Бехдетский сказал: „Пойдем, о Ра, да увидишь ты, как поражены твои враги пред тобою в этой стране!“.

И его величество отправился, и с ним была Астарта.[г] Он увидел, что враги повержены на землю с разбитыми головами... И Ра сказал Тоту: „Это значит, что мои враги наказаны, и поэтому эта область будет называться отныне Эджбо!“[д]

Тогда Тот сказал Гору Бехдетскому: „Велика твоя защита!“.

И ладья Гора Бехдетского поныне называется „Великая защитой“.

Тогда Ра сказал богам, которые следовали за ним: „Теперь да поплывем в нашей ладье, и да возрадуемся над нашими врагами, поверженными на землю!“.

Тогда враги спустились в воду и превратились в крокодилов и гиппопотамов. И Гор Бехдетский плыл в своей ладье по воде. Тогда крокодилы и гиппопотамы вышли и открыли свои пасти, чтобы наброситься на ладью Ра-Хорахте. Тогда Гор Бехдетский пришел со своими спутни-

---

[1] E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 518—519.

[2] Рельеф. Справа на возвышении стоит гарпунщик, убивающий гиппопотама, который сидит в воде у носа ладьи. К гарпунщику подплывает ладья, в ней стоит Гор, пронзающий того же гиппопотама, за Гором — Хатор, за ней сидит Ра-Хорахте. За ладьей по берегу мчится на колеснице Астарта; она держит в одной руке вожжи, в другой — менат (часть ожерелья). Под лошадьми ее колесницы лежит растоптанный враг. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 520—521).

ками, которые следовали за ним как гарпунщики, с гарпунами и веревками в руках...

Они поразили крокодилов и гиппопотамов и увели сразу 651 врага...

И Тот[1] сказал после того, как он увидел, что враги повержены на землю: „Радуйтесь, о вы, боги неба! Радуйтесь, о вы, боги земли! Божественный юноша вернулся в мире. Он совершил чудеса!..".

Тогда Гор Бехдетский принял образ Крылатого Солнца на носу ладьи Ра, взял с собой Нехбет и Уаджит[е] как двух уреев, устрашающих врагов в их телах крокодилов и гиппопотамов, в каждом посещенном ими месте, в Верхнем и Нижнем Египте.

Тогда эти враги побежали пред ним, обратив свои лица к Верхнему Египту, причем их сердца обмирали от страха пред ним. Гор Бехдетский следовал за ними в этой ладье Ра, с гарпуном и веревкой в руках его и его спутников, вооруженных стрелами и веревками, и гарпунщики были приготовлены для них.

Тогда он увидел их к юго-востоку от Фив на расстоянии двух итеру.[ж]

Тогда Ра сказал Тоту: „Эти враги — да уничтожит он их!".

Тогда Гор Бехдетский произвел среди них великое избиение. И Ра сказал: „Стой, Гор Бехдетский! Да увижу (я) тебя!".

Тогда эти враги побежали пред ним, обратив свои лица к Нижнему Египту, причем их сердца обмирали от страха пред ним.

Гор Бехдетский следовал за ними в ладье Ра с гарпуном и веревкой в руках его и его спутников. Он был вооружен луками и веревками, и гарпунщики были приготовлены для них.

И он провел целый день в готовности, и он увидел их к северо-востоку от Дендера.

Тогда Ра сказал Тоту: „Враги здесь, да (поразишь) ты их!".

И величество Ра-Хорахте сказало Гору Бехдетскому: „Ты — мой сын, прославленный, рожденный мной! Да ослабишь ты врагов в свой час!".

Тогда Гор Бехдетский произвел великое избиение среди них... И вот эти враги побежали пред ним, обратив свои лица к Нижнему Египту, от Озера[2] до берега моря,[3] ибо их сердца обмирали (от страха пред ним).

Гор Бехдетский следовал за ними в ладье Ра, с гарпуном в руке его и его спутников. Он был вооружен стрелами, и гарпунщики были готовы для них. Он провел четыре дня и четыре ночи, плывя за ними, и они не видели ни одного из этих врагов, ни крокодилов, ни гиппопотамов в воде пред ним.

И вот он увидел их. Тогда Ра сказал... Крылатому Солнцу, великому богу, владыке неба: „Отгони их от берегов Хебену!"."

И он метнул в них свое копье и опрокинул их. Он произвел великое избиение среди них и привел 142 врага к ладье Ра,... гиппопотама, который был посреди этих врагов. Он убил их своим ножом и отдал их внутренности своим спутникам, и их мясо каждому богу и каждой богине, которые были в этой ладье Ра на берегу Хебену.

---

[1] Рельеф. Слева — Гор, владыка Хебену, стоит на антилопе, которую он пронзает копьем; в другой его руке — веревка, на концах которой по связанному врагу. Перед ним — ладья, на носу которой маленькая фигурка бога Мина, за ним — Гор Бехдетский, пронзающий гиппопотама; за Гором стоит Ра; за первой ладьей плывет вторая, на носу которой сидят три человека и стоит четвертый, который двумя гарпунами, привязанными к веревкам, пронзает крокодила (изображение последнего выбито); надпись указывает, что это — „спутники Гора на боевой ладье позади него". (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 522—523).

[2] Меридово озеро в Фаюме.

Ра сказал Тоту: „О взгляни на Гора Бехдетского в его образе на этих врагах! Вот он поразил их! Он открыл свои уста против гиппопотама, который посреди них, и убил его, стоя на его спине!“.

Тот сказал Ра: „Поэтому Гор будет наречен «Крылатое Солнце, великий бог, убивающий врага, господствующий в Хебену от сего дня». И жрецу этого бога будет из-за этого наречено имя от сего дня: Находящийся на его спине“.[к]

И вот все эти дела произошли в округе Хебену на 342 хета[л] к югу, северу, западу и востоку.

Тогда эти враги[1] поплыли пред ним, обратив свои лица к Озеру, чтобы достигнуть моря, направляясь к северу, ибо... в их сердцах. И они бежали и обратились вспять из воды, и направились к водам западного Мерет.[м] Они достигли вод нома Мерет и той банды Сета, которая (находилась) в этом городе.

И Гор Бехдетский плыл за ними, вооруженный всем своим оружием, чтобы сразиться с ними. Гор Бехдетский плыл вниз по течению в этой ладье Ра вместе с великим богом, находившимся в своей ладье, и богами, которые ему сопутствовали.

Он плыл за ними очень быстро. Он провел день и ночь, плывя вниз по течению в погоне за ними, но не видя их, ибо он не знал места, в котором они находились.

И он достиг Пер-Рехеви.[н] Тогда величество Ра сказало Гору Бехдетскому: „Вот эти враги, — они достигли западных вод нома Мерет, той банды Сета, которая в этом городе...“.

Тогда Гор Бехдетский сказал своему отцу Ра: „Пусть эта твоя ладья будет послана против них, да совершу я посреди них то, чего желает Ра!“.

И все было сделано так, как он хотел.

Тогда он настиг их в западных водах в этом городе. Он увидел их на южном берегу нома Мерет на расстоянии одного итеру.

И вышел Гор Бехдетский против них вместе со своими спутниками, вооруженными всяким боевым оружием, и он произвел великое избиение среди них и увел 381 пленного, и убил их пред ладьей Ра. Он отдал по одному из них каждому из своих спутников.

Тогда Сет издал ужасный рев, вопя о том, что сотворил Гор Бехдетский, избивая врага... Тогда Гор Бехдетский бился с врагом в течение часа. Он метнул в него свое копье и поверг его на землю в этом городе... И пришел Гор Бехдетский, таща врага, и его колодка была на его шее, и его веревка (на) обеих его руках, и жезл Гора упал, чтобы закрыть его рот. Он привел его к (своему) отцу. Тогда Ра сказал: „О, Гор, Крылатое Солнце! Как велик твой гнев, который ты проявил! Ты очистил этот город!...“.

Тогда Ра сказал Тоту: „Пусть будет отдана банда Сета Исиде и ее сыну Гору, да совершат они с ними все, чего пожелает их сердце,

---

[1] Рельеф. Главную часть рельефа занимает озеро, по которому плывет ладья; в ладье — Гор Бехдетский, за ним — Ра; Гор Бехдетский одной рукой вонзает острогу в гиппопотама, а в другой держит веревку, которая идет к врагу, находящемуся справа, на берегу. На этом берегу, в левой части рельефа, стоят лицом к ладье Гор, сын Исиды, сама Исида и Тот. Тот держит на веревке четырех врагов, Исида также держит в каждой руке по веревке, одна из которых соединяется с рукой Тота, а другая идет к руке Гора, которой он также держит врага. Гор, сын Исиды, пронзает копьем стоящего перед ним врага, значительно меньшего роста, чем фигуры богов. Веревку от этого врага и держит Гор Бехдетский. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 524—525).

ибо она со своим сыном Гором стояла твердо, и их копье было против него (Сета) в битве в этом городе!".

И названо священное озеро „Озеро битв" до сего дня.

Тогда Гор, сын Исиды, отрубил головы своего врага и его сообщников пред своим отцом Ра и всей великой Девяткой. Он протащил его за ноги по своему округу и вонзил свое копье в его голову и спину.

И Ра и Тот сказали: „Вот сын Осириса выгнал Яростного из своих округов!". И божественная Исида сказала своему отцу Ра: „Да будет Крылатое Солнце защитой моему сыну Гору, ибо он отрубил головы врага и его сообщников".

Тогда[1] Гор Бехдетский и Гор, сын Исиды, убили того трусливого врага и его сообщников и этих противников, когда они настигли их (в) западных водах этого города. Гор Бехдетский имел вид человека отменной храбрости, с ликом сокола, увенчанного белой короной, красной короной и двумя перьями, с двумя уреями на его голове. Его спина — (спина) сокола, и его острога и веревка в его руках.

Гор, сын Исиды, принял тот же образ, который взял себе Гор Бехдетский до него. Они вместе убили врага на западе от Пер-Реххеви, на краю воды... Все эти дела произошли 7-го Тиби.[o] И Тот сказал: „Да будет поэтому от сего дня наречен этот город: Город битвы... и 7-е Тиби будет наречено отныне: Праздник плавания".

Тогда Сет обратился в ревущего змея и вошел в землю в этом городе, и его больше не видели.

И Ра сказал: „Бэ[н] превратился в ревущего змея. Поставьте Гора, сына Исиды, в образе жезла на его верхнем конце, чтобы помешать ему выйти вовеки!".

И сказал Тот: „Имя змея этого города будет от сего дня наречено: Ревущий, и Гор, сын Исиды, — это сокологоловое копье на его верхнем конце, и (да пребудет он) в этом месте вместе со своей матерью Исидой!".

И все эти дела совершились.

И ладья Ра причалила в городе Пер-Аха. Ее нос был из дерева финиковой пальмы,[р] и ее корма — из дерева акации,[с] и они — священные деревья до сего дня.

Гор Бехдетский, окончив путь, отправился к ладье Ра, и Ра сказал Тоту: „Вот, ты... грести. И ладья Гора Бехдетского будет отныне наречена: Владыка гребли".

И поэтому все эти дела совершаются в этом месте до сего дня.

Тогда Ра сказал Гору Бехдетскому: „Вот, мы сразились с бандой (Сета), и она опустошена, равно как и ее сила, и банда Сета уплывает. Отправимся же на север (за ними)...".

Тогда Крылатое Солнце сказал: „Все, что ты приказываешь, совершится, о Ра, владыка богов! Пусть же эта твоя ладья будет послана против них к любому месту, куда бы они ни пошли, и я сделаю с ними все, чего пожелает Ра!"

И все было сделано так, как он сказал.

---

[1] Рельеф. Слева, в наосе, стоит Осирис, держа в руках плеть и жезл; перед ним, спиной к нему, стоит Исида, перед ней — Гор, сын Исиды и Осириса. Гор одной рукой пронзает копьем связанного врага, другой же рукой бьет его двумя гарпунами, привязанными к веревкам. Лицом к Гору, сыну Исиды, по другую сторону врага, стоит Гор Бехдетский, точно так же поражающий этого врага. Вся эта группа находится на суше. Справа, на воде, плывет ладья, в которой находится в ковчеге Ра. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 527—526).

Тогда Крылатое Солнце взошел на ладью Ра, которая была на реке... его... его копье и его веревка для сражения...

Тогда он увидел одного из врагов в том же месте, и он немедленно метнул в него свое копье, и сразу же привел его и убил его пред Ра.

(Так) он окончил ее (битву), и не было... Бэ, не было никакого... в то время в этом месте.

Тогда[1] он провел 6 дней и 6 ночей на причале на водах его (этого города), не видя никого из них. И он увидел их, поверженных в канале...

Он причалил свою ладью против них подобно тому, кто, как царь, стережет великого бога в Нерефе,[т] в этом месте, отгоняя врага и его банду, когда он приходит ночью из округа Меру к западу от этого места. Гор Бехдетский имел вид человека отменной храбрости, с ликом сокола, увенчанного белой короной, красной короной, двойной короной, с двумя уреями на его голове, и его руки были сильны при несении своего копья, при поражении гиппопотама из красной[у] яшмы, который был с ним в пустыне.

И Ра сказал Тоту: „Вот Гор Бехдетский — владыка сражения, поражающий своих иноземных (врагов) ежедневно!“.

И Тот сказал Ра: „Поэтому жрец этого бога будет наречен «Владыка сражения» от сего дня!“.

После этого Исида исполнила все колдовские заклинания, чтобы отогнать Бэ из Нерефа в этом месте, и Тот сказал: „Поэтому певица этого бога будет наречена «Госпожа чар»!“. И Тот сказал Ра: „Как счастливо это место теперь, когда ты пребываешь в нем подобно тому, кто, как царь, стережет великого бога, находящегося в Нерефе на расстоянии четырех итеру!..“.

Гор Бехдетский взошел на ладью. (Он поплыл вниз по течению) к Нижнему Египту (вместе с его) спутниками, (чтобы догнать) этих врагов.

Что же касается гарпунщиков, которые были в Средних округах, то благодаря им он произвел великое избиение, и 106 врагов были уведены пленными. Что до гарпунщиков Запада, то 106 врагов были уведены пленными. Что до гарпунщиков Востока, среди которых был и Гор Бехдетский, он убил их (врагов) пред Ра в Средних городах.

Тогда Ра сказал Тоту: „Мое сердце (довольно) работой этих гарпунщиков Гора Бехдетского и его спутников. Они (всегда) будут существовать в молельнях, и жертвы и возлияния (будут совершаться) их изображениям вместе с их помесячными жрецами, и всем жречеством их храмов в награду за то, что они поразили для меня врага“.

Тот сказал: „Средние округа будут от сего дня наречены «Города этих гарпунщиков»“.

И Ра сказал Гору Бехдетскому:[2] „Твои враги — они псплыли к Востоку, чтобы достигнуть Иуну-Меху,[ф] они поплыли к Востоу, к Тэль,[х] их болоту“.

---

[1] Рельеф. Плывут три ладьи; в первой из них находится гарпунщик, который пронзает крокодила (?) острогой и двумя гарпунами, привязанными к веревкам; во второй ладье стоит Гор Бехдетский, он пронзает крокодила острогой и двумя гарпунами, привязанными к веревкам; за Гором в ковчеге — Ра; в третьей ладье — гарпунщик, убивающий зверя, изображение которого стерто, острогой и двумя гарпунами, привязанными к веревкам. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 528—529).

[2] Рельеф. Слева ладья с надутым от ветра парусом, на ней человек одной рукой пронзает копьем крокодила, а в другой руке держит канат, который проходит по фону возвышения к носу второй ладьи, плывущей за возвышением. Этот человек — „копьеносец Гора Бехдетского“. На возвышении стоит лев с головой человека

Тогда сказал Гор Бехдетский: „Все, что ты приказываешь, свершится, о Ра, владыка богов, ибо ты — господин приказаний!“.

И они вступили на ладью Ра и поплыли к Востоку.

Тогда он увидел этих врагов, одни из них упали в море, а другие упали в горах. И Гор Бехдетский принял образ льва с лицом человека, увенчанного тройной короной, и его рука была как кремень, и он поспешил за ними, и он увел 142 врага. Он убил их своими когтями, он извлек их почки, их кровь лежала на высотах, и он сделал из них еду для своих спутников, когда он был на горах.

Ра сказал Тоту: „Вот Гор Бехдетский как лев на своем престоле на спинах врагов, которые отдали ему свои почки!...“.

Тогда Ра сказал Гору Бехдетскому: „Да поплывем мы к морю, чтобы мы смогли прогнать врагов из Египта, крокодилов и гиппопотамов!“.

И Гор Бехдетский сказал: „Как ты пожелаешь, о Ра, владыка богов!“.

И он поплыл за остатком врагов, которые были в море. Потом Тот произнес заклинания для защиты ладьи и лодок гарпунщиков, чтобы усмирить море в его час, когда оно бушует.

И Ра сказал Тоту: „Разве не прошли мы через всю страну? Разве не прошли мы через все море?“.

Тот сказал: „Будут наречены от сего дня (эти) воды «Воды путей»!“.

Тогда они снова поплыли вверх по течению ночью, не видя этих врагов. И они достигли Нубии и города Шас-херет.[щ] И он увидел врагов и их... в земле Вават злоумышляющими[ч] против своего владыки.

Тогда Гор Бехдетский принял образ Крылатого Солнца на носу ладьи Ра, и он взял с собой Нехбет и Буто,[ш] как двух уреев, наводящих ужас на тела мятежников. Их сердца ослабели из-за ужаса пред ним, и они не могли стоять и немедленно умирали.

И тогда сказали боги, которые следовали за ладьей Ра-Хорахте: „Как велик тот, кто поместился между двумя богинями-уреями! Он убил врагов своим ужасом!..“.

Тогда[1] Ра-Хорахте поплыл на своей ладье и причалил у Вечсет-Гор.

И Тот сказал: „Пестрокрылый вышел из горизонта и поразил врагов в этом образе, который он себе сотворил. И он наречен до сего дня «Пестрокрылый, выходящий из горизонта»“.

Тогда Ра-Хорахте сказал Тоту: „Ты изобразишь это Крылатое Солнце в каждом месте, где я останавливался, в местах богов Верхнего Египта и в местах богов Нижнего Египта... (Востока) и Запада, ибо он ниспроверг совет нечестивый на их путях“.

И Тот поставил этот образ повсюду, в каждом месте, в котором они находятся и в котором находятся все боги и богини до сего дня.

в тройной короне атеф, под его лапами — два врага. Это — „Гор Бехдетский, — великий бог, владыка неба, убивающий врага“. На второй ладье — Гор Бехдетский пронзает крокодила острогой и двумя гарпунами, привязанными на веревках. За Гором — Тот, за ним в наосе — Ра. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 530—531).

[1] Рельеф. Слева — ладья с наосом, над ней распростер свои крылья сокол, которого надпись определяет как Гора Бехдетского. Справа от ладьи — наос на возвышении, в нем — Гор Бехдетский, за наосом, еще правее, — три наоса; над первым из них (левым) — надпись, указывающая, что это олицетворение наосов божеств Верхнего Египта; над последним (правым) — надпись, указывающая, что он олицетворяет наосы божеств Нижнего Египта; в среднем наосе — мумия бога с головой сокола. Над всеми тремя наосами — крылатый скарабей (воплощение Гора Бехдетского). Над скарабеем — крылатый солнечный диск, также воплощение Гора Бехдетского. (E. Chassinat. Edfou. XIII, табл. 533—532).

Итак, Крылатое Солнце, которое имеется на ковчегах всех богов и всех богинь Верхнего и Нижнего Египта и также на всех их молельнях, это — Гор Бехдетский...

Что же касается этой Утренней звезды на востоке неба, которая озаряет Обе Земли своими очами, это — Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, ежедневно ниспровергающий врага на востоке. Прославление этого бога. Говорить:

„Привет тебе Утренняя звезда! Привет тебе, Гор! Привет тебе, Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба! Ты ниспровергаешь Апопа и врагов на востоке неба, на небе, на земле, на воде, на горах, и они никогда не поднимут своих голов!..“.

Что же касается (Единственной звезды на) западе Пвенет, которая восходит вечером на западе неба и лучи которой объемлют Обе Земли, — это Гор Бехдетский, он называется «Единственная звезда», и люди видят благодаря ее красоте. Прославление этого бога. Говорить: „Привет тебе, Единственная звезда, ты, звезда на западе Пвенет! (Привет тебе), Гор, блуждающий! Привет тебе, Гор Бехдетский, ты, живущий, великий, выходящий из Нуна! Ты ниспровергаешь Апопа и врага на востоке неба, на небе, на земле, на воде, на горах, и они никогда не поднимутся!“.

Что же касается крылатого скарабея, который на ковчегах всех богов и богинь Верхнего и Нижнего Египта, это — Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, ниспровергающий Апопа и врагов, и противников, и совет нечестивый на их пути...

Да сотворит (это) царь в день, когда случится тревога и мятеж! Да будет изображен писанием на его груди крылатый скарабей, когда он увидит тревогу, подобно тому, как сделал Ра-Хорахте, (когда он увидел) тревогу сына Ра имя-рек,[1] причем лицо его (скарабея) да будет соколиное, губы — коршуна, тело — скарабея. Удалитесь от него, о вы, враги, вы — совет нечестивый, вы — люди, боги, духи и мертвые, Апоп — враг сына Ра, Птолемея, живущего вечно, возлюбленного Птахом![2]

Он — мститель бога, вышедший из Бехдета, и имя его — Гор Бехдетский!...

Тогда да скажет сам царь:

„Я — мститель бога, вышедший из Бехдета, и имя мое — Гор Бехдетский!“.

Пусть эти изречения будут произнесены, когда случится тревога, и пусть не боится царь, ибо его враги будут убиты пред ним, и его сердце немедленно возрадуется над ними, и немедленно один (из них) будет убивать другого, как (это) случилось с врагами Ра-Хорахте, когда Гор Бехдетский полетел на них великим Крылатым Солнем.

ПОБЕДА ГОРА[a]

Текст представляет собою запись мистерий, совершавшихся в храме Гора в Эдфу.[3] И текст и сопровождающие его рельефы высечены на внутренней стороне восточной стены храма Гора Эдфусского. Краткое описание рельефов дается в сносках к соответствующим местам перевода текстов.

---

[1] Пустой картуш.

[2] Слова „Птолемея... Птахом“ заключены в картуш и являются именем Птолемея.

[3] См. стр. 73.

(СЦЕНА 1. ВЫХОД ГОРА)[1]

Царь Верхнего и Нижнего Египта, защитник, защищающий своего отца, великий отражатель, отражающий врага. Это он установил небо на его столбах![б] Успешны все дела, которые он сотворил, — Гор с устрашающим ликом, убивший Подлого,[2] Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба!

Говорит Тот, дважды великий, владыка Шмуну,[в] с медовым языком, искусный речью, провозгласивший выход Гора для спуска его боевой ладьи, низвергнувший его врагов своими изречениями: „Счастливый день для Гора, владыки этой земли, сына Исиды, возлюбленного, восторжествовавшего, наследника Осириса, сына победоносного Веннофре,[г] великого силой в каждом своем месте!".

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, владыка Месена,[д] с радужными перьями, вышедший из горизонта, герой великой мощи, когда он выходит сражаться, и его мать Исида защищает его: „Я даю твоему величеству победить того, кто восстает против тебя в день мятежа.[е] Я вкладываю силу и крепость для тебя в твои руки, и мощь моей руки — в твоей руке!".

Говорит Исида великая, мать бога, Скорпион[ж] Бехдета, воспитавшая Золотого сокола: „Я даю тебе власть над теми, кто тебе враждебен, о сын Гор возлюбленный!".

(СЦЕНА 2. ГОР ВСТУПАЕТ НА БОЕВУЮ ЛАДЬЮ)[3]

Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, ради своего отца наказавший Чудовище[4] за то, что оно сделало. Он принял образ храброго гарпунщика и наступил на спины своих врагов: „Острога с одним острием — в (моей) левой руке, гарпун с тройным лезвием — в моем кулаке! Убьем же того Подлого нашим оружием!".

Говорит Исида великая, мать Гора в Вечсет-Гор,[з] защищающая своего сына в его боевой ладье: „Я укрепляю твое сердце, о мой сын Гор! Пронзи же гиппопотама, врага твоего отца!".

(Фараон): „Слава тебе и привет[и] твоей боевой ладье, о Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба! Я поклоняюсь имени твоему и твоих мстителей в твоей свите, я восхваляю твоих копьеносцев, я почитаю твои гарпуны, отмеченные в священных книгах,[к] я благодарю твое оружие!".

---

[1] Рельеф. Выход Гора. Гор идет справа. Он имеет вид человека с головой сокола. На его голове — двойная корона объединенного Египта и полосатый платок фараонов; на бедрах — обычное опоясание, „шендит", к поясу прикреплен сзади бычий хвост, как полагается фараону. В одной руке он держит острогу, в другой — знак жизни „анх". За ним идет Исида, которая одной рукой благославляет Гора, в другой держит „анх". На голове Исиды — убор в виде коршуна, обнимающего ее голову своими крыльями, над коршуном — коровьи рога с солнечным диском между ними и иероглиф имени Исиды. Перед Гором идет бог мудрости и письма Тот в образе человека с головой ибиса; он одет так же, как и Гор, но на его голове корона „атеф". Тот читает свиток папируса, который он держит в руках. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 496—495, правая часть рельефа).

[2] Сета.

[3] Рельеф. Почти вся сцена занята изображением ладьи на воде; на ладье стоит Гор, который пронзает спрятавшегося под носом ладьи гиппопотама острогой и крючком, привязанным к веревке. За Гором стоит Исида, а за ней на корме — маленькая фигурка Гора-Хентихети. Перед ладьей слева, лицом к ладье, явно на берегу (на возвышении) стоит фараон. На его голове — тройная корона „атеф". Фараон пронзает острогой того же гиппопотама. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 495—494, левая часть рельефа).

[4] Сета.

Начало победы Гора над его врагами, когда он стремился поразить врагов после выступления в поход. Сет был судим в суде Ра, и Тот говорит: „Счастливый день, о Гор, владыка этой страны! Сын Исиды, возлюбленный, одержавший победу, наследник Осириса, сын Веннофре, чья сила в каждом месте!

„Счастливый день в этот день, который разделен его минутами! Счастливый день в эту ночь, которая разделена ее часами! Счастливый день в этот месяц, который разделен его полумесячным праздником! Счастливый день в этот год, который разделен его месяцами! Счастливый день в эту вечность, которая разделена ее годами! Счастливый день в эту бесконечность! Как приятно, когда они приходят к тебе каждый год!“.

(Гор): „Счастливый день! Я метнул удачно! Счастливый день! Мои руки овладели его головой! Я метнул в самок гиппопотамов в воде (глубиной) в 8 локтей. Я метнул в Нижнеегипетского быка[1] в воде (глубиной) в 20 локтей, причем в моей руке острие гарпуна в 4 локтя, веревка в 60 локтей и рукоятка в 16 локтей, а я — юноша (ростом) в 8 локтей!

„Я метнул, стоя в боевой ладье на воде (глубиной) в 20 локтей. Я бросил моей правой рукой и размахнулся моей левой, как делает храбрый житель болот!“.[1]

(Исида): „Беременные среди гиппопотамов не рожают, ни одна из их самок не зачинает, когда они слышат стук твоей рукоятки и свист твоего острия, подобно грому небесному, подобно барабану в руках ребенка!“.

(Хор): „Держи крепко, Гор, держи крепко!“.

(СЦЕНА 3)[2]

Говорит Гор, владыка Месена, первый в Пе[м] и Месене, великий бог, первый в Вечсет-Гор, лев, первый в Хент-Йабет,[н] прогоняющий Сета в пустыню, благой хранитель Обеих Земель и Обоих Берегов, защитник, обороняющий Египет: „Первый гарпун вонзился в его пасть и повредил его ноздри!“.

Говорит „Глава Обеих Земель, когда он встает“:[3] „Я охраняю тебя от того, кто враждебен тебе, я защищаю твое величество моими чарами: Я гневаюсь на твоих врагов как свирепый павиан, я низвергаю твоих врагов на (твоем) пути! Я защищаю твое величество ежедневно! Я — первый из твоей команды!“.

(Фараон): „Первый из оружия, помчавшийся за тем, кто напал на него (Гора)! Отнявший дыхание от гиппопотама!“.

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, Мститель... низвергающий его врагов...: „Второй гарпун вонзился в его лоб, он вцепился в макушку его головы!“.

---

[1] В Сета.

[2] Рельеф. Слева стоит фараон на таком же возвышении, как и на предыдущем рельефе, перед ним — две ладьи, в каждой из которых на носу — Гор, пронзающий гиппопотама, а за Гором — помогающий ему в данном ударе демон. Как уже указывалось, каждый рельеф содержит две сцены, причем первая располагается справа. Соответственно этому первый удар наносится Гором с правой ладьи, на которой находится и демон, помогающий ему при первом ударе. Второй удар наносится с левой ладьи. Ладья, очевидно, изображается та же самая, демоны меняются. В руках у демонов ножи, головы демонов — звериные, однако вследствие того, что почти все головы выскоблены, только в некоторых случаях можно установить, какому именно зверю они принадлежали. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 497—498).

[3] Имя духа, сопровождающего Гора при метании первого гарпуна.

Говорит „Жертвующий, который делит его жертвы“:[1] „Я с тобою в мятеже, да воздам я за грехи твоим врагам! Я ломаю его кости, я дроблю его позвонки, я разрезаю его плоть, я глотаю его кровь!“.

(Фараон): „Твоя острога, которая привела Подлого, хотя он был далеко, расколола темя головы гиппопотама!“.

(Хор): „Хвала тебе, хвала твоему имени, Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба!

„Первый гарпун вонзился в его пасть и повредил его ноздри. Лезвие держит голову гиппопотама в Месте упования!

„О Гор, прекрасные твои силки из волос жирафа, твои сети, принадлежащие Мину,[о] и твоя рукоятка, которая принадлежит копью Онуриса![п] Твоя рука метнула первая!.. Находящиеся на берегах ликуют при виде тебя, как при восходе Сотис в день нового года,[р] когда они видят твое оружие, падающее дождем на середину реки подобно (лучам) луны на мирном небе. Гор в своей ладье подобен Венти, опрокинув гиппопотамов со своей боевой ладьи! Держись, Гор, держись!

„Второй гарпун вонзился в его лоб, он схватил темя головы врагов.

„Держи крепко гарпун, вдыхай воздух в Хеммис,[с] о владыка Месена, победитель гиппопотама, творец радости, благой сокол, восходящий на свою ладью и направляющийся к реке в своей боевой ладье, человек первого листа лотоса.[т].. сражающийся Гор, человек первого листа лотоса; находящиеся в воде трепещут перед ним, и ужас перед ним — в находящихся на берегу! Покровитель каждого... сильны, Злой в воде боится тебя. Ты ударяешь и ранишь подобно Гору, мечущему (гарпун), Победоносному быку, владыке храбрости. Сын Ра сделал для Гора подобное тому, что сделал сам Гор, сын Ра сделал то же. Пусть же твои когти схватят второй гарпун! Держи крепко, о Гор, держи крепко!“.

(СЦЕНА 4)[2]

Говорит Гор, владыка Месена, великий бог, владыка неба, каменная стена вокруг Египта, великолепный хранитель, страж храмов, отгоняющий Вредного от Двух изливающих, божественный страж Крепости: „Третий гарпун вонзился в его шею, его острия кусают его плоть!“.

Говорит „Бык Обеих Земель“:[3] „Я нападаю на того, кто идет осквернить твой дворец! Я пронзаю моими рогами того, кто замышляет против него! Кровь на моих рогах и пыль позади меня от каждого насильника твоего дома!“.

(Фараон): „Сделай избиение! Пусть его острие укусит шею гиппопотама!“.

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, птицеподобный внутри его ладьи, попирающий... против него: „Четвертый гарпун вонзился в его голову, он повредил сосуды его головы!“.

Говорит „Черный Бык“:[4] „Я поедаю мясо, я проглатываю кровь тех, кто причиняет беду твоему храму! я обращаю свое лицо к тому, кто идет против твоего дома, я отражаю Подлого от храмов!“.

(Фараон): „Мой рог пронзает грабителя, когда он появляется“.

---

[1] Имя духа второго гарпуна.

[2] Рельеф. Сцена повторяет предыдущий рельеф. Руки фараона подняты в молитвенном жесте. С ладьи соответственно наносятся третий и четвертый удары. У демона ближней к фараону ладьи, видимо, была львиная голова. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 499—500).

[3] Имя духа третьего гарпуна.

[4] Имя духа четвертого гарпуна.

Повторить 4 раза: „Он разорвал сосуды в голове гиппопотама!“.

(Хор): „(Третий) гарпун вонзили в его шею, его острие кусает его плоть! Привет тебе, спящий один, сочетающийся со своим сердцем, человек, овладевший причалом в воде!“.

(Исида): „Метни, прошу тебя, в пасть дикого зверя! Смотри, ты — на валу, чистом от кустов, на берегу, свободном от кустарника! Не опасайся его страшного вида, не беги от тех, кто в воде! Пусть твой гарпун вонзится в него, мой сын Гор!“.

Исида сказала Гору: „Твои враги упали пред тобою, да отведаешь ты мясо от шеи — отвращение женщин! Шум от стонов — в южном небе, вой — в северном небе, шум от стонов моего брата Сета! Мой сын Гор крепко схватил его!“.

(Хор): „Держи крепко, Гор, держи крепко! (Четвертый) гарпун вонзился в его голову, он разрезал сосуды его головы, затылок его головы. Да схватишь ты гарпун, который Птах, благой вожатый, сделал для Богини болот, который был сделан из меди для (твоей) матери Исиды!“.

(Исида): „Я сотворила дождь для Богини болот, для Таит, Шедет, Сотис, Джаит, для Владычицы охоты. Стой твердо на своих ногах против того гиппопотама, держи его крепко своей рукой!“.

(Гор): „Я метнул в Нижнеегипетского быка и тяжело ранил Ужасный лик,[1] вспахивая воду моим... от берега. Я достигаю воды и приближаюсь к земле!“.

(Исида): „Пусть твой гарпун закрепится в нем, мой сын Гор, в том враге твоего отца! Вонзи свое лезвие, мой сын Гор, да прокусит твоя стрела его кожу, да повлекут твои руки того Подлого!“.

(СЦЕНА 5)[2]

Говорит Гор, владыка Месена, великий бог, владыка неба, благой копьеносец в Эджбо, благой страж Обеих Земель и Обоих Берегов, защищающий города и оберегающий области, сокол великой мощи, первый в Пе и Месене, лев, первый в Тэль: „Пятый гарпун вонзился в его бок, он обнажил его ребра“.

Говорит „Блистающий Бык“:[3] „Я вырезаю сердца тех, кто сражается против твоего Бехдета, я вырываю сердца твоих врагов, я проглатываю запекшуюся кровь тех, кто враждебен твоему городу, я вкушаю почки твоих врагов!“.

(Фараон): „Первая стрела, не имеющая соперника! Пятое из оружия! Оно обнажило ребра Нижнеегипетского быка!“.

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, защитник, защищающий города и области, простирающий руки вокруг Верхнего и Нижнего Египта, во главе которых — его Месен: „Шестой гарпун вонзился в его ребра, он рассек его позвонки!“

Говорит „Любящий уединение“:[4] „Я вострю мои зубы, чтобы кусать твоих врагов, я точу свои когти, чтобы схватить их кожу!“.

(Фараон): „Шестой гарпун, пожирающий каждого, кто противится ему, — он рассек позвонки спины твоих врагов!“.

(Хор): „... почитая твой образ, преклоняясь пред твоим подобием...

---

[1] Сета.

[2] Рельеф. Сцена повторяет предыдущие рельефы. Руки фараона опущены. У духа шестого гарпуна лицо волка, виден язык. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 501—502).

[3] Имя духа пятого гарпуна.

[4] Имя духа шестого гарпуна.

твои предки... твое величество одолевает твоих врагов... Пятый гарпун вонзился в его бок, он обнажил его ребра".

(Исида): „Вопль гиппопотама, попавшего в твою веревку! Увы, увы в Кенмет![1] Ладья легка, и тот, кто в ней, — младенец,[у] а тот Подлый, который в твоей веревке, (низвергнут)!".

(Хор): „Держи крепко, Гор, держи крепко! Шестой гарпун вонзился в его ребра, он рассек его позвонки!".

Рис. 41. Жрец в маске Анубиса. Рис. 42. Жрец в одеянии бога Гора.

(Жрец): „Я полощу свой рот, я жую натрон,* да прославлю я мощь Гора, сына Исиды, благого юношу, рожденного Исидой, сына Осириса, возлюбленного! Гор метнул своей рукой, он, чья рука сильна изначала, когда он утвердил небо на его четырех столбах. Успешны дела, сотворенные им! Вот радуются Бусирис, Мендес, Гелиополь, Летополь, Пе, Деп, Мемфис, Гермополь, Хебену, ном Антилопы, ном Дун-ануи, Хенесу, Гераклеополь, Абидос, Панополь, Коптос, Асиут, Бехдет, Месен и Дендера, ликуя при виде этого прекрасного вечного памятника, который сотворил Гор, сын Исиды. Он построил престол, украшенный золотом, покрытый и отделанный электром.[x] Его святилище прекрасно, великолепно, подобно трону Владыки вселенной. Его величество пребывает в Ха-нефер, и берега Гора покланяются ему на владении его отца Осириса. Он принял звание своего отца, добыв ему победу и отомстив за него. Он (Сет) хотел утеснить его (Осириса), но он (Гор) напал на него. Как сладостно звание отца для сына, отомстившего за него! Он благодарит за него!".

(Исида): „Ты, действовавший под моим руководством, ты одолел беду! Ты утеснил того, кто утеснил тебя! Мой сын Гор вырос в своей мощи, он был изначала предназначен, чтобы отомстить за его отца!".

---

1 Великий Сазис.

(Жрец или хор): „Небо было очищено для него северным ветром, и Обе Земли были усеяны южными изумрудами," ибо Гор построил свою боевую ладью, чтобы отправиться на ней в заросли и низвергнуть врагов его отца Осириса, схватить для него недоброжелателя (Сета)".

(Гор): „Я — Гор, сын Осириса, поразивший врагов и поразивший противников!".

(Исида): „Как сладостно итти по берегу без помехи, переходить воду без того, чтобы песок поднялся под твоими ногами, и никакой рог не пронзит их, и крокодилы не спрятаны, ибо твое величие проявилось и твоя стрела вонзилась в него, мой сын Гор!".

(Хор): „Держи крепко, Гор, держи крепко!".

(СЦЕНА 6)[1]

Говорит Гор, владыка Месена, великий бог, владыка неба, лев, первый в Тэль," — сокол великой мощи, владыка Верхнего и Нижнего Египта, страж, стерегущий Египет от пустынь, стена медная вокруг его верхнеегипетского Месена, хранитель его нижнеегипетского Месена: „Седьмой гарпун вонзился в его тело и пригвоздил его ядра!".

Говорит „Пламя на устах его":[2] „Я делаю мои глаза рубиновокрасными и мои зрачки — кровавокрасными! Я отражаю тех, кто приходит со злом к твоему престолу, я поедаю их плоть, я проглатываю их кровь, я сжигаю их кости огнем!".

(Фараон): „Седьмой гарпун, который приник к его телу, разодрал его члены и пронзил гиппопотама от его чрева до его ядер!".

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, отгоняющий Подлого от своего храма, стоящий вокруг него подобно медной стене, чья защита во всей его округе: „Восьмой гарпун вонзился в его бедра, он ободрал его ляшки!".

Говорит „Тот, кто выходит с огненной пастью":[3] „Я укрощаю нападающего на балкон Сокола, прогоняю того, кто (враждебен) ему... я, вышедший в образе обезьяны".

(Фараон): „Преклонение пред злобным священным гарпуном, который возбуждает смятение! Восьмой гарпун схватил бедра твоего (врага), он ободрал его ляшки!".

(Хор): „Хвала лику твоему, слава мощи твоей, о Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба! Крепкая стена, воинственный сокол, превосходный силой, тот, которого страшно боятся! Наносящий раны тому, кто ищет ему вреда, герой великой (мощи)... защищающий свой храм... охраняющий Месен беспрерывно и безотлагательно! Твоя храбрость и твоя мощь — вокруг твоего храма во веки веков!

„Седьмой гарпун вонзился в его плоть, он пронзил его ядра!".

Исида испустила вопль, обращаясь к ребенку, лишенному отца и сражающемуся с Пнехес: „Будь храбр, мой сын Гор! Вот, ты крепко держи его, того врага твоего отца! Не уставай из-за него! (Одна рука) схватила твоим гарпуном его шкуру, две руки захватывают веревку. Твое лезвие укусило его кости, я видела твое лезвие в его чреве, твой рог прикончил его кости".

(Хор): „Вы, находящиеся на небе и на земле, бойтесь Гора! Вы, находящиеся в преисподней, поклоняйтесь ему! Вот, он появился во

---

[1] Рельеф. Сцена повторяет предыдущие рельефы — руки фараона подняты в молитвенном положении. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 503—504).

[2] Имя духа седьмого гарпуна.

[3] Имя духа восьмого гарпуна.

славе как могучий царь, он взял престол своего отца. Правая рука Гора как у молодого жителя болот. Да вкусите вы плоти врага, да выпьете вы его крови, да проглотите их, вы, находящиеся в преисподней!".

Летополь. Убиение змей сабет для его матери Исиды.[ш]

Исида пришла, найдя гиппопотама стоящим ногами на земле. Она сотворила... его боевой ладьи и ее сына Гора, говоря: „Вот, я пришла, как мать из Хеммиса, чтобы покончить ради тебя с гиппопотамом, который раздавил гнездо... Ладья легка, и тот кто в ней, — дитя, а тот Подлый, который на твоей веревке, (пал)!".

(Хор): „Держи крепко, Гор, держи крепко! Восьмой гарпун вонзился в его бедра, он ободрал его ляшки! Пусть твой божественный гарпун укусит его лицо! Привет, Гор, возлюбленный жителями болот! Вот ты — птица хебес, пронзающая рыбу в воде! Вот ты — ихневмон, твердо стоящий на своих когтях, схватывающий добычу своей лапой! Вот ты — охотничий пес, который прогрызает жир шеи, чтобы достать мясо! Вот ты — юноша крепкого сложения, убивающий сильнейшего себя! Вот ты — свирепый лев, готовый сражаться на берегу, стоящий на трупе! Вот ты — пламя... Держи крепко, Гор, держи крепко!".

(СЦЕНА 7)[1]

Говорит Гор, владыка Месена, великий бог, владыка неба, отрубающий ноги своим врагам, герой великой мощи, когда он выплывает на битву, быстро мчащийся за его врагами: „Девятый гарпун вонзился в его задние ноги!".

Говорит „Смерть в его лице, громко кричащий":[2] „Я окружаю твое величие, подобно стене, кол, защищающий твою душу в день столкновения! Я стерегу твой храм днем и ночью, отгоняя врага от твоего ковчега!".

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, владыка Месена, протыкающий подколенные жилы своего врага: „Десятый гарпун вонзился в его подколенные жилы!".

Говорит „Свирепый лик, приводящий Изувеченного":[3] „Я пью кровь того, кто пытается ниспровергнуть твое святилище, я разрезаю на куски плоть того, кто пытается осквернить твой ковчег! Я даю тебе крепость и мощь моих рук и силу моего величества против твоих врагов!".

(Фараон): „Поклонение пред священным гарпуном! Слава твоему (духу), ты, копьеносец великой (мощи), Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба! Поклонение пред твоими мстящими посланцами, твоими последователями, твоими послами и твоими стражами, которые стерегут твое святилище! Слава твоей боевой ладье, твоей матери, твоей няньке, которая качала твою красоту на своих коленях! Хвала твоему клинку, твоему древку, твоим веревкам, этому твоему оружию за ниспровержение твоих врагов! Твое величество выставляет их для защиты вокруг твоего храма. Твой дух охраняет Месен вовеки! Девятый гарпун вонзили в его ноги, войдя в плоть гиппопотама. Пусть твой гарпун держит его, о Гор, прекрасноликий, проворный сын владыки вселенной! Твои чудеса видны на заре на речных берегах, подобно (чудесам) Хароэриса.[4] Может ли быть, чтобы брат ненавидел старшего брата? Кто

---

[1] Рельеф. Сцена повторяет предыдущие рельефы. Руки фараона опущены. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 505—506).

[2] Имя духа девятого гарпуна.

[3] Имя духа десятого гарпуна.

[4] Древнее божество — Великий Гор.

будет его любить? Он падет от веревки Шесму,[щ] как добыча Владычицы охоты!".

(Исида): „Помнишь ли ты, когда мы были в Нижнем Египте, отец богов[в] прислал богов, чтобы везти нас на ладье, и Сопд был нашим рулевым?[в] Как боги единодушно охраняли нас, каждый из них — опытный в своем деле? Как Хентихети[ц] направлял нас и Геб показывал нам путь?".

(Хор): „Держи крепко, о Гор, держи крепко! Десятый гарпун крепко вонзился в его подколенные жилы! Приди и заставь его... кто... против него!, — говорят юные гарпунщики, — Схватите и держите, о владыки мощи, хватайте, владыки диких зверей! Пейте кровь ваших врагов и их самок, точите ваши ножи и (увлажняйте) ваши клинки, окунайте в нее (кровь) ваше оружие. Вам принадлежат тела львов в тайных логовищах! Вам принадлежат тела гиппопотамов, чье отвращение...! Вам принадлежат тела гусей абеб, которые бегают по берегу и их сердца гордятся их проворством! Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

(СЦЕНА 8)[1]

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, владыка Месена, крепко держащий, кормчий своей боевой ладьи, мечущий свой гарпун с тридцатью лезвиями в пасть гиппопотама, в то время как его мать защищает его.[2]

(Хор): „Пойдем, поспешим к озеру Гора, да увидим мы Сокола в его ладье, да увидим мы сына Исиды в его боевой ладье, подобного Ра в Утренней ладье! Крепко схвачен его гарпун в его руке, подобно Гору-Тима! Он бросает и влечет, да пленит он гиппопотама и да убьет он Нижнеегипетского быка! Ликуйте, обитатели Эджбо! Горе, горе в Кенмет!".

Царские дети, команда Гора, гарпунщики владыки Месена, доблестные гарпунщики Гора Бехдетского, стремящиеся покончить со всеми его врагами, искусные в схватывании, храбрые герои, чье оружие попадает в цель, которые пронзают глубокие воды, чьи стрелы мчатся за хищными зверями, чьи лезвия вонзаются в их плоть, чьи руки сильны, когда надо тащить врагов, — они прибывают в Месен, грозно ликуя: „Схвати свой престол, спустись и твердо вступи с своими украшениями, которые принадлежат Хеджхетеп,[ю] с своею сетью, которая принадлежит Мину, которая была соткана для тебя и связана для тебя богиней Хатор, владычицей растения тэх! Обед из передних ног приготовлен тебе, и ты съедаешь его. Боги неба в страхе перед Гором. Да услышите вы вопль Нехеса![3] Тверже, о Гор! Не беги из-за тех, кто в воде, не бойся тех, кто в потоке! Не слушай, когда он спорит с тобой! Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

(Исида): „Иди к своей боевой ладье, о Гор, сын мой, любимый мной, к кормилице, которая качает Гора на воде,[я] пряча его под своими бревнами, в глубокой тьме сосен. Нет страха при причаливании, ибо благое весло поворачивается в его месте подобно Гору на коленях его

---

[1] Рельеф. Центральное место в сцене занимает ладья с надутым парусом. На корме стоит Гор и пронзает гиппопотама острогой и двумя крючками, привязанными на веревках. На носу сидит на коленях Исида и пронзает того же зверя тремя крючками, привязанными на веревках. Справа, как обычно, на возвышении стоит фараон, который также пронзает гиппопотама острогой. За фараоном подбегают два юных гарпунщика с острогами. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 507—508—505).

[2] Речь Гора на рельефе отсутствует.

[3] Сета.

матери Исиды. Весла укреплены в уключины, подобно везиру во дворце. Мачта стоит твердо на основании подобно Гору, когда он стал правителем этой страны. Этот прекрасный парус ослепительного блеска подобен Нут великой, когда она была беременна богами. Два рулевых весла — это Исида и Нефтида, каждая из них крепко держит то, что ей принадлежит... Уключины укреплены на поясе подобно украшениям царских детей. Весла бьют по обеим ее сторонам подобно вестникам, когда они возвещают о поединке. Планки пригнаны точно и не отделяются одна от другой. Палуба подобна доске для письма, наполненной образами богинь. Балки в трюме подобны колоннам, прочно стоящим в храме... Черпак из настоящего лазурита вычерпывает воду как прекрасное благовоние, а трава — „них" убегает перед ней как большая змея в ее нору. Канат около кола как цыпленок около его матери".

(Хор): „Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

Исида сказала юным гарпунщикам, когда она увидела их прекрасные руки: „Нападайте на врага, убивайте его в его логове, сразите его в его час здесь и сейчас! Вонзите ваши ножи в него еще и еще! Боги неба в страхе перед Гором. Да услышите вы вопль Нехеса! Тверже, о Гор! Не беги из-за тех, кто в воде, не бойся тех, кто в потоке! Не слушай, когда он спорит с тобой!.. в твоей руке, о мой сын Гор! Держи, о Гор, держи древко гарпуна! Я — владычица древка! Я, — прекрасная, владычица Громко кричащего,[1] выходящая на берега и смотрящая за хищными зверьми, раздирающая его шкуру, ломающая его ребра".

(Хор): „Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

(СЦЕНА 9)[2]

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка Месена, Венти, пронзающий Неудачливого, его врага...: „Я метнул мой гарпун с 30 лезвиями в пасть гиппопотама".

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, обладающий короной Нижнего Египта, царь царей Верхнего Египта, царь царей Нижнего Египта, благой князь, князь князей: „Я получаю жезл и плеть,[3] ибо я владыка этой земли. Я овладеваю Обеими Землями, получая Двойную корону. Я низвергаю врага моего отца Осириса как царь Верхнего и Нижнего Египта вовеки!".

Говорит Тот, дважды великий, владыка Шмуну, который судит двух соперников, первый на Великом престоле, великий вождь великой Девятки, которого никто не может заменить: „Я низвергаю твоих врагов, я защищаю твою ладью своими благожелательно сказанными чарами!".

(Царица): „Я играю для твоего удовольствия, о ты, сияющий как царь Верхнего и Нижнего Египта, когда твои враги... под тобою!".

Царевны Нижнего Египта и женщины Бусириса, ликующие о Горе при его победе: „Мы ликуем о тебе, мы счастливы видеть тебя, мы

---

[1] Сета.

[2] Рельеф, повидимому, как и предыдущие, содержит две сцены. Справа на возвышении стоит Гор и пронзает гиппопотама, что, очевидно, соответствует тексту: „Я метнул мой гарпун с 30 лезвиями в пасть гиппопотама". Левее мы видим ладью, на которой стоят Гор и Тот. Последний одной рукой благословляет Гора, а в другой держит свиток папируса и знак жизни „анх". Слева, лицом к ладье, стоит царица с двумя систрами в руках; на ее голове убор в виде двух страусовых перьев, рогов и диска. За ней шесть царевен бьют в бубны; на их головах — повязки. Эта часть рельефа, очевидно, относится к сцене торжества Гора, начинающейся со слов: „Я получил жезл и плеть...". (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 509—510).

[3] Аттрибуты царской власти.

радуемся... Мы возносим тебе радостную хвалу до высоты неба, когда ты воздаешь за злодеяния твоих врагов! Мы поклоняемся тебе и воспеваем твое величество, ибо ты низложил врага твоего отца!".

Царевны Верхнего Египта и женщины Пе и Депа, ликующие о Горе при его победе: „Мы ликуем о тебе, мы обрадованы твоим лицезрением, когда ты восходишь в блеске для нас как царь Верхнего и Нижнего Египта! Мы бьем тебе в бубны, мы радуемся при виде тебя, когда ты получаешь звание Хорахте! Мы ликуем твоему подобию, когда ты сияешь для нас, подобно тому как Ра сияет в горизонте! Как счастлив твой лик, когда ты появился во славе на своей ладье, Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, подобный Ра в Утренней ладье, когда ты принял свой сан с жезлом и плетью и увенчан Двойной короной Гора, и Сохмет побеждает того, кто восстает против тебя, и великий Тот защищает тебя. Твое наследие — твое, великий бог, сын Осириса, теперь, когда ты победил Нижнеегипетского быка! Ликуйте, обитатели Великого престола, Гор взял престол своего отца!".

(Царица): „Ликуйте, женщины Бусириса и горожане подле Анджет! Придите и взгляните на Гора, пронзившего Нижнеегипетского быка! Он плавает в крови врага, его древко гарпуна быстро достигает добычу. Он делает реку цвета крови, как Сохмет в радостный год!".

(Женщины Бусириса): „Твое оружие ныряет в поток подобно дикому гусю подле его птенцов! Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

(Царица): „Ликуйте, женщины Пе и Депа и горожане около Болот! Придите и взгляните на Гора на носу его ладьи, подобного Ра, когда он сияет на горизонте, одетый в зеленое одеяние, одетый в красное одеяние, покрытый его украшениями, Белая и Красная короны прочно посажены на его голове и два урея — посреди его бровей! Он получил жезл и плеть, будучи увенчан Двойной короной, и Сохмет пребывает с ним, и Тот охраняет его!".

(Женщины Пе и Депа): „Это Птах сотворил твое древко, это Сокар отковал твое оружие! Это Хеджхетеп в прекрасном месте сделал из пряжи твою веревку! Лезвие твоего гарпуна — из листовой меди, твое древко — из привозного дерева „небес".

(Гор): „Я метнул моей правой рукой, я бросил моей левой рукой, как делает храбрый житель болот!".

(Хор): „Держи крепко, о Гор, держи крепко!".

(СЦЕНА 10)[1]

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, владыка Месена, пронзающий гиппопотама и разрезающий его плоть, которая приносится как жертвенное мясо каждому богу: „Поднимайся, Осирис, великий бог, правитель вечности! Тот, кто был враждебен тебе, разрублен!".

Говорит Исида, великая, Скорпион Бехдета, божья мать Гора, Победоносного быка: „Да возрадуется твое сердце, о сын мой Гор! Твой враг пал и нет его!".

Исида открыла свои уста, чтобы говорить со своим сыном Гором, и сказала: „Если ты разрезаешь своего великого гиппопотама, поспеши ко мне и приблизься ко мне, да научу я тебя! Я говорю тебе: «Пусть

---

[1] Рельеф. Справа Гор стоит на гиппопотаме, которого он пронзает; за Гором — Исида. Перед ними, навстречу им, два ряда божеств, перед каждым из которых стоит жертвенник с соответственно подносимой данному богу или богине частью гиппопотама. В верхнем ряду изображены Сохмет, Хнум, Нефтида, Исида, в нижнем — Осирис, Гор Великий, Онурис, Вепуат. (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 511—512).

его передняя нога будет отнесена в Бусирис для твоего отца Осириса-Веннофре правогласного! Отправь его ребра в Иит для Гора Великого, первого в Летополе, а его голень пусть останется в Тисе для твоего великого отца Онуриса! Отправь его плечо в Ибет для твоего великого брата Вепуата! Отправь его грудь в Асиут к Тефнут, владычице Меджед! Дай его бедро Хнуму-Хароэрису, чьи ноги многочисленны, великому богу, владыке ножа, владыке силы, который низвергает врагов, ибо он твой великий брат! Дай большую долю его мяса Хнуму, владыке Элефантины, великому богу, владыке порога, да увеличит он команду твоей боевой ладьи! Дай его крестец Нефтиде, ибо она твоя великая сестра! Мне же принадлежит его передняя часть и мне принадлежит его задняя часть, ибо я — та, которая спасла сердце Уставшего сердцем, чье сердце не выдержало! Дай его кости кошкам, его жир — червям, его сало — юным гарпунщикам, да познают они вкус его мяса! Переднюю часть — их детям, да почувствуют они сладость его образа, и отборную часть его членов — твоим спутникам, да попробуют они вкус его плоти! И будут они вонзать гарпун глубоко в него, того врага твоего отца Осириса!»“.

(Хор): „Держи крепко, о Гор, держи крепко!“.

(СЦЕНА 11)[1]

Говорит Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, владыка Месена, пленивший гиппопотама и разрезавший его плоть, которая дана как жертвенное мясо каждому богу, схватывающий копье и прогоняющий крокодилов, низвергающий врагов на плаху.

Говорит Исида великая, мать бога, живущая в Вечсет-Гор: „Вот я пришла как мать из Хеммиса, чтобы прикончить для тебя гиппопотамов. Будь же могуч, ты, свирепый лев! Стой твердо на ногах против того гиппопотама и крепко держи его!“.

(Фараон): „Гор просит гиппопотама к себе в Пе и Месен! Ликуйте! о вы из Эджбо! Гор низверг своих врагов! Радуйтесь, жители Дендера, (Гор) пронзил того, кто восставал против него, и нет его!“.

(Хор): „Шум ликования звучит в Месене, радость исходит из Бехдет, ибо Гор вышел, чтобы поразить нубийца и его спутников в... Он отрубил его голову, он вырезал его сердце, он вымочил его в его собственной крови... Вечсет-Гор и Дендера в ликовании! Горе, горе в Кенсет!“.

(СЦЕНА 12)[2]

(Исида): „Ты схватываешь свой гарпун и творишь с ним все, что ты хочешь, о мой сын Гор, ты, возлюбленный!“.

(Имхотеп): „Царь Верхнего и Нижнего Египта..., сын Ра, Птолемей правогласен в Широком зале, он низверг Ментиу всех стран Азии.

---

[1] Рельеф. Справа Гор пронзает гиппопотама, за Гором — Исида. Слева фараон пронзает крокодила (?). (E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 513).

[2] Рельеф. Мясник разрезает гиппопотама ножом; перед мясником надпись: „Мясник величества Ра, разрезающий гиппопотама, расчлененного на его шкуре“. За мясником стоит мудрец Имхотеп, строитель знаменитой ступенчатой пирамиды фараона Джосера (XXX в. до н. э.), впоследствии обожествленный и почитавшийся при Птолемеях как греческий бог-целитель Асклепий. Роль Имхотепа играет здесь жрец — главный чтец, соответственно одетый в шкуру леопарда. Он держит в руках свиток папируса. Над ним следующая надпись: „Главный чтец, писец священных книг, Имхотеп великий, сын Птаха“. За Имхотепом стоит фараон, который сыплет из чаши зерно в открытый клюв гуся. Над фараоном следующая надпись: „Царь Верхнего и Нижнего Египта... сына Ра...“.

Вот, он правогласен в Широком зале, он покорил своих врагов, он овладел его (Сета) спиной, он схватил врагов за их волосы.

Говорится пророками, божьими отцами и жрецами: „Ликуйте вы, женщины Бусириса! Гор низверг его врагов! Радуйтесь, вы, жители Вечсет-Гор! Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, низверг того врага своего отца Осириса! О Веннофре, твоя сила — тебе, они... страхе перед тобой! Боги престолов испускают крики радости за тебя! Это Гор, защитник своего отца Осириса, сражающийся своими рогами, побеждающий ..., схватывающий Мерзкого, поражающий врагов!".

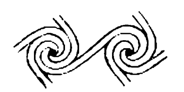
Принесение гуся, насыпание зерна в его рот. Говорить:

(Имхотеп):„... сын Исиды, сын Осириса, в этот благоприятный день, рукой царя Верхнего и Нижнего Египта..., сына Ра, Птолемея... который пришел... его благая змея. Он осветил Обе Земли своей красотой, его священные очи, его возлюбленные очи открыты... его свирепым дыханием ... кровь, чтобы укротить тело того, кто восстал против него. Правогласен Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба, над его врагами! Он (Сет) пал! — Повторить 4 раза. — Правогласна Хатор, владычица Дендера, и Тот дважды величайший, владыка Шмуну, — над их врагами! — Повторить 4 раза. — Правогласен царь Верхнего и Нижнего Египта ..., сын Ра, Птолемей, над его врагами! — Повторить 4 раза. — Гор своей мощью соединил Обе Земли! Сет низвергнут в образе гиппопотама! Соколица пришла к дому Гора и говорит своему сыну Гору".

(Исида): „Твои враги низко кланяются и навеки рассеяны, о ты, Мститель отца своего! Приди, да научу я тебя! Отправь его переднюю ногу к Дому князя для твоего отца Осириса, Просыпающегося здравым, и его голень — да останется в Деп для твоего великого отца Ипи-Сехедж! Пусть будет снесено его плечо в Уну для Тота, великого в долине! Дай его ребра Великому силой и его грудь — Унут. Дай большую долю мяса Хнуму в храме, его шею — Уто двух уреев, она — твоя великая мать! Дай его крестец Гору Извечному, великому богу, впервые воссуществовавшему! Дай жаркое из него птицам, совершающим суд в Джебаут! Дай его печень Сепа и его жир — демону болезни в Деп! Дай его кости Хему-иут, его сердце — Южноегипетской певице! Моя же — его передняя часть, моя и его задняя часть, ибо я — твоя мать, которую он притеснял! Дай его язык юным гарпунщикам, а лучшее из его внутренностей — ... Себе же возьми его голову и так овладей Белой короной и саном твоего отца Осириса! Все, что останется от него, сожги на жаровне Владычицы Обеих Земель! Ра дал тебе силу бога Монту, тебе, о Гор, радость!".

(Имхотеп): „Правогласен Гор Бехдетский, великий бог, владыка неба в Широком зале! Низвергнуты враги его отца Осириса, его матери Исиды, его отца Ра, Тота, владыки письмен, Девятки, Великого дворца, Абидоса, Нечеруи, Хут-нечер, Вечсет-Гор, Бехдета, Дендера, Хант-Иебет, и самого его величества, сына Ра, Птолемея, да живет он вечно!, возлюбленного Птахом!".

КОММЕНТАРИИ



СОТВОРЕНИЕ МИРА

(гелиопольское сказание)

[а] Текст гелиопольского сказания о сотворении мира написан в двух вариантах на папирусе, хранящемся в Британском музее под № 10188, известном также под названием папируса Бремнер-Ринд № 1 по именам предыдущих его владельцев. Папирус был найден в 1861 г. на западном берегу Нила, против Фив. Он датирован 12 г. Александра, сына Александра Македонского, т. е. 312—311 гг. до н. э., и принадлежал некоему Несмину, однако, текст восходит к древнейшим временам. Текст полностью издан Э. Баджем: E. Budge. Egyptian Hieratic Papyri in the British Museum. London, 1910. Последняя по времени иероглифическая транскрипция текста дана Р. Фолькнером: R. Faulkner. The papyrus Bremner-Rhind. Bibl. Aegypt., v. III, Bruxelles, 1933. Приведенный у нас первый вариант сказания содержится в строках 26, 21—27, 5 (стр. 59—61 в издании транскрипции Фолькнера). Последний перевод дан Р. Фолькнером: R. Faulkner. The Bremner-Rhind Papyrus, II. JEA, v. 23, 1937, стр. 172 и сл.; см. также: H. Grapow. Die Welt vor der Schöpfung, AZ, Bd. 67, 1951, стр. 34.

[б] Полное название текста: „Книга познания творений Ра и низвержения Апопа", т. е. исконного противника Ра — змея. Миф о сотворении мира составляет лишь начало текста, дальнейшее содержание которого состоит из различных заклинаний, читавшихся во время ритуала, имевшего целью предотвратить бурю, грозу и все, что могло помешать сиянию солнца.

[в] Хепра — одно из наименований солнечного бога. В тексте все время сочетание созвучий, дающих игру слов: „Хепра" — бог солнца, „хепер" — „существовать", „хепру" — „существования".

[г] Нун — первоначальный хаос, из которого возник бог солнца Ра.

[д] Шу — бог воздуха, сын Ра. Опять игра слов: „ишешни" — „я выплюнул" и Шу.

[е] Тефнут — сестра и супруга Шу, дочь Ра. Снова созвучия: „тефни" — „я изрыгнул" и Тефнут.

[ж] Око — обычное наименование для любимой дочери Ра, богини Тефнут — Хатор-Сохмет.

[з] В подлиннике игра слов: „ремит" — „слезы" и „ремет" — „люди".

[и] Вторым оком бога является луна.

[к] Второй вариант сказания содержится в строках 28, 20—29, 6 (стр. 69—72 издания транскрипции Фолькнера).

СОТВОРЕНИЕ МИРА

(мемфисское сказание)

[а] Текст составляет часть религиозной драмы, изданной К. Зетэ (K. Sethe. Dramatische Texte zu altaegyptischen Mysterienspielen. I. Das Denkmal memphitischer Theologie. Leipzig, 1928, стр. 50 и сл.).

СОТВОРЕНИЕ МИРА

(гераклеопольское сказание)

[а] Текст составляет часть известного политического трактата XXII в. до н. э.: „Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара", написанного на папирусе Государственного Эрмитажа № 1116 А (XV в. до н. э.). Текст издан: W. Golénі-

scheff. Les papyrus hiératiques №№ 1115, 1116 A, 1116 B de l'Ermitage. СПб., 1913, табл. XIII—XIV, строчки 130—138. О данном трактате см.: Р. И. Рубинштейн. 1) Поучение гераклеопольского царя своему сыну. Вестн. древн. истор., 1950, № 2, стр. 122; 2) Внутренняя политика фараона Ахтоя Уахкара. ВДИ, 1948, № 4, стр. 177; A. Volten. Zwei altaegyptische politische Schriften. Analecta aegyptiaca, v. IV, Kobenhavn, 1945, стр. 43—48.

СОТВОРЕНИЕ ЛУНЫ

[а] Текст сохранился в Книге Коровы (см. прим. „а" к сказанию „Истребление людей").

[б] Обе Земли — Египет.

[в] Гимн Амону-Ра из папируса № 3049 Берлинского музея.

НЕБО И ЗВЕЗДЫ

[а] Текст сохранился на западной части потолка комнаты саркофага в кенотафе Сети I в Абидосе. Текст является началом религиозной драмы, полное содержание которой нельзя перевести вследствие плохой сохранности текста. При написании его на потолке кенотафа Сети I текст не мог быть даже тогда переписан полностью, так как оригинал был или испорчен, или непонятен, и на потолке кенотафа остались незаполненные части строк. Издание текста: H. Frankfort. The Cenotaph of Seti I at Abydos, v. II. London, 1933, табл. LXXXIV. Переводы: A. de Buck. In: H. Frankfort. The Cenotaph. . ., v. I, стр. 82 и сл.; И. Г. Лифшиц. Новый вариант мифа о рождении и гибели солнца. Вестн. древн. истор., 1948, № 3, стр. 184—193 (в этой работе приводится ряд сведений и истолкований данного мифа); M. Stracmans. Nout et Kronos. Arch. orient., v. XX, № 3—4, Praha, 1952, стр. 410—416; H. Grapow. Die Himmelsgöttin Nwt als Mutterschwzin. AZ, Bd. 71, 1935 г. стр. 45.

[б] О переводе при подобном положении абсолютных личных местоимений см.: A. Gardiner. Egyptian Grammar. 2-e ed., London, 1950, стр. 424 (добавление к концу § 148, 1 на стр. 115).

[в] Как указывает де Бук, ссылаясь на текст солнечных часов в том же кенотафе Сети I, „dmj" означает технический астрономический термин (A. de Buck. In: H. Frankfort. The Cenotaph. . ., v. I, стр. 83, прим. 7).

[г] Неясное слово. Де Бук предлагает понимать его как то же слово „iw", которое обозначается иероглифом новорожденного теленка и которое, следовательно, могло обозначать новорожденное животное вообще. Возможно, что текст испорчен и что следует его читать: mśw. ś.

[д] Я перевожу „r" „выше, чем"; см. A. Gardiner. Egyptian Grammar, § 163, 7 и § 207.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ

[а] Текст высечен в гробницах фараонов Сети I (1313—1292 до н. э.) и Рамсеса III (1198—1167 до н. э.) в Долине царей, на западном берегу Нила около Фив. Рядом с текстом имеется большое изображение небесной коровы (см. рис. 1), откуда и самый текст в египтологической литературе носит название „Книга Коровы". Впервые текст из гр. Сети I опубликован Э. Навиллем: E. Naville. La destruction des hommes par les dieux. Tr. SBA, t. IV, стр. 1—19. Он же в VIII томе того же журнала издал и текст из гробницы Рамсеса III. Затем текст был обнаружен на втором футляре Тутанхамона. H. Carter. Tut-ench-Amun. II. Lpz. 1928, стр. 264.

[б] Древнейшие боги-предки.

[в] Нени-нисут — Гераклеополь.

[г] Диди — красный минерал.

[д] Имаит — один из эпитетов Хатор: Благостная, Любимая. Здесь употреблен для созвучия с названием города Имау. „Красавицы города Имау" — намек на неизвестный миф.

[е] См. главу I.

[ж] Ра, взойдя на небо на спине небесной коровы, продолжает творить мир. Творя небесные поля, сумерки и т. д., он произносит фразы, в которых употреблены слова, однозвучные с объектами творения. Так, он говорит: „Да упокоится поле великое". И вслед за этим появляются „Поля покоя", т. е. одно из мест небесного упокоения умерших душ. Аналогичные созвучия заключаются и в следующих фразах, произносимых им дальше: îh. t — „вещи" и îhhw — „сумерки".

РА И ЗМЕЙ

[а] Текст мифа написан на одном из иератических папирусов Туринского музея (W. Pleyte et F. Rossi. Papyrus de Turin. Leide, 1869—1876, табл. 31—77, стр. 131—138). Как видно по концу текста, он является заговором против укуса змей. Весь рассказ об укусе змеем солнечного бога Ра и исцелении последнего заклинаниями богини Исиды служит магическим прообразом для каждого, подвергшегося укусу змеи: как был исцелен Ра, так да исцелится и имя рек от прочтенных заклятий. В последней фразе указывается даже над изображениями каких именно божеств должен читаться текст.

[б] Исида считалась мудрейшей богиней, владычицей чар.

[в] „Девятка" богов гелиопольского цикла: Ра-Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет и Нефтида.

[г] По представлениям египтян, в имени заключена часть сущности человека или божества. Знание имени кого-либо отдает его во власть узнавшего имя. Уничтожение имени на гробнице, храмовой надписи и т. п. влечет гибель души данного человека на том свете. (См.: М. Э. Матье. Формула m. rn, k. Зап. Колл. востоковедов, т. IV, Л. 1930, стр. 33).

[д] Ладья миллионов лет — обычное название ладьи бога солнца Ра.

[е] Эта фраза объясняет заговорное назначение всего текста.

ГИМН НИЛУ

(времени Среднего царства)

[а] Текст сохранился на папирусах Саллье II и Анастази VII, на остраконе собрания В. С. Голенищева в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и на фрагментах папирусов в Туринском музее (См.: G. Maspero. Hymne au Nil. Bibl. d'étude, t. 5, Le Caire, 1912; H. Grapow. Zwei Fragments einer Handschrift des Nilhymnus in Turin. AZ, Bd. 52, 1914, стр. 103—106).

[б] Геб — бог земли.

[в] Непри — бог зерна.

[г] По мемфисскому сказанию о сотворении мира Птах — творец вселенной, богов и людей (см. перевод этого сказания на стр. 84).

[д] Ит-тауи — столица Египта в XX—XVIII вв. до н. э., находившаяся в Фаюме.

[е] Нейт — древняя богиня города Саиса; согласно легенде, Нейт во время разлива Нила рождает бога-крокодила Собека.

[ж] См. прим. „в" к предыдущему мифу.

[з] Хапи — древнеегипетское имя Нила (см.: A. de Buck. On the meaning of the name Hepj. Orient. Neerlandica. Leiden, 1948, стр. 1—22).

ГИМН НИЛУ

(времени Нового царства)

[а] Текст высечен на четырех стелах фараонов Сети I, Рамсеса II, Мернепта и Рамсеса III на скалах около Сильсилэ, в том месте, где находится как бы естественная граница Египта и Нубии, и представляет собой первую часть официального царского указа о ежегодных приношениях Нилу. Сводный текст всех четырех стел см.: P. Barguet. Les stèles du Nil au Gebel Silsileh. BIFAO, t. 50, 1952, стр. 49—63, табл. I—III.

[б] В Девятку, почитавшуюся на юге Египта, входило, повидимому, 6 богов: Нун, Ниу, Хех, Шу, Тот и Птах (см.: P. Barguet. Les steles du Nil..., стр. 58, прим. 1). Эта Девятка упоминается в следующих местах: E. Chassinat. Edfou, t. II, 255, t. XII, 411 и 412; Синухет, В 209; Книга Мертвых, гл. 14а (E. Naville. Todtenbuch, I, табл. CLXXI, гл. 149а); G. Legrain, Annales, IV, стр. 216—217.

[в] Дома свитков — библиотеки (свитки—папирусы).

[г] Хени — ныне Сильсилэ (см.: A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 6).

[д] Далее следует указание, что так как благодаря разливам становятся доступными для земледелия новые земли, то царь повелевает приносить жертвы „Амону-Ра, царю богов, Хапи, отцу богов и совету богов Юга, главенствующему на волнах", дважды в год: во время разлива и во время низкой воды, причем праздник продолжается сутки. Перед списком жертв стоит следующее интересное заглавие: „Список жертв, которые будут приноситься всем богам и Нуну в день, когда бросают в воду „книгу Хапи". О книге Хапи, которую по обычаю фараон бросал в воду в начале

разлива с приказанием Нилу начать разлив см.: папирус Харрис I, 37в — о книгах Хапи и о ритуале в Пер-Хапи в Гелиополе (A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 127); о дате этого „бросания" (I хойака) см.: H. Brugsch. Thesaurus Inscriptionum Aegyptiacarum. Leipzig, 1883—1891, стр. 335; ср.: H. Brugsch. Drei Festkalender des Tempels von Apollinopolis Magna, Bd. VI—VII; LD, IV, 77: „В 4-й месяц времени наводнения, 1 день... праздник «бросания книги Хапи» жертвы: жертвы Хапи хлебом, пивом, быками, птицей, вином, молоком, маслами, благовонием cgy. t. из Дельты, зелеными растениями, всякими вещами прекрасными, чистыми" (P. Barguet. Les steles du Nil..., стр. 63, прим. 1).

ИСИДА И НЕФТИДА НАХОДЯТ ТЕЛО ОСИРИСА

[а] Тексты Пирамид, §§ 1255, 1256, 1280—1282.

ПЛАЧ ИСИДЫ И НЕФТИДЫ

[а] Текст написан в начале большого папируса, хранящегося в Британском музее за № 10188 I, 1—XV, 12, и известного также под названием папируса Бремнер-Риид № 1 по именам предыдущих его владельцев.

Последний по времени записи текст папируса датирован 12 г. Александра, сына Александра Македонского, т. е. 312—311 г. до н. э. Начальные строки „Плача" раскрывают их назначение: „Начало песен праздника двух соколиц, который празднуется в храме Осириса, первого западных, бога великого, владыки Абидоса, в четвертый месяц наводнения, с 22-го дня по 26-й день. Да будет очищен весь храм, и да будут введены две женщины, чистые телом, девственницы, и да будут удалены волосы с их тела, и надеты парики на их головы... бубны в их руках, и написаны имена их на плечах их, чтобы (изображать) Исиду и Нефтиду, и да поют они из песен этого свитка пред этим богом". Таким образом, перед нами текст ритуального оплакивания умершего Осириса, которое должны были совершать во время мистерии Осириса две жрицы, исполнявшие роли Исиды и Нефтиды.

Полное издание текста: E. Budge. Egyptian Hieratic Papyri. London, 1910, табл. I—XIX, с иероглифической транскрипцией и переводом. Последняя по времени иероглифическая транскрипция текста: R. Faulkner. The papyrus Bremner-Rhind. Bibl. Aegypt., III, Bruxelles, 1933, стр. 1—32. Им же дан новый перевод с комментариями в XXII т. JEA (1936, стр. 121—140).

[б] Обе страны — Египет.

[в] Край безмолвия — преисподняя.

ИСИДА И СЕМЬ СКОРПИОНОВ

[а] Текст написан на так называемой „Стеле Гора на крокодилах" из бывш. коллекции Меттерниха (ныне в Метрополитэнском музее в Нью-Йорке). Текст издан В. Голенищевым: W. Golénischeff. Die Metternichstele. Leipzig, 1877, оборотная сторона стелы, строчки 48—70; см. также: N. Scott. The Metternich Stela. Bull. of the Metropol. Mus. of Art. New York, April, 1951, v. IX, № 8. стр. 201—218.

Такие стелы представляют собой плиты большего или меньшего размера, на которых в центре изображен Гор-младенец, попирающий ногами крокодилов и сжимающий в обеих руках скорпионов, змей, гиппопотамов и пр. Тексты, написанные на подобных стелах, содержат заклинания и заговоры против укусов змей, скорпионов и т. п. (см. библиографию о таких стелах: K. Seele. Horus on the crocodiles, JNES, 6, 1945, стр. 43—51; B. van de Walle. La Cippe d'Horus découverte par J. Bruce à Axoum. Chronique d'Egypte, № 56, Bruxelles, 1953, стр. 228—246). Стелы обливали водой, которая после этого считалась целебной, и ее давали пить людям, укушенным змеями или скорпионами (см.: P. Lacau. Les Statues guérisseuses dans l'ancienne Egypte. Monum. et mém. publiée par l'Acad. des Inscr. et Belles Lettres, Fondation Eugène Piot., t. XXV, Paris, 1921—1922, стр. 190—209; G. Lefebvre. La statue „guérisseuse" du Musée du Louvre. Bull. de l'Ins. Fr. d'archéol. orient., Le Caire, 1930, t. 30, стр. 89—96).

Среди заговоров, написанных на таких стелах, встречаются мифы, в которых содержатся упоминания об исцелении ужаленных богов и людей, причем в конце добавляются уверения о том, что подобно тому, как произошло рассказанное в мифе исцеление, точно так же исцелится и тот больной, над которым произносится данный заговор.

Стела Меттерниха — самая большая из известных памятников подобного рода и содержит наибольшее количество изображений и текстов. Среди последних, помимо

данного мифа, имеется и текст сказания о пребывании Исиды и Гора в болотах Дельты, перевод которого дан на стр. 100—103.

Содержанием мифа „Исида и семь скорпионов“ является один из эпизодов осирического цикла, а именно бегство Исиды после смерти Осириса. Спасаясь от преследований Сета, Исида спешит укрыться в болотистых зарослях Дельты, что ей и удается сделать. Там она рождает Гора.

Как указывает В. С. Голенищев в комментариях в упомянутой публикации (стр. 8), миф об „Исиде и семи скорпионах“ известен еще в двух вариантах: в тексте папируса № 9965 Британского музея и на „стеле Гора на крокодилах“ № А-1053 Лейденского музея. Этьен Дриотон в своей работе о египетском театре рассматривает данный текст как религиозную драму (E. Drioton. Le Théâtre égyptien. Le Caire 1942, стр. 82 и сл.), что мне представляется неубедительным.

[б] Данная строчка имеется в папирусе № 9965 Британского музея, на стеле же коллекции Меттерниха она отсутствует (W. Golénischeff. Die Metternichstele, стр. 8, прим. 1).

[в] Под „Черным“ и „Красным“ Дриотон предлагает понимать Осириса и Сета. Всей своей речью Исида убеждает скорпионов итти очень осторожно, чтобы не привлечь к ней внимания и тем самым дать ей возможность беспрепятственно достигнуть Дельты.

[г] Болота Дельты являлись для Исиды спасением от Сета. В этом смысле она и называет их „концом клетки“.

[д] Под небом Исида подразумевает себя.

[е] „Яйцо гуся, вышедшее из сикоморы“ — намек на яйцо, снесенное Великим Гоготуном (см. стр. 18). Сикомора — священное дерево, дерево жизни.

[ж] Намек на миф об исцелении Гора от укуса скорпиона (см. перевод сказания „Исида и Гор в болотах дельты“ стр. 100). Появление этого намека в данном мифе неуместно, так как Гор еще не рожден и эпизод с его исцелением относится к более позднему времени, но подобного рода несогласованности встречаются в мифах неоднократно.

[з] Указание на то, что при произнесении заговора одновременно следовало дать больному съесть ячменный хлеб с солью, явно подчеркивает заговорный характер текста. В тексте стелы Меттерниха оно отсутствует и взято из папируса № 9965 Британского музея.

РОЖДЕНИЕ ГОРА

[а] Текст сохранился на двух саркофагах из Ассиута так называемого гераклеопольского периода — XXII в. до н. э. Издание текста см.: P. Lacau. Textes religieux égyptiens. Paris, 1910, гл. XVII—XVIII, стр. 37—43; A. de Buck. The Egyptian Coffin texts, II. Chicago, 1938, стр. 209—226. Дриотон предлагает понимать данный текст как религиозную драму (E. Drioton. Le Théâtre égyptien, стр. 54—67).

[б] „Стены Дома тайного именем“ — очевидно, дома отца Гора, Осириса.

[в] Очевидно, имеется в виду наступающая старость Атума, радующегося рождению Гора, которому он сможет передать управление Египтом (ср. перевод сказания „Истребление людей“).

ИСИДА И ГОР В БОЛОТАХ ДЕЛЬТЫ

[а] Текст сохранился в заговоре, написанном на правой стороне той же стелы из бывш. коллекции Меттерниха, на которой имеется и текст мифа „Исида и семь скорпионов“ (см. прим. „а“ на стр. 144). Текст сказания „Исида и Гор в болотах Дельты“ является частью большого заговора от укуса скорпиона. Издан текст В. С. Голенищевым: W. Golénischeff. Die Metternichstele, строчки 168 и сл.; см. также: A. Moret. Horus Sauveur. Rev. de l'hist. des religions, t. LXXV, Paris, 1915, стр. 139 и сл. Второй вариант текста был обнаружен значительно позднее на базе статуэтки из собрания Бехаг, ныне находящейся в Лейденском музее [A. Klasens. A magical statue base (socle Behague) in the Museum of Antiquities of Leiden. Leyde, 1952]. Эта статуэтка принадлежала к упомянутым в прим. „а“ на стр. 144 памятникам, которые обливались водой, считавшейся после этого целебной от укусов скорпионов и змей. Описание базы статуэтки см.: E. Drioton. Religion et magie. Rev. de l'Egypte ancienne, t. I, Paris, 1928, стр. 134; издание текста: E. Drioton. Une scène des mystères d'Horus. Rev. de l'Egypte ancienne. t. II, Paris, 1929, стр. 172—199. Благодаря тексту на базе статуэтки из собрания Бехаг появилась возможность уточнить чтение некоторых мест стелы Меттерниха и установить правильный порядок строк конца сказания, а именно: строчки на стеле Меттерниха надо

читать в следующем порядке: 246a, 244, 245, 246a, 248b, 249a, 249b, 247, 248a. В указанной выше статье Дриотон считает текст сказания „Исида и Гор в болотах Дельты“ мистерией; мне он представляется все же заговором, хотя и имеющим драматизованную форму.

[б] Дриотон считает, что это была знатная женщина данной области. Мне представляется, что это неверно и что здесь выведена богиня, на что указывает наличие у нее в руке знака жизни („анх“), который всегда изображается в руках египетских божеств.

[в] Серкет — богиня Скорпион.

[г] Ладья бесконечности — ладья бога солнца Ра.

[д] Очи бога неба — солнце и луна.

СПОР ГОРА С СЕТОМ

[а] Текст мифа написан на папирусе, находящемся в частной коллекции Честер Бити (Англия) и известном под названием „Папирус Честер Бити № 1“. Впервые опубликован А. Гардинером в 1931 г. (A. Gardiner. The Chester Beatty Papyri, № 1. London). Текст занимает часть огромного (длиной в 5.02 м) папируса, содержащего ряд текстов, в том числе сборник прекрасных любовных стихотворений. Папирус написан в Фивах около 1160 г. до н. э. К этому времени следует отнести данную литературную обработку мифа, на что указывает и язык, а также появление в тексте азиатских богинь Анат и Астарты в качестве дочерей бога Ра. Самое же ядро мифа — спор Гора с Сетом и обоснование прав их обоих на наследие Осириса — относится к древнейшим временам (см. главу III). Подразделение на главы сделано мною в целях облегчения чтения текста.

[б] Владыка вселенной — бог солнца Ра-Хорахте.

[в] Птах, как отмечает Гардинер (A. Gardiner. The Chester Beatty Papyri, № 1, стр. 13, прим. 3), играет в данном тексте роль демиурга, этим объясняется и то, что он назван отцом и Осириса и Ра, что необычно.

[г] Видимо, намек на часть судебного церемониала. Какое именно „око“ имеется в виду в данном случае, сказать трудно: око ли солнечного бога (т. е. его дочь) или же око Гора, которым последний воскресил Осириса и которое в египетском ритуале является символическим наименованием для всех жертв и даров.

[д] Атум, солнечный бог Гелиополя. В данном тексте не вполне понятно соотношение Атума и Ра-Хорахте: местами они мыслятся как одно божество, тогда как местами, наоборот, они прямо противопоставляются друг другу.

[е] Веннофре („Существо благое“) — одно из имен Осириса.

[ж] Белая Корона — Корона Верхнего, т. е. Южного, Египта.

[з] Ибисоголовый Тот — бог письма и мудрости, писец богов.

[и] Онурис — бог-воин, почитавшийся в Тинисе.

[к] Банебдедет — священный баран, почитавшийся в Мендесе.

[л] Сетит — остров Сехель около первого Нильского порога.

[м] Нейт — богиня города Саиса.

[н] Послание составлено по обычному образцу египетских писем, причем вначале перечисляются титулы Ра.

[о] Азиатские богини, культ которых проник в Египет в эпоху Нового царства (так, старшая и любимая дочь Рамсеса II носила имя Бент-Анат, что значит „дочь Анат“) и отразился в египетской литературе (Amhest Papyri, Pap. Chester Beatty, VIII; см. прим. „г“ к переводу сказания „Гор Бехдетский, Крылатое Солнце“). Несомненно, в древнейшем варианте мифа стояли другие имена.

[п] „Мабаит“ — „Тридцатка“ — обычно обозначает коллегию верховных чиновников Южного Египта, состоящую из 30 человек. Здесь отнесено к Девятке богов.

[р] Малоизвестное божество в виде обезьяны.

[с] Смысл фразы, сказанной Бабаи, заключается, видимо, в том, что никто не будет отныне слушаться Ра, и его ковчег будет пуст.

[т] Хатор — дочь Ра, богиня любви и красоты.

[у] Материалы по мифу о Сете в ладье Ра см.: G. Nagel. Set dans la barque solaire. BIFAO, t. 28, Le Caire, 1929, стр. 33—39.

[ф] Дебен — единица веса, равная 91 г.

[х] В этих словах Исиды, как и в последующем ее разговоре с Сетом, заключается двусмысленность, основанная на однозвучности слов „ỉзw. t“ — „скот“ и ỉзw. t“ — „звание, „должность“ (в данном случае „царский сан“). Благодаря этой игре слов, Сет думает, что речь идет о „скоте“, тогда как Исида втайне подразумевает „царский сан“ Осириса.

[ц] Видимо, золото являлось табу для места, где был культ Анти.

[ч] Об этом эпизоде см.: Папирус Саллье IV, recto, 2,6 и сл,

[ш] Об этом эпизоде см.: Папирус Саллье IV, recto, 2,6 и сл.; Plut. De Iside. . . , 19.

[ш] Вначале послания стоит титулатура Ра, составленная по образцу полной титулатуры фараонов, состоявшей из пяти имен: 1) имя фараона как Тельца, 2) имя его как Владыки обеих диадем, 3) как Золотого Гора, 4) как царя Верхнего и Нижнего Египта и 5) как сына Ра. Последнее формулировано для Ра как сын Птаха, поскольку речь идет о самом Ра.

[э] Характерно данное Осирису царское имя: „Великий обилием, Владыка пищи“, подчеркивающее, что он является олицетворением производительных сил природы.

[ш] Египетское название современного Саха (по-гречески — Ксоис) — города, лежащего на севере Дельты.

[ю] Эпитет Птаха Мемфисского. Анх-Тауи — квартал в Мемфисе.

[я] Фраза, обычно заключающая текст.

ВОСКРЕСЕНИЕ ОСИРИСА

[а] Тексты, описывающие воскресение Осириса, находятся в различных частях Текстов Пирамид.

[б] Изречение 670, §§ 1973, 1975—1977, 1981, 1986.

[в] Изречение 364, §§ 609—613, 617—621.

[г] Изречение 356, §§ 575—582.

[д] Изречение 703, § 2202.

[е] Изречение 367, §§ 634—635.

[ж] Изречение 593, § 1627.

[з] Изречение 641, §§ 1813—1815.

[и] Изречение 662, §§ 1878—1880.

[к] Изречение 690, § 2092.

[л] Изречение 577, §§ 1520—1522, 1525—1526.

ГИМН ОСИРИСУ

[а] Текст написан на стеле начальника стад бога Амона Амонмеса, XV в. до н. э. Стела ранее находилась в парижской Национальной библиотеке под № 20, а с 1919 г. находится в Лувре под № С-286 (см.: Ch. Boreux. Guide catalogue sommaire, I. Paris, 1932, стр. 156). Издание текста: E. Legrain. Les monuments égyptiens de la Bibliothèque Nationale. Bibl. de l'école des Hautes Etudes, fasc. 38, 47, Paris, 1879; новое издание: A. Moret. La légende d'Osiris à l'époque thébaine d'après l'hymne a Osiris du Louvre. BIFAO, XXX, стр. 725—750, табл. I—III. Хотя стела Амонмеса относится к XV в. до н. э., однако гимн следует датировать Средним царством; на это указывает, в частности, характерная для Среднего царства форма филиации: „Осириса сын Гор“, вместо „Гор, сын Осириса“ (см.: H. Grapow. Das Alter des Osirishymnus zu Paris. AZ, Bd. 73, 1937, стр. 75).

[б] Непри — бог зерна.

ГОР И ЧЕРНАЯ СВИНЬЯ

[а] Текст составляет часть 112-й главы Книги Мертвых (E. Naville. Le chapitre 112 du Livre des morts. Rev. de l'Egypte ancienne, t. I, Paris, 1925—1927, стр. 245 и сл.). Э. Навилль дает критический разбор предшествующих переводов и особенно возражает К. Зетэ, который не учел всех вариантов данной главы (K. Sethe. Die Sprüche für das kennen der Seelen der heiligen Orte. AZ, Bd. 58, 1923, стр. 2),

[б] Навилль считает, что Зетэ спутал говорящих и приписал эти слова Ра; Навилль указывает, что при чтении Зетэ текст не имеет смысла, тогда как, если признать, что Гор просит разрешения у Ра взглянуть на его творения, то текст становится вполне понятным: Гор пытается смотреть на всю вселенную так же, как это делает только сам Ра, и не выдерживает испытания.

[в] См. стр. 83.

[г] О связи свиньи с Сетом и луной см.: H. Bonnet. Realexicon der ägyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952, стр. 690—691.

СКАЗАНИЕ О ГОРЕ БЕХДЕТСКОМ, КРЫЛАТОМ СОЛНЦЕ

[а] Миф о Горе Бехдетском принадлежит к числу основных древнейших египетских мифов. Его возникновение относится в главных чертах еще к отдаленному времени образования единого государства в долине Нила. Борьба главных героев

мифа — враждующих за власть над всем Египтом богов Гора и Сета — в тот период отразила борьбу двух крупных территориальных объединений: Южного и Северного Египтов. В этой борьбе Гор первоначально олицетворял Северный Египет, так как его культ, повидимому, возник в Бехдет, поселении, находившемся в Восточной Дельте (современный Телль эль-Баламун, около 20 км от Средиземного моря и в 25 км к юго-западу от Дамиэтты). (См.: A. Gardiner. 1) Horus the Behdetite. JEA, v. 30, 1944, стр. 23—60; 2) Onomastica, Text, v. II, стр. 181). В свою очередь Сет олицетворял Южный Египет. Культ Сета с древнейших времен существовал в верхнеегипетском городе Небет (Омбос, около современного поселения Тух, на левом берегу Нила, почти против Коптоса). (См.: A. Gardiner. Horus the Behdetite, стр. 23, прим. 5; Onomastica, Text, v. II, стр. 28—29). В египтологической литературе раньше местом культа Сета ошибочно считали город Небит (Ком Омбо) к северу от Элефантины.

Обстоятельства борьбы Юга и Севера до сих пор в точности не установлены. Повидимому, она проходила с переменным успехом и не прекратилась даже после объединения всего Египта в единое государство Менесом около 3200 г. до н. э. (см. прим. „в“ к этому сказанию).

В процессе этой борьбы культ Гора Бехдетского был перенесен на юг и уже ко времени III династии (XXX в. до н. э.) стал главным культом столицы II верхнеегипетского нома — города Эдфу (древнеегипетск. Эджбо), который отныне наряду со своим прежним именем стал называться Бехдет по имени первоначального места почитания Гора в Дельте (см.: A. Gardiner. 1) Horus the Behdedite, стр. 23 и сл.; 2) Onomastica, Text, v. II, стр. 7).

Гор Бехдетский и при переносе его культа в Эдфу сохранил свой характер солярного божества. В то же время, как покровитель объединенного Египта, Гор Бехдетский рано приобретает роль покровителя фараонов. Этим объясняется все увеличивавшаяся тесная связь культа Гора с египетским царским культом, отразившаяся, в частности, на иконографии Гора. Он изображается в обычном одеянии и головном уборе фараонов (хотя он и сохраняет при этом голову сокола — пережиток древнейших тотемистических представлений родового строя), получает свойственные царям Египта титулы: „благой бог“ и „владыка Обеих Земель“. В силу этих же причин миф о Горе (см.: A. Gardiner. Horus the Behdetite, стр. 48, особенно прим. 4, 49, 50). Бехдетском приобретает некоторые особые черты: Гор объявляется сыном верховного бога Египта Ра, который, согласно мифу, некогда царствовал в Египте и сыновьями которого считались фараоны. Как старший сын Ра, Гор становится его верным и грозным защитником против всяких врагов. Этими врагами в мифе являются „мятежники“, пытающиеся восстать против Ра и имеющие обычные для противников солярного божества образы водяных чудовищ — крокодилов, гиппопотамов, змей. Однако миф о Горе Бехдетском очень рано приобретает политический характер, так как под врагами Ра начинают подразумевать врагов царя. Это находит своеобразное отражение в ритуале Гора Бехдетского, в частности в мистериях эдфусского храма (см. главу IV).

Следует отметить известную связь мифа о Горе Бехдетском с мифом об Осирисе. Когда последний получил всеегипетское распространение (см. главу III), борьба Гора Бехдетского с Сетом стала сопоставляться с борьбой Гора, сына Исиды и Осириса, с Сетом — убийцей Осириса, и оба мифа тесно переплелись между собой. Неудивительно поэтому, что мы встречаем то Гора, сына Исиды, помогающим Гору Бехдетскому в борьбе с врагами Ра — крокодилами и гиппопотамами, то, наоборот, Гора Бехдетского оказывающим покровительство и поддержку Гору, сыну Исиды, в его борьбе с смертельным врагом его отца.

Полный текст мифа о Горе Бехдетском сохранился лишь от времен Птолемеев, хотя отдельные сведения о нем встречаются в различных текстах гораздо раньше. Текст „Сказания“ высечен среди других текстов, относящихся к мифу и культу Гора Бехдетского, на внутренней стороне западной стены храма Гора в Эдфу, построенного при Птолемеях. Текст представляет собой запись религиозной драмы, совершавшейся в храме, и сопровожден рельефами, воспроизводящими отдельные эпизоды драмы и помогающими ее истолкованию. Как показывает первый рельеф (см. стр. 119—120), участником этого культового представления был и фараон, который начинал его совершением ритуала „поднятия неба“. Драматургическая обстановка мистерии и ее политический характер показаны в IV главе настоящей работы.

Последнее издание текста см.: E. Chassinat. Edfou, t. VI, стр. 108—132; t. XIII, табл. 518—533; последний перевод — H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfou-I, JEA, v. XXI, 1935, стр. 26—36.

[б] Я перевожу употребленное в данном месте текста неясное по транскрипции и значению слово [иероглифы] словом „бог“, а не „царь“, как это делает Фэрман

(H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfou-I, стр. 27), потому что весь контекст показывает, что здесь имеется в виду Гор Бехдетский.

[в] „Год 363 царя Верховного и Нижнего Египта Ра-Хорахте" — эта датировка, повидимому, свидетельствует о существовании своеобразной „эры правления Ра", связанной с мифом о боге Ра как первом царе Египта. Ньюберри высказал предположение о том, что исходной датой „эры Ра" считалось объединение Египта Менесом около 3200 г. до н. э. В таком случае 363 г. „эры Ра" приходился приблизительно на годы правления фараона II династии Периебсена, который был, видимо, представителем поклонников Сета, так как над его именем изображается животное Сета, а не сокол бога Гора, обычно возглавляющий титулатуру фараонов, начиная с I династии (P. Newberry. The Set Rebellion ot the II-nd Dynasty. Ancient Egypt, London, 1922, вып. II, стр. 40—46. См. также: A. Gardiner. Horus the Behdetite, стр. 46). Очевидно, объединение Египта Менесом не было еще настолько прочным, чтобы окончательно пресечь длительную борьбу отдельных частей долины Нила за господство над всей ее территорией. Торжество сторонников Сета при Периебсене было, однако, непродолжительным, и вскоре поклонники Гора опять и уже более прочно завладели престолом вновь объединенного ими под своей властью Египта. Характерно, что наряду с существованием „эры Ра" позднее появилась и „эра Сета", как об этом свидетельствует знаменитая „стела 400-го года правления Сета", найденная в Танисе (В. В. Струве. Манефон и его время, II. Зап. Колл. востоковедов, т. IV, Л., 1930, стр. 188 и сл. — P. Montet. Le drame d'Avaris. Paris, 1941, стр. 111 и сл.).

[г] Культ Астарты получает распространение в Египте начиная со второй половины Нового царства вследствие усиления связей Египта с Передней Азией. Одновременно Астарта появляется в египетских мифах (см. прим. „о" на стр. 146). Как в мифе „Спор Гора с Сетом", так и здесь Астарта изображена дочерью Ра; возможно, что этому способствовало известное сходство образов Астарты и Хатор-Тефнут, любимой дочери Ра, его Ока, которая выступает в египетских мифах постоянной спутницей и защитницей своего отца (см. стр. 86). Думаю, что именно этим и объясняется тот факт, что Астарта изображена на рельефе храма Эдфу с головой львицы, т. е. так, как изображалась грозная дочь Ра, богиня Сохмет-Хатор-Тефнут.

[д] Здесь происходит обычная в египетских религиозных текстах игра слов. Текст объясняет название города Эдфу — Эджбо — следующей игрой слов: Ра говорит Тоту: „мои враги наказаны", причем для слова „наказаны" здесь применен глагол „джеб".

[е] Нехбет и Уаджит — богини-покровительницы Верхнего и Нижнего Египта.

[ж] Итеру — египетская мера длины (греч. — схойн), равная 10.5 км.

[з] В оригинале стоит слово „hn. t.", которое, как показал Гардинер (A. Gardiner. 1) The name of Lake Moeris. JEA, v. 29, 1943, стр. 37 и сл.; 2) Onomastica, Text, v. II, стр. 116), следует переводить — „озеро", „бассейн". Ранее под этим словом понимали обычно „канал" (Словарь египетского языка, III, стр. 105). Как известно, это слово с предшествующим „ге" — „устье" — являлось наименованием местности, расположенной при устье канала, соединявшего Нил с Фаюмским озером (древнеегипетск. — Рехонэ, коптск. — Лехонэ, современный — эль Лахун). Фэрман и переводит данное место в тексте мифа как Лахун, не соглашаясь с Редером, который переводит его просто словом „канал". Мне думается, что здесь следует принять значение „озеро" и что текст имел в виду определенное озеро, а именно Меридово. Как видно из материала, приведенного в указанной статье Гардинера, Меридово озеро и называлось в древности „Озеро (h. n. t) города Мерур". С таким пониманием слова „h. n. t" в сказании о Крылатом Солнце вполне согласуется и весь контекст, а именно места всех битв Гора Бехдетского с его врагами последовательно расположены с юга на север, начиная от Эдфу (Эдфу, Фивы, Дендера, Хебену, Мерет — столица XIX нома, Нереф — некрополь Абусира эль-Мелек); враги, убегая по Нилу к северу после каждого поражения, „обращают свои лица" не к какому-нибудь определенному городу или местности, а в каждом подобном случае указывается лишь общее направление бегства врагов: Верхний Египет после Фив и соответственно „Нижний Египет от Озера до моря" — после Дендера и Хебену. Таким образом, как мне представляется, в этих двух последних случаях указано все пространство от Фаюма до моря, а отнюдь не определенный канал или Лахун.

[и] Хебену — город на правом берегу Нила в XVI верхнеегипетском номе, соврем. Ком эль-Ахмар (см.: A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 90—91). Текст объясняет происхождение названия Хебену опять созвучием последнего с глаголом „хебен" — „отгонять".

[к] В имени жреца Гора в Хебену текст вскрывает связь с мифом о победе Гора над Сетом. Как указывалось в описании рельефа, иллюстрирующего данный эпизод

текста, Гор изображен стоящим на антилопе, которую он пронзает копьем. Об антилопе как одном из воплощений Сета см.: H. Bonnet. Realexicon..., стр. 40.

[л] Хет — „палка“ — мера длины, равная 100 локтей, т. е. 52 м.

[м] Мерет — столица XIX верхнеегипетского нома Меру (Оксиринх). Здесь почитался Сет, о чем свидетельствует ряд текстов (см. A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 110); очевидно, вследствие этого текст сказания и помещает одно из наиболее упорных сражений Гора именно в номе Меру.

[н] О Пер-Рехеви см.: H. Gauthier. Dictionnaire des noms géographiques, contenus dans les textes hiéroglyphiques, t. II.

[о] Тиби — пятый месяц египетского календаря.

[п] Бэ — условное обозначение для Сета, употребляемое в поздний период, чтобы не называть его имени (Словарь египетского языка, I, стр. 410). Б. А. Тураев истолковывает это обозначение как „место“ (История классического Востока. СПб., 1912, т. II, стр. 239).

[р] Характерно, что именно деревья „има“ (финиковая пальма?) или их ветви ставили как раз на носу священной ладьи во время коронационных мистерий (см.: K. Sethe. Der Dramatische Ramesseumspapyrus, I. Berlin, 1928, стр. 125). Дерево „има“ было связано с культом Осириса (там же, стр. 139).

[с] Дерево „шенедж“ — акация, согласно легенде, росло у гробницы Осириса (Словарь египетского языка, IV, стр. 521).

[т] Нереф — некрополь у Абусир эль-Мелек (Словарь египетского языка, II, стр. 916). Гардинер приводит ряд материалов как в пользу такого определения Нерефа, так и в пользу сопоставления его с Гераклеополем (A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 114). Мне все же представляется, что отождествление Нерефа с некрополем Абусир эль-Мелек более убедительно. „Великий бог в Нерефе“ — Осирис.

[у] Красный цвет как цвет огня и пустыни вообще был присвоен Сету, которому были посвящены красные, т. е. рыжие, животные. Рыжие люди также считались принадлежавшими Сету. Отсюда понятно употребление в ритуале фигурки гиппопотама из красной яшмы для олицетворения Сета.

[ф] Гелиополь, называвшийся „Северный Он“ в противоположность „Южному Ону“ — Гермонтису.

[х] Тэль-Чару (Силэ) — город в Восточной Дельте, столица XIV нижнеегипетского нома; местное львинообразное божество было сопоставлено с Гором (см.: A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 202).

[ц] Шас-херет — местность в Нубии (см.: H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfou-I, стр. 35, прим. 2; S. Saunneron et J. Yoyotte. Le campagne Nubienne de Psammétique II et sa singnification historique. BIFAO, t. L, 1952, стр. 177).

[ч] Снова игра слов: Вават — Нубия и глагол „вава“ — „злоумышлять“.

[ш] Нехбет и Буто — богини-покровительницы Верхнего и Нижнего Египта.

ПОБЕДА ГОРА

[а] Этот миф является интересным свидетельством переплетения сказания о Горе Бехдетском и о Горе, сыне Исиды (см. прим. „а“ на стр. 148). Хотя главное действующее лицо данного мифа, бог Гор, и носит иногда эпитеты Гора Бехдетского, однако совершенно ясно, что здесь изображен Гор, сын Исиды и Осириса. Это видно и по всему содержанию мифа, и по эпитетам Гора, и по тому, что его сопровождает его мать Исида. Текст мифа высечен на внутренней стороне восточной стены храма Гора в Эдфу, построенного Птолемеями. Текст является религиозной драмой, совершавшейся на священном озере храма Гора в Эдфу, так называемом „озере Гора“ (см.: A. M. Blackman and H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfu-II. JEA, v. 30, 1944, стр. 16—17).

Издание текста: E. Chassinat. Edfou, t. VI, стр. 60—90; t. XIII, табл. 494—514. Перевод текста с комментариями см.: A. M. Blackman and H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfu-II. JEA, v. 28, 1942, стр. 32—38; v. 29, 1943, стр. 2—36; v. 30, 1944, стр. 5—22 и 79—80. Однако ни порядок строк, принятый в иероглифической транскрипции в издании Шассина, ни порядок строк в переводе Блэкмана и Фэрмана мне не представляется всегда убедительным. Изучение фотографий той части стены храма Гора в Эдфу, где высечены тексты и рельефы мифа „Победа Гора“ и „Сказания о Горе Бехдетском, Крылатом Солнце“, показывает, что обе драмы построены одинаково. Сначала в обоих случаях идет нечто вроде введения, как бы излагающего содержание произведения: в „Сказании о Горе Бехдетском“ — это табл. 196—194, в мифе о победе Гора — табл. 519—518. Здесь даны

все главные действующие лица. Затем слева (тексты и рельефы развертываются справа налево), после текста с титулом фараона, и там и тут начинается связный текст, явно излагающий начало действия драмы, ибо он так и озаглавлен: „Начало". Отсюда ясно, что текст с титулом фараона читается именно последним в каждом рельефе и что столбцы связного текста после каждого рельефа, содержащие, между прочим, хоровые партии, должны читаться после рельефа, т. е. после его текстов. Рельефы же изображают каждый раз само действо драмы, а тексты около фигур и над ними — тексты речей, произносимых действующими лицами во время действа. Тот факт, что в столбцах текстов, идущих после рельефов, повторяются (в хоровых партиях) те самые наименования гарпунов Гора, которые были уже изображены и упомянуты в речах действующих лиц в текстах на рельефе, также показывает, что эти столбцы текстов должны читаться после соответствующего рельефа. На эти факты не обратил внимания Э. Дриотон, который в своей работе, посвященной разбираемому тексту (E. Drioton. Le texte dramatique d'Edfou. Supplement aux Annales du Service des Antiquités de l'Egypte. Cahier, № 11, Le Caire, 1948), не соглашаясь с реконструкцией драмы, предложенной Блекманом и Фэрманом, пытается дать свой вариант расположения текста. При этом он прибегает к совершенно произвольной группировке текстов, что, разумеется, неприемлемо и не дало убедительных результатов.

[б] Намек на неизвестный миф, согласно которому Гор установил небо на четырех столбах. В этом свете становится понятно и то, что четыре сына Гора (Амсет, Дуамутеф, Кебехсенуф и Хапи) постоянно называются столбами неба еще начиная с Текстов Пирамид и олицетворяют собой четыре страны света.

[в] Шмуну — столица XV верхнеегипетского нома; главным богом города был Тот; вследствие сопоставления греками Тота с Гермесом Шмуну стал называться в греко-римском Египте Гермополем.

[г] См. прим. „е" на стр. 146.

[д] Месен — одно из названий города Эдфу, перенесенное сюда (наряду с Бехдет; см. прим. „а" на стр. 148) одновременно с появлением в Эдфу культа Гора Бехдетского. Основной же Месен находился в Дельте, около Чару, близ восточной границы; см.: A. Gardiner. 1) Onomastica, Text, v. II, стр. 203; 2) Horus the Behdetite, стр. 26; K. Sethe. Urgeschichte und älteste Religion der Ägypter. Leipzig, 1930, § 162; A. M. Blackman and H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfu-II. JEA, v. 29, 1943, стр. 32.

[е] Указание на политический характер, приданный драме жречеством.

[ж] Исида в ряде текстов называется Скорпионом Месена, однако точное значение этого эпитета и его мифологическое объяснение еще не выяснены. Возможно, что это следует сопоставить с мифом о семи скорпионах, защитниках Исиды (см. перевод этого мифа на стр. 97).

[з] Вечсет-Гор — „Престол Гора", название Эдфусского (II верхнеегипетского) нома.

[и] В оригинале стоит иероглиф человека с систром в одной руке и менат в другой. Так изображаются певицы, приветствующие божество, или царевны, приветствующие фараона. Отсюда — принятый мною перевод.

[к] В оригинале — „души Ра", обычное наименование для культовых рукописей.

[л] Обитатели болот Дельты.

[м] См. прим. „1" на стр. 76.

[н] Хент-Йабет. „Передний Востока", название XIV нижнеегипетского нома; столица его — Чару, с главным богом Гором в образе льва (A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 200—204).

[о] Мин — бог плодородия, главный бог города Коптоса; сопоставлялся с Гором, сыном Исиды.

[п] Онурис, точнее Анхур, бог-воитель, покровитель охоты и войны, сопоставлявшийся с богом воздуха Шу и в качестве такового считавшийся супругом богини Тефнут (см. главу II).

[р] Новый год совпадал с появлением звезды Сотис.

[с] Хеммис — по мифам, место рождения бога Гора, сына Исиды. Вопрос о локализации этого места до сих пор не может считаться решенным. Литературу по этому вопросу см.: A. Gardiner. 1) Onomastica, Text, v. II, стр. 190; 2) Horus the Behdetite, стр. 52 и сл.

[т] „Человек первого листа лотоса" — не вполне ясный по значению эпитет. Возможно, что он связан с мифом о рождении солнца из лотоса (см. главу II). Материалы по этому эпитету собраны Блэкманом и Фэрманом: A. M. Blackman and H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfou-II. JEA, v. 29, 1943, стр. 20, комм. 5).

[у] Намек на то, что Гор, сын Осириса и Исиды, еще очень молод,

[ф] Указание на обряд очищения, который должны были совершать жрецы, прежде чем приступать к ритуалу или даже к исполнению наиболее важных его моментов.

[х] Электр — сплав золота и серебра.

[ц] В подлиннике: „верхнеегипетские зеленые камни“; имеется в виду амазонит (см.: A. Lucas. Ancient Egyptian Materials and Industries. London, 1934, стр. 39).

[ч] См. прим. „х“ на стр. 150.

[ш] Блэкман и Фэрман считают эту строчку интерлюдией. Думается, что мы слишком еще мало знаем о порядке представления египетских мистерий, чтобы говорить таким образом.

[щ] Шесму — бог, имевший функцию палача богов (см.: Словарь египетского языка, VI, стр. 538, 4).

[э] Вся эта речь Исиды содержит воспоминания о том времени, когда она скрывалась с младенцем Гором в болотах Дельты от преследований Сета (см. главу III, а также перевод мифа „Исида и Гор в болотах Дельты“). Однако сообщаемые здесь подробности возвращения Исиды с сыном в Египет не встречаются в других текстах и являются интересным дополнением.

[ы] Хентихети — бог нижнеегипетского города Атрибис.

[ю] Хеджхетеп — бог прядения и ткачества.

[я] О сопоставлении Исиды с ладьей см.: A. M. Blackman and H. W. Fairman. The Myth of Horus at Edfon-II. JEA, v. 29, стр. 18, прим. 6; v. 30, стр. 17.

ОПИСАНИЯ ТАБЛИЦ

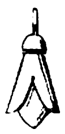


Таблица I

1 — статуэтка: Нил.[1] Бронза. Выс. 22.5 см. ГМИИ, № 5498. На базе надпись содержащая молитву Нилу. VII в. до н. э.

Бог Нил изображен в своем обычном образе — пожилым полным человеком, с ожиревшим телом, отвислыми грудями и тяжелым животом.[2] На его голове, как у большинства изображений египетских богов, надет полосатый платок, который носили фараоны. На лбу — также аттрибут фараонов: изображение урея, священной кобры, которая, по легенде, своим огненным дыханием оберегает царей и богов (см. стр. 38). На голове у Нила — убор в виде связки нильских растений, в руках — сосуд, из которого изливается вода (рис. 23). Нил изображен нагим, за исключением набедренного опоясания, так называемого шендит; на руках Нила надеты браслеты.

Нил почитался по всему Египту как податель живительной влаги и урожая (см. „Гимны Нилу", стр. 91 и 93). Изображения Нила редки, и данная статуэтка является очень хорошим воспроизведением образа Нила.

2 — статуэтка: Нефертум. Серебро. Выс. 22.9 см. ГМИИ, № 5451.[3] На базе демотическая надпись. III в. до н. э.

Нефертум изображен идущим, с опущенными руками. На бедрах надет шендит, на шее — ожерелье, на руках — браслеты, на голове — полосатый платок с уреем и головной убор в виде большого цветка лотоса, из центра которого поднимаются два пера; по сторонам лотоса свешиваются украшения „менат", являвшиеся символом плодородия, обновления.

Нефертум принадлежал, как и Нил, к числу тех древнеегипетских божеств, в образах которых отразилось поклонение силам природы. Его головной убор — лотос — был в Египте символом рождения, воскресения, процветания (см. сказание о рождении солнца из лотоса, стр. 15—16, а также Тексты пирамид, § 264, 6 и Книга Мертвых, главы 81-А и 174,15).[4]

Таблица II

Стенная роспись из гробницы Пашеду в Фивах, № 3.[5] XIV—XIII вв. до н. э.

Пашеду изображен на коленях позади пальмы, стоящей на берегу канала. На стене — текст глав 54, 61, 60, 62 Книги Мертвых („Глава давания дыхания в некрополе" и „Глава питья воды в некрополе").

В культе деревьев также отразилось почитание сил природы. Деревья являлись символами воскресения, считалось, что в сикоморе или пальме, растущей в загробном мире, живет богиня (Нут или Хатор), которая дает умершему питье.[6]

---

[1] По-древнеегипетски Хапи.

[2] См. об иконографии Нила: М. Э. Матье. Древнеегипетские мотивы на коптских тканях. ТОВЭ, т. III, 1940, стр. 128.

[3] В. В. Павлов. Египетская скульптура в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Малая пластика. М., 1949, стр. 88—89, табл. 59.

[4] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 508—510.

[5] W. Wreszinski. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte, I. Leipzig, табл. 111. Литературу о гробнице Пашеду см.: B. Porter and R. Moss. Topographical Bibliography, v. I. Oxford, 1927, стр. 54—55.

[6] Материалы и литературу о культе деревьев см.: H. Bonnet. Realexicon, стр. 82—87.

Таблица III

1 — статуэтка: священный бык Апис. Бронза. Выс. 14.1 см. Гос. Эрмитаж, № 667. VII. в. до н. э.

Апис изображен идущим, между его рогами — диск с уреем, на спине — попона. Белки глаз инкрустированы электром.[1]

Бык и корова были одними из наиболее почитавшихся в древнем Египте животных. Бык был первым помощником человека в труде: на быках пахали, быки молотили, быки же везли египтянина в его „дом вечности“ — на кладбище. Мясо, молоко, шкуры крупного рогатого скота играли существенную роль в хозяйстве египтян. Отсюда понятно, что люди во многих местах долины Нила издревле поклонялись быку и корове. Почитание быков, как и все культы животных в Египте, корнями своими восходит еще к периоду родового строя (см. стр. 8). Бык воспринимался как олицетворение силы и плодородия. Позднее, с развитием общественных отношений, почитание быков в рабовладельческом Египте было слито в различных местностях с культами тех богов плодородия, которые приобретали в данном центре господствующее положение. Быки при этом стали считаться душами таких богов, т. е. их земными воплощениями. Апис стал считаться душой мемфисского Птаха, Мневис — гелиопольского Ра, Бухис — бога Монту в Гермонтисе.

Священные быки имели особые приметы. Так, Апис должен был быть черного цвета с определенными отметинами: на лбу — в виде треугольника, а на спине — похожими по очертанию на летящего скарабея и на летящего же коршуна. Подобные отметины сделаны и на статуэтке Аписа. Апис жил при храме Птаха в Мемфисе; здесь же в особом помещении жила и корова, родившая данного Аписа. После смерти Аписа искали нового быка и когда находили такое животное, которое отвечало всем требуемым условиям, его торжественно провозглашали Аписом. Умерших Аписов бальзамировали и хоронили в больших каменных саркофагах в вырубленных в скале гробницах.[2]

Культ Аписа был связан и с культом Осириса: оба бога считались воплощением сил плодородия, в обоих отразилось поклонение Нилу и луне.[3]

2 — статуэтка: священный баран бога Амона. Бронза. Выс. 9 см. ГМИИ, № 4377.

Баран изображен идущим, с диском и уреем на голове. Баран, как и бык, почитался во многих местах Египта. По своему содержанию и истории культы баранов и быков близки. Баран — одно из наиболее распространенных в древнем Египте полезных человеку животных. Он также считался олицетворением плодородия. Возникнув в глубокой древности, поклонение барану прошло тот же путь развития, по которому шли изменения в культах прочих животных. Впоследствии, при сложении религии рабовладельческого Египта, бараны также стали считаться душами различных богов — Хнума в Эснэ, Элефантине и в XXI верхнеегипетском номе, Херишефа в Ненинисут (Гераклеополе), Амона в Фивах. Одним из наиболее известных культов барана был в городе Джеду (Мендес), где он назывался Банебджедет, т. е. „душа владыки Джедет“.[4]

По внешнему виду изображения барана Амона отличаются от прочих загнутыми спиралью рогами, пригнутыми по сторонам головы, тогда как остальные бараны изображаются с горизонтальными, слегка изгибающимися рогами. Объясняется это тем, что культ барана Амона появился позднее других, со времени Среднего царства, когда в Египте древняя порода баранов с горизонтальными рогами (Ovis longipes palaeoaegyptiacus) была вытеснена породой с боковыми спиралевидными рогами (Ovis platyra aegyptiaca).[5] Характерно, что постепенно и изображения прочих священных баранов стали также делать со спиралевидными рогами, однако при этом сохранялись и иконографически обязательные горизонтальные рога древней породы, так что статуи баранов имели по две пары рогов. Позднее иногда и статуи баранов Амона ошибочно изображались так же.[6]

---

[1] W. Golénischeff. Ermitage. Inventaire de le collection égyptienne. S. Petersb., 1891, стр. 75—76.

[2] Литературу см.: B. Porter and R. Moss. Topographical Bibliography, v. III. Oxford, 1931, стр. 205—214.

[3] Литературу см.: H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 46—51.

[4] А. Гардинер предлагает перевод: „«Душа, владыка Джедет», первоначально, возможно, «Баран, владыка Джедет»“ (A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 151).

[5] L. Keimer. Remarques sur quelques représentations de divinités béliers. Annales, 1938, v. 38, стр. 297—331 и 690—697.

[6] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 867—871.

Таблица IV

Справа — статуэтка: кошка. Бронза. Выс. 17.2 см. Гос. Эрмитаж, № 641.[1] На шее кошки надето ожерелье, на груди — украшение с изображением священного глаза, на темени — изображение скарабея. Белки глаз кошки, ожерелье, нагрудное украшение и детали скарабея инкрустированы золотом. VII в. до н. э.

Слева — статуэтка: кошка. Бронза. Выс. 14 см. Гос. Эрмитаж, № 645.[2] На шее кошки надета цепь, на которой свешивается на грудь украшение в виде священного глаза; на темени — изображение скарабея. Отмечена шерсть, глаза были инкрустированы. VII в. до н. э.

Кошка считалась священным животным богини Баст, почитавшейся в городе Бубастисе (см. описание к табл. X). Почитание кошки было связано с приносимой ею пользой — истреблением грызунов. Выше мы видели, что существовал миф о том, как солнечный бог в образе кота уничтожил своего врага — змея (стр. 33). С этим мифом было связано и сказание о кошке — дочери солнца, его Оке,[3] что объясняет наличие на статуэтках священных кошек изображений солнечного глаза на груди и скарабея на голове.

Таблица V

1 — статуэтка: сокол, охраняющий фараона. Известняк. Выс. 50 см. Лувр.[4]

Сокол почитался в различных местах Египта. Его культ восходит к древнейшим тотемистическим представлениям родового строя. Благодаря своему высокому полету сокол рано был сопоставлен с солнцем и в рабовладельческом Египте считался священной птицей ряда солнечных божеств: Ра, Гора, Монту (см. рис. 14). В то же время сокол считался покровителем фараонов, которые часто изображались под его защитой, как это можно видеть на примере публикуемой статуэтки.

2 — статуэтка: ибис. Бронза. Выс. 13 см. Гос. Эрмитаж, № 567.[5] Глаза птицы инкрустированы золотом.

Ибис считался священной птицей бога письма и мудрости Тота. Главным местом его культа были города Шмуну (греч. Гермополь, столица XV верхнеегипетского нома).

Таблица VI

1 — статуэтка: шакал. Дерево. Длина 84 см. ГМИИ, № 5706.[6]

Шакал считался священным животным бога мертвых Анубиса, который играл видную роль в древнеегипетском заупокойном культе (см. описания табл. XXV и XXVI).

2 — статуэтка: волк. Бронза. Выс. 15 см. ГМИИ, № 3598. Детали инкрустированы золотом. В отличие от лежащего шакала Анубиса волк бога Вепуата изображался стоящим.

Вепуат — „Открыватель путей" — древнее воинственное божество. Штандарты с изображением Вепуата и прикрепленным оружием (булавой и луком) несли перед фараоном при его выходе, а также во главе культовых процессий, например в мистериях Осириса в Абидосе. Главным центром культа Вепуата был город Сиут (греч. Ликополь), столица XIII верхнеегипетского нома.

Таблица VII

1 — статуэтка: рыба оксиринх. Бронза. Выс. 6.5 см. ГМИИ, № 4309. На голове рыбы — убор богини Хатор в виде рогов коровы и солнечного диска с уреем.

Оксиринх (древнеегип. „хат", mormyrus kannume) почитался в ряде мест Египта; главным центром его культа был город Пермеджет (Оксиринх) в XIX верхнеегипетском номе (соврем. Бахнаса).[7] В Пермеджет существовал культ Сета; по мифу здесь произошел один из самых крупных боев Гора с Сетом. Впоследствии, чтобы примирить местное почитание данной рыбы с культом Осириса, появилось сказание о ро-

---

[1] Литературу см.: W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 73.

[2] Там же, стр. 74.

[3] Намек на легенду об Оке Солнца, его дочери-кошке, которую укусил скорпион, имеется в плохо сохранившихся строках упоминавшейся выше стелы Меттерниха (W. Golénischeff. Metternichstele, стр. 4).

[4] Encyclopédie photographique de l'art. Les antiquités égyptiennes du Musée du Louvre, 5. Paris, 1935, № 133.

[5] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 66.

[6] В. В. Павлов. Египетская скульптура, стр. 84, табл. 53.

[7] A. Gardiner. Onomastica, Text, v. II, стр. 111.

ждении оксиринха из крови Осириса. В городе Эснэ эта рыба была посвящена богине Хатор, чем и объясняется наличие головного убора Хатор на публикуемой статуэтке.[1]

2 — статуэтка: рыба лепидот. Бронза. Выс. 7.5 см. ГМИИ, № 4308. Глаза инкрустированы.

Лепидот (cyprinus lepidotos) почитался главным образом в Лепидонтополе, в VIII верхнеегипетском номе, где он считался священной рыбой львиноголовой богини Мехит, супруги Онуриса.[2] В храме этих богов, в молельне саисского времени было обнаружено много бронзовых статуэток лепидота.

Таблица VIII

1 — статуэтка: крокодил. Бронза. Дл. 7.2 см. Гос. Эрмитаж, № 634.[3]

Крокодил изображен лежащим на четырехугольной базе, шипы под которой указывают на то, что статуэтка в древности была укреплена на подставке.[4] На голове крокодила — остатки головного убора.

Крокодил почитался в разных местах Египта, особенно в Фаюме, где он был сопоставлен с богом Себеком,[5] и в окрестностях Фив. Ужас, испытывавшийся египтянами перед крокодилом, послужил основанием для сопоставления его с богом Сетом, вследствие чего крокодил в ряде мифов выступает наряду с гиппопотамом как олицетворение Сета, являясь, таким образом, противником Гора.[6]

2 — гробик для священной змеи. Бронза. Дл. 10 см. Гос. Эрмитаж, № 2636. На крышке — изображение свернувшейся змеи.

В подобных гробиках погребались мумии различных священных животных, птиц, пресмыкающихся, рыб.

3 — гробик для священного ихневмона. Бронза. Выс. 7 см. Гос. Эрмитаж, № 2647. На крышке — статуэтка ихневмона.

Ихневмону — зверьку, истребляющему змей, — поклонялись в разных городах Египта. Существовал миф о том, как Ра в образе ихневмона поразил змея Апопа. Ихневмон считался священным животным ряда солнечных божеств — Ра-Атума, летопольского Гора. Он же был сопоставлен с богиней Уаджит. Изображения ихневмонов, посвященных этой богине, отличаются тем, что зверек изображается стоящим на задних лапках, причем на его голове имеется солнечный диск с уреем.[7] На многих статуэтках ихневмонов бывают изображены различные солнечные символы — крылатые скарабеи, диск солнца с крыльями.

4 — гробик для священного жука. Бронза. Выс. 7 см. Гос. Эрмитаж, № 503.[8] На крышке — изображение жука. На самом гробике чередуются группы иероглифов, означающих „жизнь" и „счастье".

Таблица IX

1 — статуэтка: бог Себек. Бронза. Выс. 27.5 см. ГМИИ, № 5700. Глаза инкрустированы красной пастой. На базе — надпись, содержащая посвятительную молитву Себеку о даровании жизни египтянину Педиамону. VII в. до н. э.

Себек изображался в виде человека с головой крокодила. В образе Себека отразилось обожествление нильских вод. На голове Себека обычно надет головной убор „атеф", состоявший из своеобразной высокой средней части, сделанной из тростника и украшенной по сторонам перьями страуса. Основными местами культа Себека был Фаюм с главным городом Шедет (греч. Крокодилополь), Омбос и „Остров в потоке" — остров на Ниле в III верхнеегипетском номе. Себек был сопоставлен с рядом божеств:

---

[1] H. Bonnet. Realexicon. . ., 192, 193. О рыбах см.: C. Gayard. Recherches sur les poissons représentés dans quelque tombeaux égyptiens. Mém. de l'Inst. Fr. d'Arch. Orientale, t. 51. Le Caire, 1923.

[2] Лепидота иногда смешивают с рыбой, посвященной богине Хат-Мехит в XVI нижнеегипетском номе (см.: R. Engelbach. Notes on the fish of Mendes. Annales, v. 24. 1924, стр. 161—168; H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 282).

[3] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 73.

[4] Аналогичную статуэтку см.: G. Roeder. Ägyptische Bronzewerke. Glückstadt, 1937, № 2870, стр. 65, рис. 156.

[5] См. описание к табл. IX, *1*.

[6] См. описания к табл. XXXIII.

[7] G. Reoder. Das Ichneumon in der ägyptischen Religion und Kunst. Egyptian religion, t. 4, New York, 1936, стр. 1—48.

[8] W. Golénischeff. Frmitage. . ., стр. 52.

Гором, Ра, Хнумом, Амоном. Известен миф, по которому Гор в образе крокодила собирал в Ниле части разрубленного Сетом тела Осириса и вынес его на землю.[1]

2 — статуэтка: богиня Таурт. Голубой фаянс. Выс. 12.3 см. ГМИИ, № 5463. На базе посвятительная надпись.

Культ богини Таурт был одним из древнейших египетских широко распространенных народных культов. Таурт, что значит „Великая", почиталась как покровительница матерей и детей, помощница рожениц, богиня, прекращающая бесплодие. В Сильсилэ Таурт почиталась как богиня наводнения. Таурт изображалась в виде беременной самки гиппопотама, с человеческими руками, женскими грудями, с львиными задними лапами, а иногда и с головой львицы. На голове ее обычно надет полосатый платок, в руках она держит иероглиф „са", что значит „защита". Изображения Таурт часто носили на себе как амулеты, ее изображали на бытовых предметах (кроватях и т. п.) как охранительницу от злых сил, как божество, дарующее плодородие. Считалось, что свою роль защитницы Таурт продолжает играть и в загробном мире. Она встречает умершего вместе с коровой Хатор у подножия кладбищенских скал, она зажигает для него огонь, чтобы отгонять злых духов (Книга Мертвых, гл. 137-В).[2]

Таблица X

1 — статуэтка: бог Херишеф. Бронза. Выс. 11.7 см. Гос. Эрмитаж, № 13.[3]

Херишеф изображен идущим в виде человека с головой барана. На голове надет полосатый платок и убор „атеф", увенчанный диском. Правая рука опущена, левая протянута вперед; очевидно, как обычно, в левой руке бог держал посох, в правой — знак жизни „анх".

Бог Херишеф („Находящийся над своим озером") почитался как главное божество города Ненинисут (греч. Гераклеополь), столицы XX верхнеегипетского нома.

2 — статуэтка: богиня Баст. Бронза. Выс. 12.5 см. Гос. Эрмитаж, № 189.[4]

Баст изображена в виде женщины с головой кошки. Баст одета в длинное полосатое облегающее платье. В левой руке, прижатой к груди, она держит один из своих обычных атрибутов — эгиду с головой кошки, в правой, очевидно, был систр.

Баст — богиня города Бубастиса, столицы XX нижнеегипетского нома. Баст была богиней любви, веселья, ее обычными атрибутами был музыкальный инструмент систр, корзиночка и эгида с головой кошки и с рукояткой в форме украшения менат (см. стр. 155). Еще в Древнем царстве культ Баст начинает смешиваться с культами богинь-львиц Тефнут, Сохмет; смешение ее с этими богинями настолько велико, что она впоследствии изображается иногда с головой львицы; известно, что в Новом царстве во время праздника Баст была запрещена львиная охота. В позднее время культ Баст сблизился с культом Исиды.[5]

3 — статуэтка: бог Нехебкау. Бронза. Выс. 13.9 см. Гос. Эрмитаж, № 2624.

Нехебкау изображен в виде мужчины с головой змея. На голове надет полосатый платок и убор „атеф", увенчанный диском. В правой опущенной вниз руке был знак жизни „анх", в протянутой вперед левой руке — посох.

Согласно древнему мифу, Нехебкау был связан Атумом при подавлении последним мятежа в Заячьем номе (Тексты Пирамид, § 229). В этом сказании отразилась борьба между номами. Однако в большинстве сказаний Нехебкау выступает как верный спутник Ра, сопровождающий его в солнечной ладье.

В основе культа Нехебкау лежало почитание змея. Отсюда понятно, почему в его образе ясно прослеживаются черты хтонического божества (см. стр. 36). Он связан и с заупокойным культом, как страж входа в загробный мир, он и бог плодородия, податель пищи. В то же время Нехебкау почитался и как одно из божеств времени.[6]

Таблица XI

1 — статуэтка: богиня Нейт. Бронза. Выс. 20. 1 см. Гос. Эрмитаж, № 171.[7] Ожерелье и брови инкрустированы золотом, белки глаз — электром. На базе надпись, содержащая молитву с просьбой защитить Меса. VII в. до н. э.

---

[1] И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек. Зап. Историко-филолог. фак. Петрогр. унив., ч. CXL, 1917.

[2] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 530—535.

[3] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 3.

[4] Там же, стр. 14.

[5] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 80—82.

[6] A. Shorter. The god Nehebkaw. JEA, v. 21, 1935, стр. 41—48. — H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 510—511.

[7] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 18—19.

Нейт изображена в образе женщины, в плотно облегающем тело одеянии, с короной Нижнего Египта на голове. В протянутой руке она держала посох.

Нейт была богиней города Саиса, столицы V нижнеегипетского нома. Она принадлежит к числу древнейших божеств Египта (рис. 2). Нейт — богиня-воительница, „открывающая пути“, т. е. идущая впереди войска; она и покровительница охоты и богиня плодородия, прародительница-мать (один из ее эпитетов — „отец отцов и мать матерей“). Оплодотворенная нильским разливом, она рождает бога-крокодила Себека. Нейт была связана и с заупокойным культом, как одна из четырех богинь-защитниц умерших (наряду с Исидой, Нефтидой и Серкет).[1]

2 — статуэтка: Нейт, кормящая грудью двух крокодилов. Стеатит. Выс. 13 см. Гос. Эрмитаж, № 174.[2]

Данная статуэтка является наглядной иллюстрацией к мифу о Нейт как матери крокодилов Себеков. Имеются указания, что при Нейт особую роль играли именно два крокодила, которые между прочим изготовляли ткани для Ра.[3] В последнем сказании, очевидно, отразилась и роль Нейт как богини-покровительницы ткачества, ремесла, которым славился Саис.

Таблица XII

1 — статуэтка: бог Птах. Бронза. Выс. 17.5 см. Гос. Эрмитаж. № 39.[4] Белки глаз, бородка, ожерелье, браслеты, часть посоха инкрустированы золотом. VII в. до н. э.

Птах изображен в своем обычном образе — окутанным в широкое одеяние, с посохом „уас“ в руках.

Птах почитался как главное божество города Мемфиса, одного из важнейших городов Египта, столицы страны в период Древнего царства, сохранившего значение крупнейшего политического, религиозного и художественного центра на всем протяжении истории Египта. Птах по мемфисскому сказанию считался творцом вселенной (см. стр. 25 и 84), а также покровителем искусства и ремесла.[5]

2 — статуэтка: богиня Сохмет. Бронза. Выс. 21 см. Госуд. Эрмитаж, № 167.[6] Глаза инкрустированы золотом, ожерелье также было инкрустировано.

Сохмет изображена стоящей в виде женщины с головой львицы. На голове — солнечный диск с уреем.

Сохмет также почиталась в Мемфисе как супруга Птаха. Сохмет — „Могучая“ — грозная богиня палящего солнца, войны. Она считалась дочерью бога солнца Ра, его могучей защитницей и любимым Оком (см. сказание „Истребление людей“). Культ Сохмет часто смешивался с культами других богинь-львиц, в особенности Тефнут.[7]

Таблица XIII

1 — статуэтка: богиня Исида с сыном Гором. Бронза. Выс. 28.5 см. Гос. Эрмитаж, № 286.[8] XII в. до н. э.

Исида изображена сидящей с младенцем Гором на коленях. Левой рукой Исида обнимает Гора, правой поддерживает левую грудь, которою она кормит Гора. Исида одета в обычное облегающее платье, на шее — ожерелье, на голове — полосатый платок, поверх него надет обычный головной убор цариц и богинь в виде коршуна, крылья которого спускаются по бокам головы. На лбу Исиды — урей, на темени — корона из уреев, над которой поднимаются коровьи рога с солнечным диском посредине. Гор — нагой, головка бритая, только с левого виска спускается локон, который носили египетские дети до совершеннолетия.

Исида почиталась по всему Египту как супруга Осириса и мать Гора. (см. гл. III и переводы мифов осирического цикла). Исида — важнейшая из древнеегипетских богинь. Она — богиня-мать, покровительница матерей и детей, подательница плодородия, жизни, здоровья. Культ Исиды восходит к древнейшим представлениям родового строя, к поклонению корове как благой помощнице человека и подательнице пищи (см. стр. 156). Как пережиток этих представлений в рабовладельческом Египте

---

[1] H. Bonnet, Realexicon. . ., стр. 512—517.

[2] W. Golénisheff. Ermitage. . ., стр. 19.—И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек, стр. 75, табл. IV.

[3] И. М. Волков. Древнеегипетский бог Себек, стр. 74, 75.

[4] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 5—6.

[5] M. Sandmann-Holmberg. The God Ptah. Lund, 1946.

[6] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 18.

[7] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 643—646.

[8] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 34.

Таблица I.

1 — бог Нил; ***2* — бог Нефертум.**

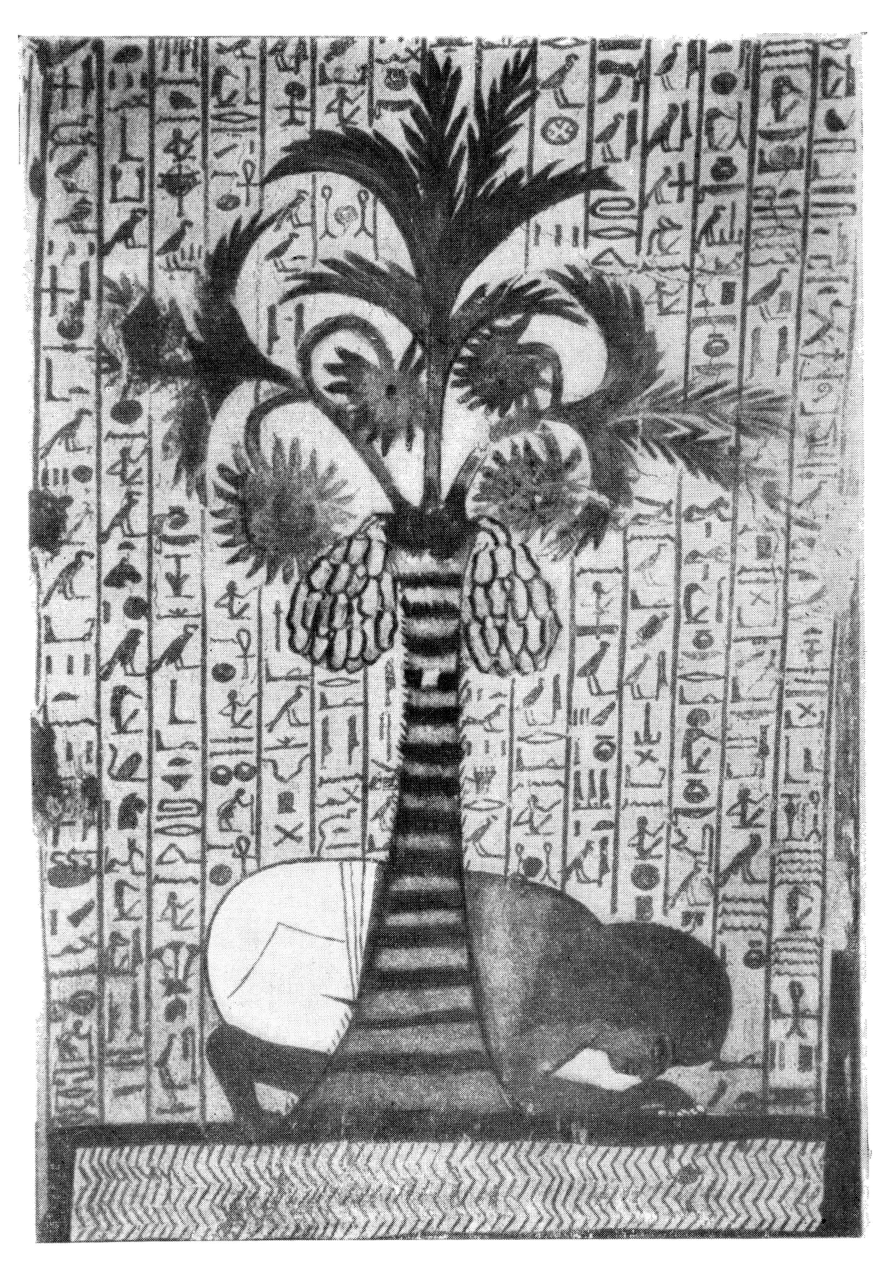


Таблица II. Стенная роспись из гробницы Пашеду в Фивах.

1

2

Таблица III.

1 — священный бык Апис; *2* — священный баран бога Амона.

Таблица IV. Кошки.

1

2

Таблица V.

1 — **Сокол, охраняющий фараона;** *2* — **Ибис.**

1

2

Таблица VI.

1 — шакал; *2* — волк.

1

2

Таблица VII.

1 — рыба оксиринх; *2* — рыба лепидот.

Таблица VIII.

1 — крокодил; *2* — гробик для змеи; *3* — гробик для ихневмона; *4* — гробик для жука.

1 2

Таблица IX.

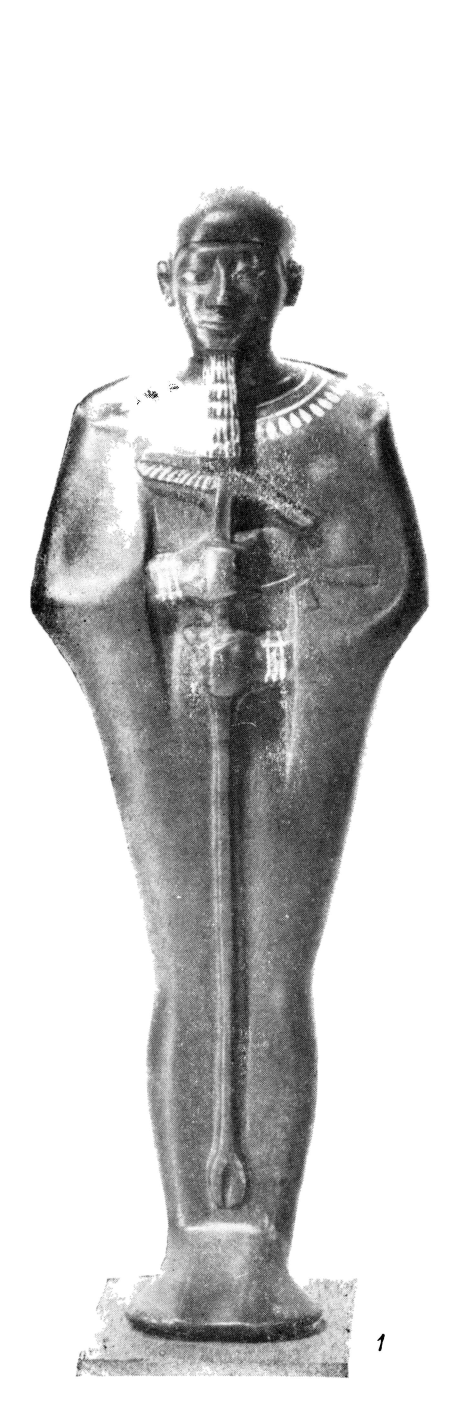
1 — бог Себек; *2* — богиня Таурт.

Таблица X.

1 — бог Херишеф; *2* — богиня Баст; *3* — бог Нехебкау.

Таблица XI.

1 — богиня Нейт; *2* — Нейт, кормящая двух крокодилов.


1

2

Таблица XII.

1 — бог Птах; *2* — богиня Сохмет.

1

2

Таблица XIII.

1 — богиня Исида с сыном Гором; *2* — бог Осирис.

Таблица XIV.

Фиванская триада: *1* — бог Хонсу; *2* — бог Амон-Ра, *3* — богиня Мут.

Таблица XV.

1 — богиня Сатит, *2* — богиня Хатор; *3* — бог Онурис.

1

2

3

Таблица XVI.

1 и *3* — **боги Бэсы**; *2* — **бог** Шу.

1

2

Таблица XVII.

1 — **Бэс**; *2* — павиан.

2

Таблица XVIII.

1 — Гарпократ; *2* — дух города Пе.

Таблица XIX.

1 — **бог Анубис;** *2* — **бог Тот.**

Таблица XX.

1 — бог Неферхотеп; *2* — Осирис-Ях.

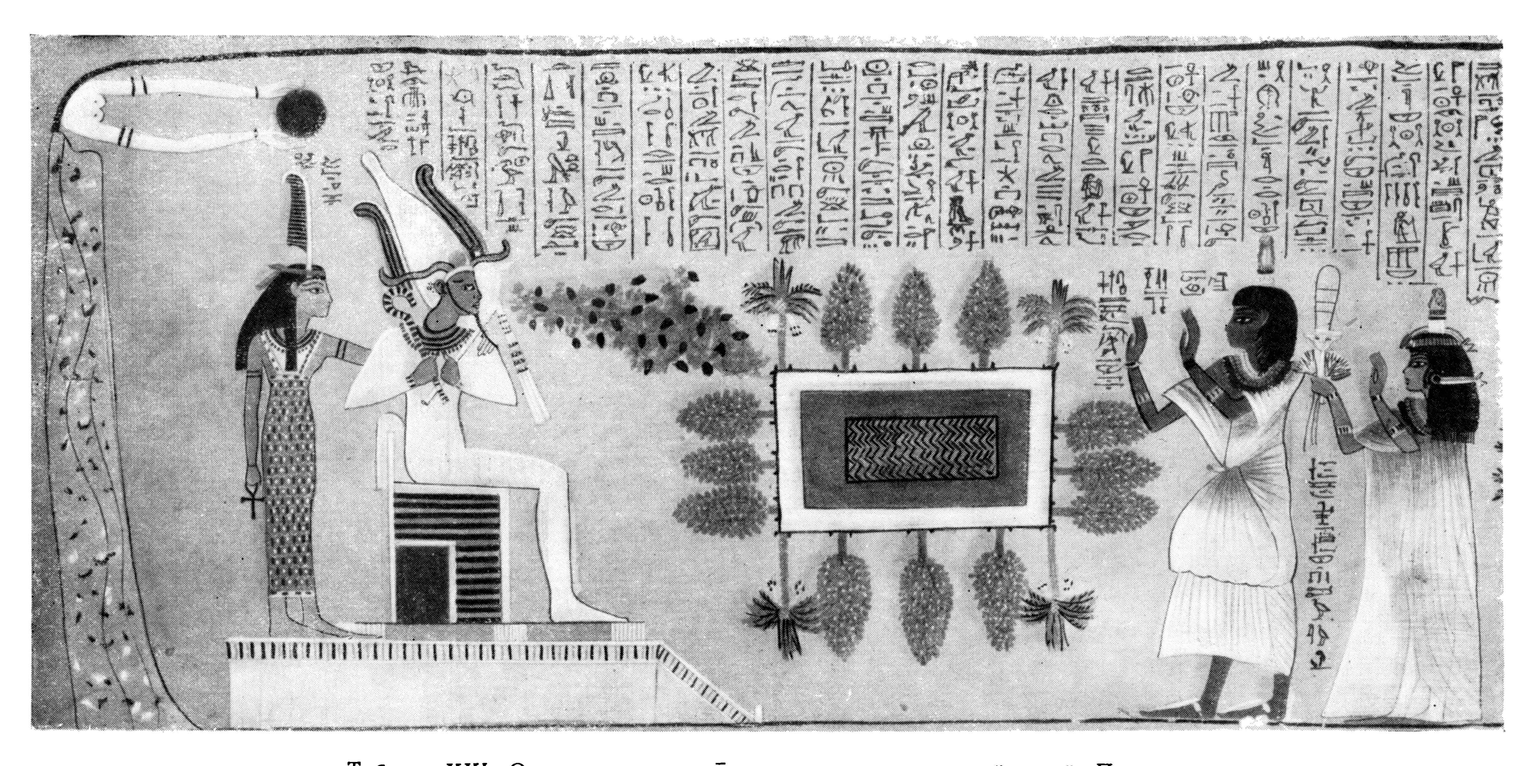


Таблица XXI. Осирис у пруда с деревьями и виноградной лозой. Папирус.

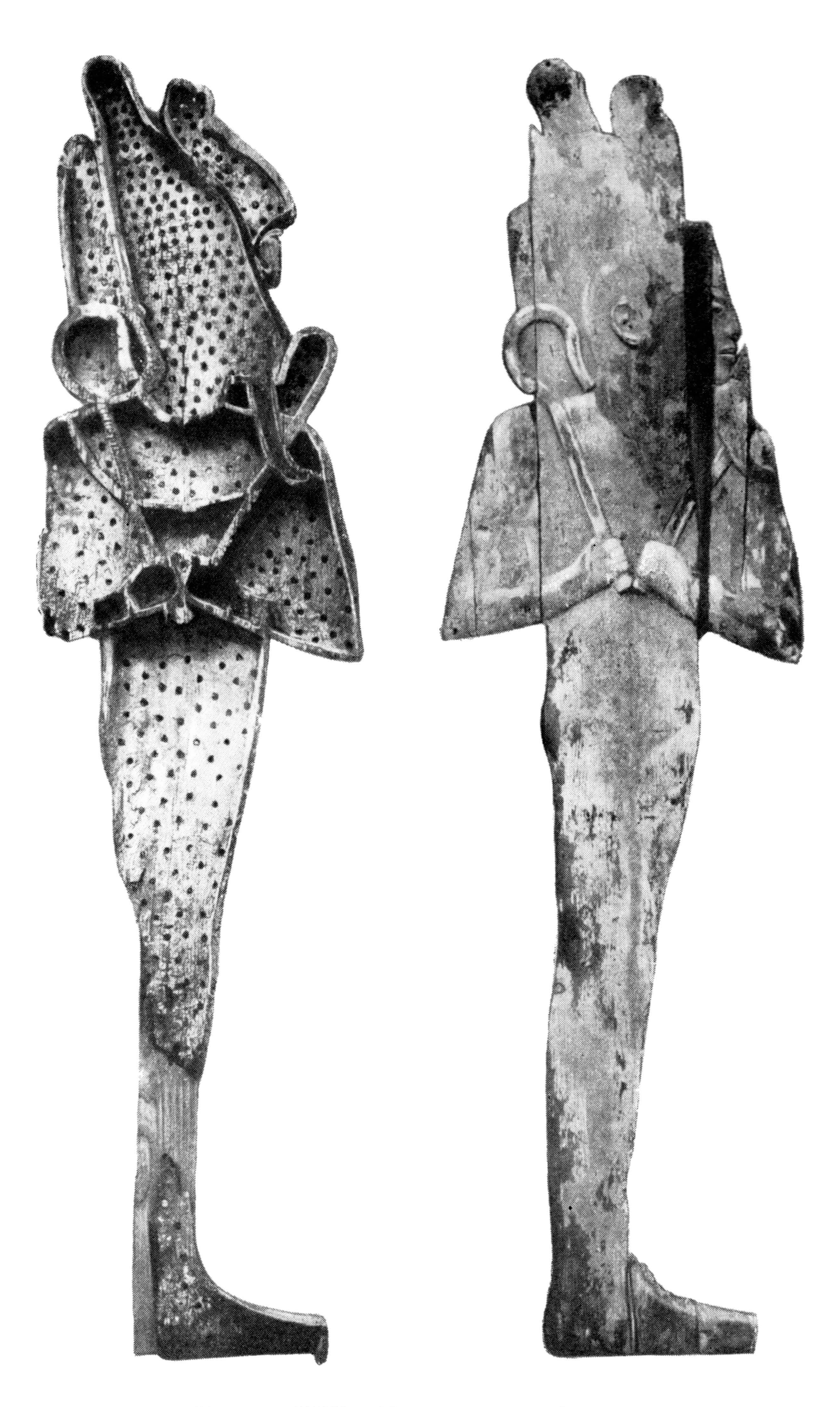


Таблица XXII. „Прорастающий Осирис“.

Таблица XXIII. Суд Осириса. Папирус.

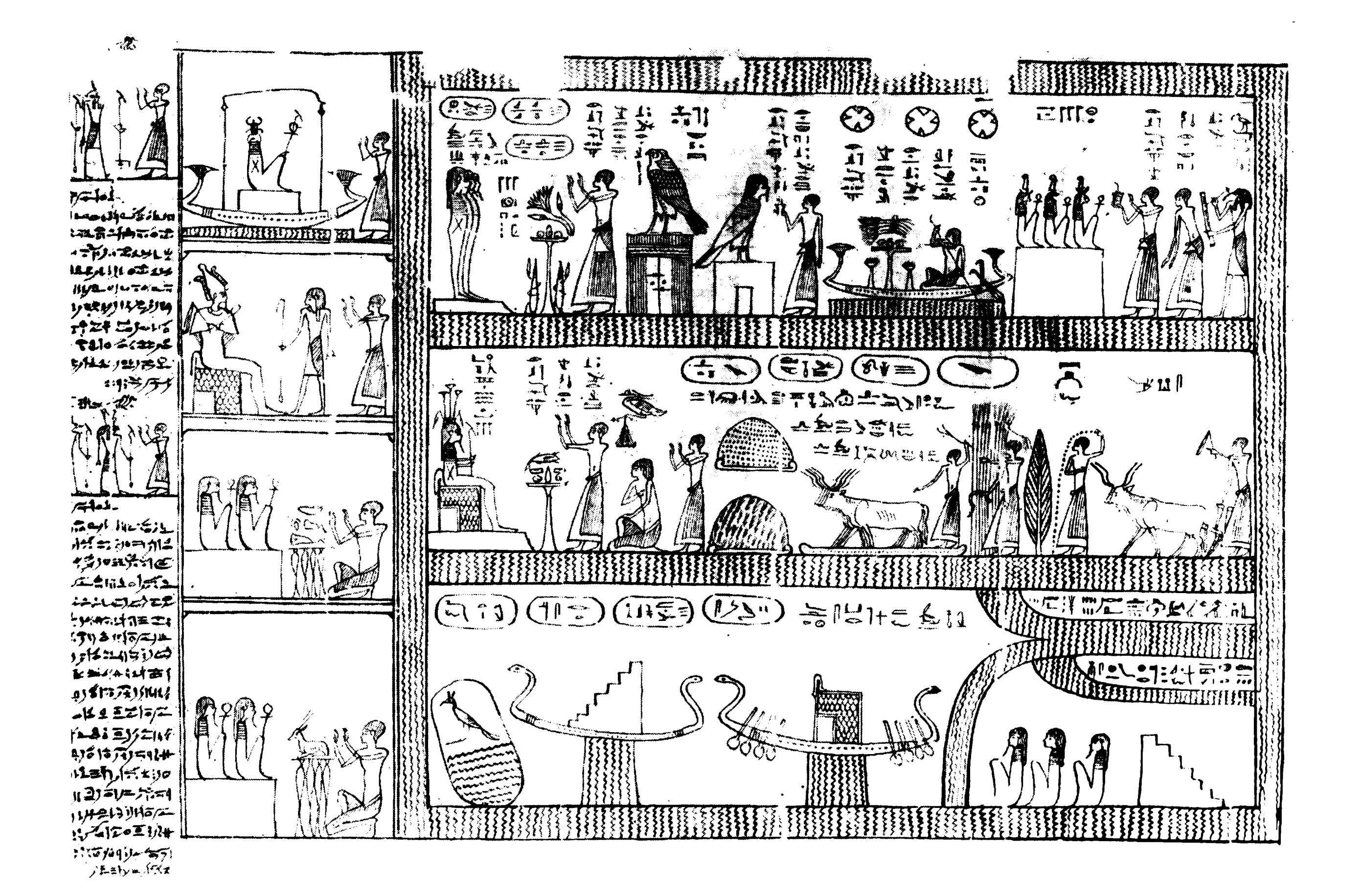


Таблица XXIV. Поля блаженных. Папирус.

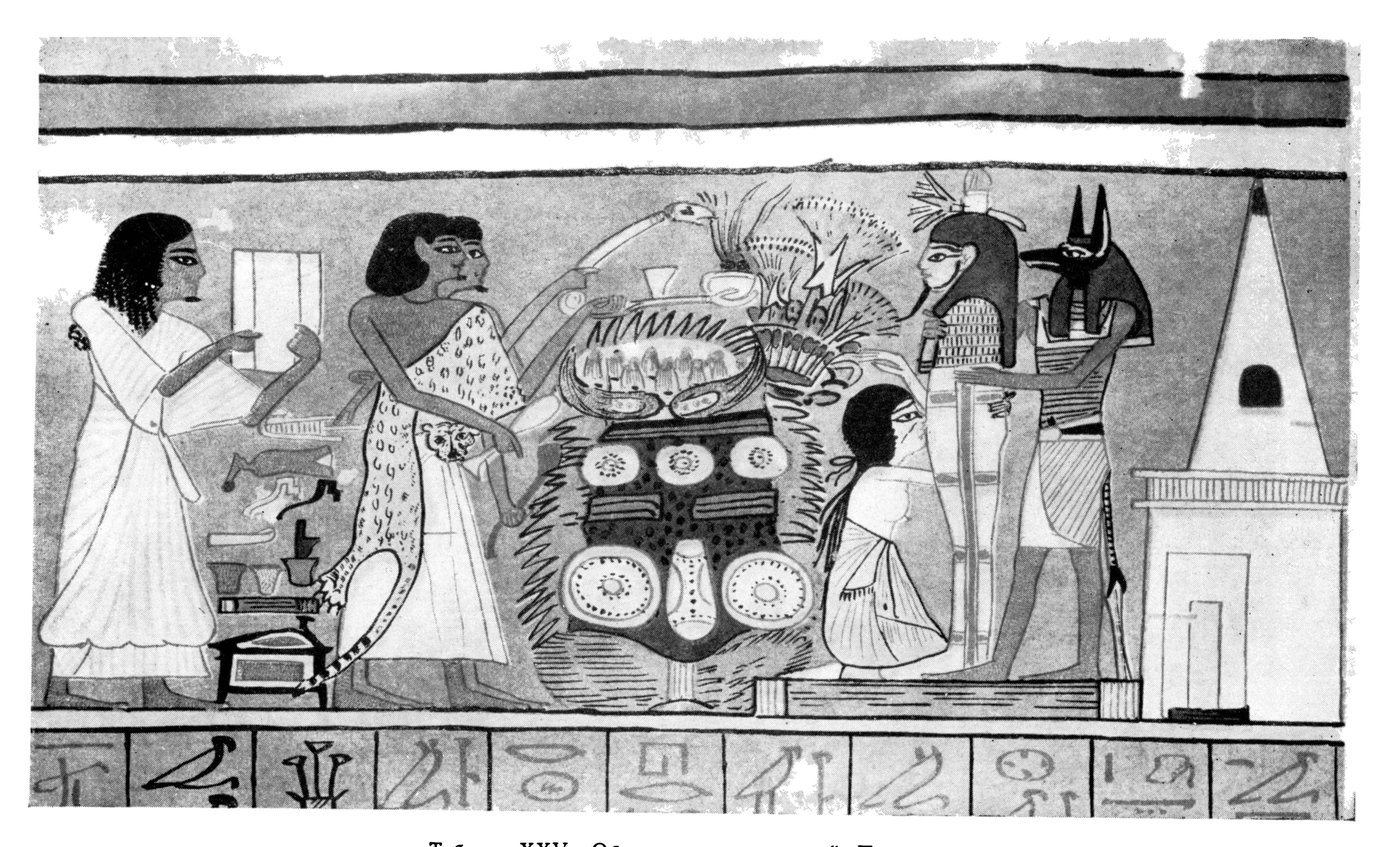


Таблица XXV. Обряд „отверзания уст“. Папирус.

Таблица XXVI.

1 — голова статуи бога Анубиса; *2* — маска жреца в виде головы бога Анубиса.

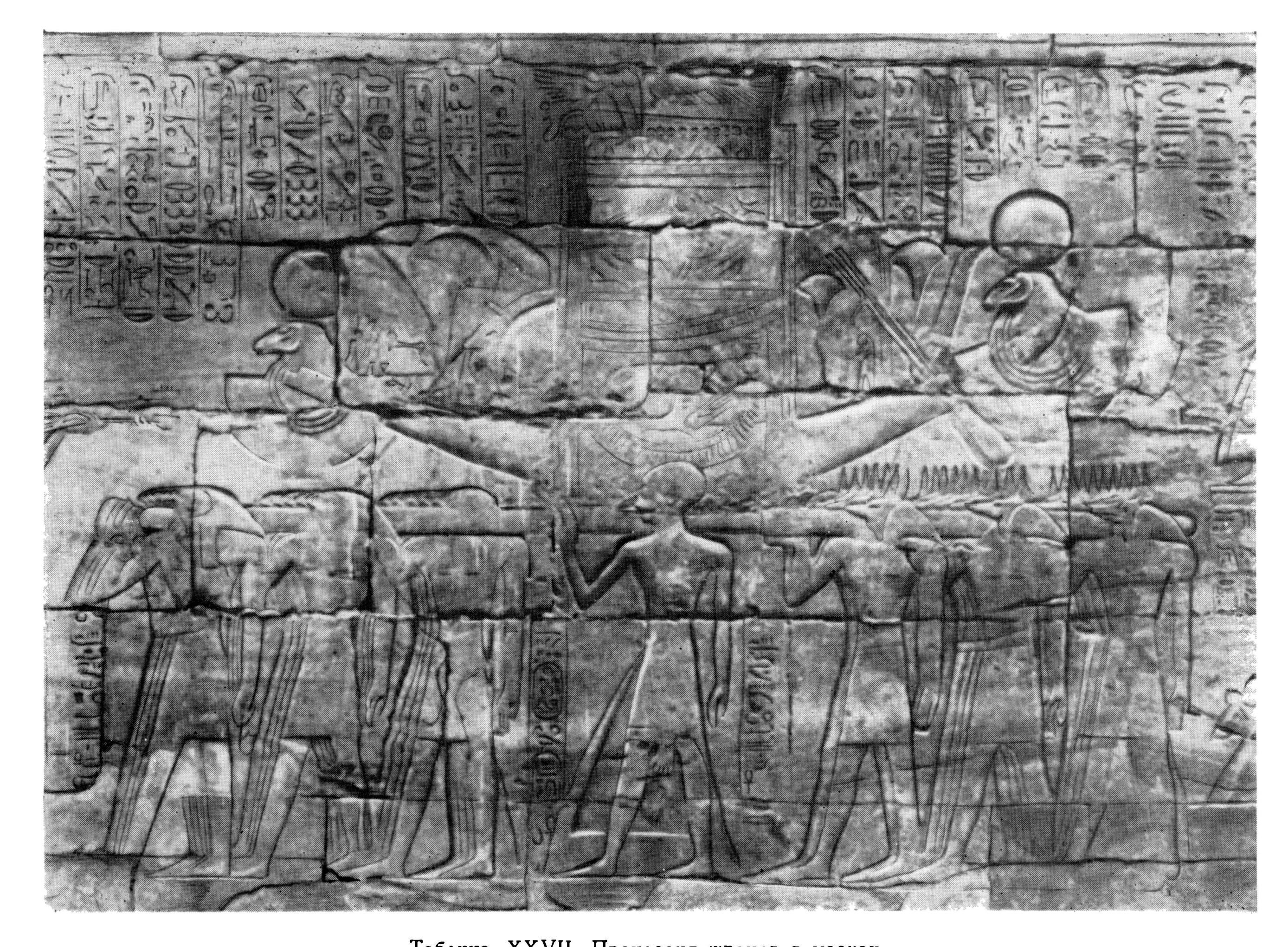
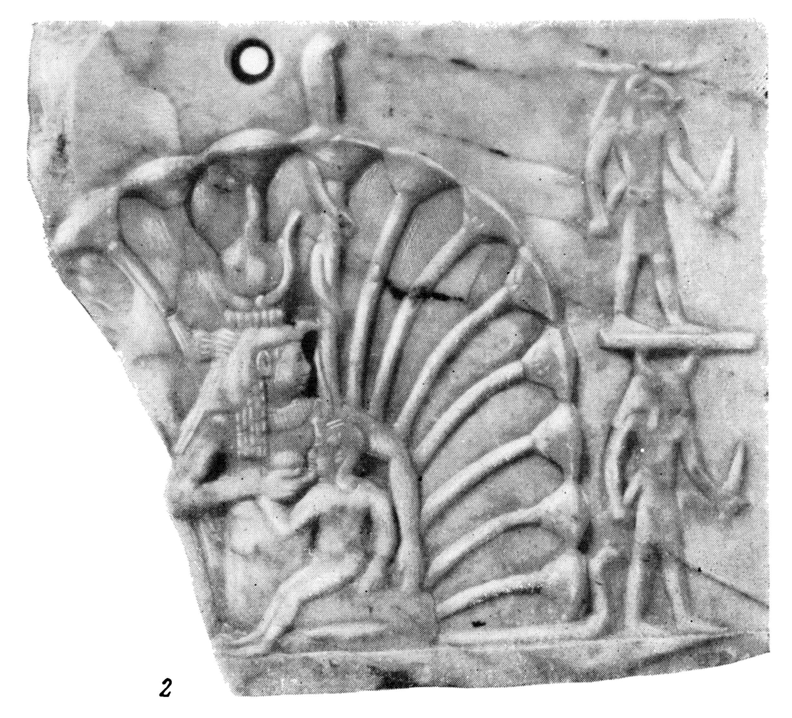


Таблица XXVII. Процессия жрецов в масках.

1



2

Таблица XXVIII.

1 — свинья; *2* — Исида и Гор в болотах Дельты.

Таблица XXIX. Гор — победитель злых сил.

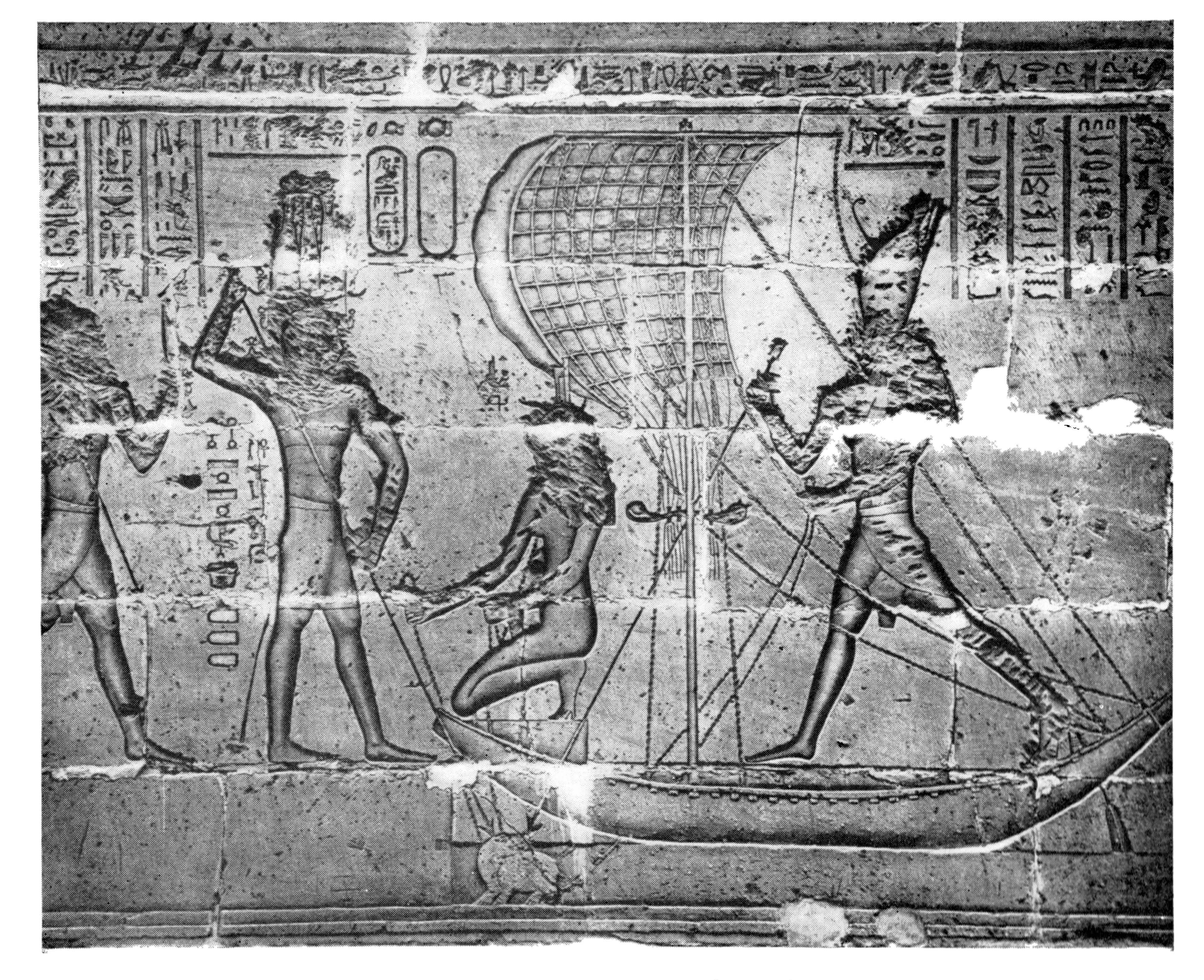


Таблица XXX. Сцена из мистерий Гора в Эдфу.

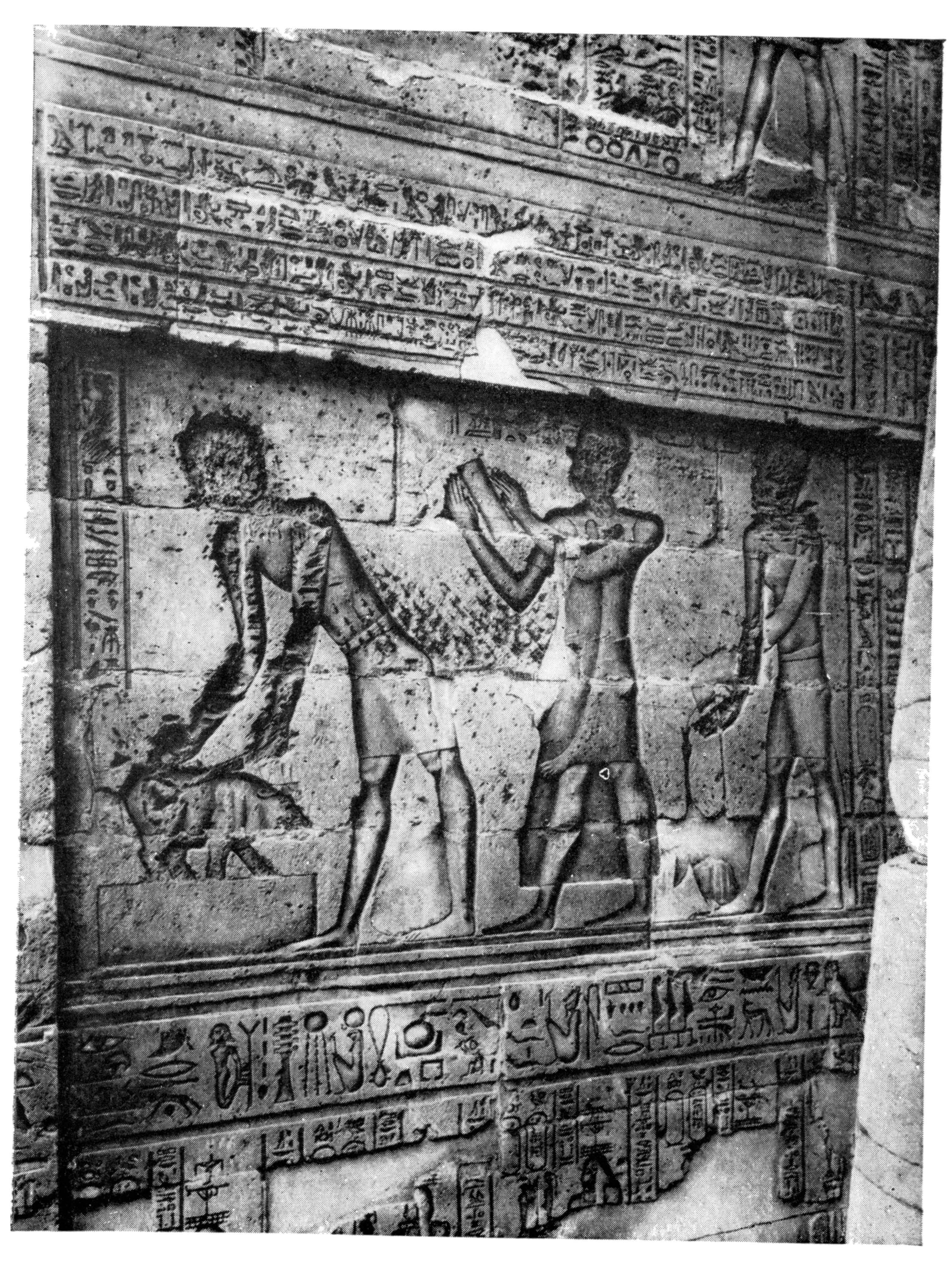


Таблица XXXI. Сцена из мистерий Гора в Эдфу.

Таблица XXXII.

Гор в одеянии римского полководца.

Таблица XXXIII.

Гор в образе римского всадника с головой сокола.

сохранился обычай содержать при храме Исиды священную корову, равно как изображать на головном уборе Исиды коровьи рога.

Исида считалась мудрейшей богиней, обладательницей тайных знаний и чар, всесильной ведуньей (см. „Сказание о Ра и змее“, стр. 90). Образ Исиды-матери имел огромное значение и в истории религии и в истории искусства. В этом образе, созданном народной мифологией, впервые в истории человечества нашло свое воплощение материнство. Культ Исиды получил особое развитие в греко-римском Египте, когда он распространился далеко за пределы долины Нила. Несомненно, что образ Исиды сыграл важнейшую роль в создании образа христианской богоматери.

2 — статуэтка: бог Осирис. Бронза. Выс. 28.3 см. Гос. Эрмитаж, № 223.[1] Белки глаз инкрустированы электром. VIII в. до н. э.

Осирис изображен сидящим, окутанным в широкое одеяние, с атрибутами фараонов в руках: жезлом и плетью. На голове его надет убор „атеф“ с уреем, на шее — ожерелье.

О характере и роли образа и культа Осириса см. гл. III и переводы мифов осирического цикла (стр. 94—119).

Таблица XIV Фиванская триада

1 — статуэтка: бог Хонсу. Бронза. Выс. 12.3 см. Гос. Эрмитаж, № 295.[2] VIII в. до н. э.

Хонсу изображен идущим в образе нагого младенца, прижавшего к губам указательный палец правой руки — жест, свойственный иероглифу, означающему ребенка, и многим изображениям богов-младенцев. Как ребенка характеризует Хонсу и свешивающийся с правого виска „локон юности“ (см. описание табл. XIII, *1*). На голове у Хонсу — урей и убор лунных божеств: диск с полумесяцем, увенчанный „атефом“.

Хонсу почитался в Фивах как сын Амона-Ра и Мут (см. стр. 25). В образе Хонсу отразилось почитание луны, с чем связана и его иконография, и само имя: „Хонсу“ значит „Проходящий“. Культ Хонсу подчас сливался с культами других лунных богов (Хонсу-Тот, Хонсу-Ях; см. описания к табл. XIX, *2* и XX, *2*). Как всякое божество луны, Хонсу был связан с летоисчислением; тексты называют его „владыкой времени“.[3]

2 — статуэтка: бог Амон-Ра. Бронза. Выс. 21.5 см. Гос. Эрмитаж, № 2570. Белки глаз инкрустированы золотом. VIII в. до н. э.

Амон-Ра изображен сидящим; в левой руке он держал посох „уас“, в правой — знак жизни „анх“. На голове Амона-Ра надета его обычная корона с двумя перьями и солнечным диском, на шее — ожерелье.[4]

3 — статуэтка: богиня Мут. Бронза. Выс. 22 см. Гос. Эрмитаж, № 7.[5] VIII в. до н. э.

Мут изображена идущей с протянутой левой рукой, в которой она держала посох, в правой руке был знак жизни „анх“. Мут одета в плотно облегающее платье, на голове ее — двойная корона фараонов с уреем и полосатый платок.

Мут почиталась в Фивах как супруга Амона-Ра и мать бога Хонсу. В культе Мут отразилось почитание самки коршуна („мут“ — „коршун“), в то же время ее имя можно истолковать и как „мать“ („мут“ — „мать“ по-египетски). Наличие у изображений Мут двойной короны соединенного Египта объясняется ее положением как жены царя богов Амона-Ра.[6]

---

[1] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 27.

[2] Там же, стр. 36. В. С. Голенищев определил эту статуэтку как статуэтку Гора, однако аналогичная статуэтка Каирского музея № 38229 имеет надпись, которая называет данное божество Хонсу, как это и можно было ожидать судя по головному убору (см.: G. Daressy. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Statues de divinités. Le Caire, 1906, табл. XII, № 38229, стр. 65—66).

[3] Материал и литературу см.: H. Bonnet. Realexicon..., стр. 140—144; о символе Хонсу на его штандарте, о культе близнецов и царской плаценты см.: A. Blackman. The Pharaoh's placenta and the Moon-god Khons. JEA, v. III, 1916, стр. 235—249; G. Leeuw. The Moon-god Khon and the Kings placenta. JEA, v. V, 1918, стр. 64.

[4] О культе Амона-Ра см. гл. I, а также: K. Sethe. Amun und die Acht Urgötter von Hermopolis. Abhandl. d. Preuss. Akad. d. Wissensch. Phil Hist. Klasse, 1929, № 4; G. Wainwright. 1) The aniconic form of Amon in the New kingdom. Annales, v. XXVIII, 1928, стр. 175; 2) Amun's sacred object at Thebes. Annales, т. XLII, 1943, стр. 183—185. Обзор материала и литературу см.: H. Bonnet. Realexicon..., стр. 31—37.

[5] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 2.

[6] H. Bonnet. Realexicon..., стр. 491—494.

Таблица XV

1 — статуэтка: богиня Сатит. Бронза. Выс. 17.7 см. Гос. Эрмитаж, № 18500.

Сатит изображена в виде женщины, одетой в плотно облегающее платье. Левая рука протянута вперед и держала посох, в опущенной правой руке был знак жизни „анх". На голове Сатит надета корона Южного Египта с уреем, увенчанная солнечным диском и обрамленная рогами газели; на шее надето ожерелье. VII в. до н. э.

Сатит почиталась на юге Египта, на о. Элефантине (возможно, еще раньше на о. Сехель, по-египетски — Сатет) вместе с богом Хнумом и богиней нильских порогов Анукет. Головной убор Сатит в виде короны Южного Египта и рогов газели указывает, с одной стороны, на то, что Сатит некогда занимала видную роль среди южноегипетских божеств (ср. Тексты Пирамид, § 439), а с другой стороны, на то, что в основе ее образа лежало древнейшее поклонение газели. Сатит, подобно ряду богинь, считалась дочерью бога солнца Ра (отсюда — диск солнца на короне), его защитницей, а равно и защитницей фараонов (что, возможно, стоит в связи с ее древним господствующим положением). Впоследствии Сатит на юге была сопоставлена со звездой Сотис, повсеместно сопоставлявшейся в Египте с Исидой; основанием для такого местного сопоставления послужило, очевидно, сходство роли Сатит как богини района нильских порогов и роли звезды Сотис, считавшейся подательницей благодатного нильского наводнения, поскольку восход Сотис возвещал начало разлива Нила.[1]

2 — статуэтка: богиня Хатор. Бронза. Выс. 15.2 см. Гос. Эрмитаж, № 18494.

Хатор изображена стоящей с опущенными вниз руками. На ее голове надет полосатый платок, урей и убор в виде музыкального инструмента — систра. VII в. до н. э.

Как у большинства египетских божеств, в образе Хатор прослеживаются различные этапы развития религиозных представлений. В древнейшие времена Хатор почиталась в виде коровы: об этом говорят отдельные элементы ее изображений уже в образе женщины — коровьи рога, а иногда и уши. Местами Хатор вообще продолжала и в рабовладельческом Египте почитаться просто в облике коровы. Так, на западном берегу Нила, в Фивах, в пещерной молельне Хатор ее культовая статуя изображала корову. Поскольку в Египте существовало представление о небе-корове (см. стр. 14), неудивительно, что в культе Хатор явно прослеживаются черты богини неба. В то же время ритуал Хатор сохранил элементы древнего фетишистского культа: видимо, некогда Хатор чтили в виде круглого столба, который был украшен двумя обращенными в разные стороны головами Хатор (сначала — коровы, затем — женщины с рогами и ушами коровы). Такой столб сохранялся как объект поклонения в главном центре культа Хатор — городе Дендера; ту же форму сохраняли и ручки посвященного Хатор музыкального инструмента — систра. В Дендера Хатор считалась женой Гора Эдфусского, который имел там свой храм и статую которого ежегодно привозили сюда из Эдфу для свидания с Хатор. В свою очередь статую Хатор возили из Дендера в Эдфу.

Как богиня-корова Хатор была и подательницей плодородия. С этой ее чертой связано и представление о Хатор — богине дерева: Хатор является то „владычицей финиковой пальмы", то „госпожой сикоморы". Чаще всего именно Хатор выступает из ветвей сикоморы загробного мира и поит души умерших живительной водой. Как многие египетские богини, Хатор считалась дочерью Ра, его Оком. Местами ее культ сливался с культами Тефнут и Сохмет.[2]

3 — статуэтка: бог Онурис. Бронза. Выс. 13.8 см. Гос. Эрмитаж, № 187.[3] Онурис изображен идущим. В руках он держал копье. На Онурисе надет панцырь,[4] на голове — пучок из четырех страусовых перьев. XIII в. до н. э.

Онурис — бог го́рода Тиса, столицы VIII верхнеегипетского нома, где он считался творцом вселенной. Однако общеегипетские сказания рисуют образ Онуриса, с одной стороны, как бога-покровителя охоты и войны, с другой — как божество солнца и неба. В иконографии Онуриса, равно как и в текстах, отчетливо подчеркнут его воинственный характер. В мифах Онурис чаще всего выступает как солнечный змееборец; он помогает Ра в борьбе с Апопом (стр. 32) и Гору Эдфусскому в борьбе с Сетом. Существовали и другие сказания, связанные с Онурисом. Так, по одной легенде он заставляет Гора вернуть Ра его лунный глаз, по другому, более распространенному, — Онурис, сопоставленный в данном случае с Шу, возвращает с помощью Тота Око бога Ра, богиню Хатор-Тефнут, в гневе удалившуюся из Египта в Нубию (стр. 49).

---

[1] G. Roeder. Satis und Sotis. AZ, Bd. XLV, 1908—1909, стр. 22. — H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 670—671.

[2] H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 277—282.

[3] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 21.

[4] Египетские воины носили кожаные панцыри с бронзовыми пластинками.

Сопоставлению Онуриса и Шу могло способствовать то, что и Онурис также почитался в паре с богиней-львицей Мехит, как Шу в паре с львицей Тефнут. Широко распространенное в Египте сказание об уходе Тефнут в Нубию и ежегодные всенародные празднества в честь ее возвращения в Египет привели к тому, что в разных местах богини-львицы сливались с образом Тефнут.[1]

Таблица XVI

1 — статуэтка: бог Бэс. Фаянс бирюзовый. Выс. 3.9 см. Гос. Эрмитаж, № 449.[3]

Бэс изображен в виде звероподобного существа с бородой и гривой, пляшущим и ударяющим в бубен. XIV в. до н. э

2 — статуэтка: бог Шу. Фаянс светлоголубой. Выс. 4.1 см. Гос. Эрмитаж, № 124.[2]

Шу изображен стоящим на одном колене с поднятыми вверх руками; на его голове — полосатый платок и солнечный диск с уреей. VIII в. до н. э.

По гелиопольскому сказанию о сотворении мира Шу — бог воздуха, сын творца вселенной Атума (см. стр. 24 и перевод гелиопольского сказания о сотворении мира, стр. 83). Согласно мифу, Шу отделил небо от земли, подняв на руках богиню неба Нут; поэтому Шу и изображали с поднятыми руками, как бы поддерживающими небесный свод. Как спутник и защитник своего отца, Атума-Ра, Шу приобретает характер солнечного змееборца, причем его образ сливается с образом Онуриса (см. описание табл. XV, *3*).

3 — статуэтка: бог Бэс. Фаянс бирюзовый и зеленый. Выс. 3.6 см. Гос. Эрмитаж, № 450.[4]

Бэс изображен так же, как и в предыдущем случае, с той разницей, что его голова повернута назад. XIV в. до н. э.

В основе образа Бэса лежат черты божества, отгоняющего злых духов, змей, скорпионов, противостоящего „дурному глазу“. Бэс прогоняет злые силы своими гримасами, шумом ударов своего бубна, устрашает их острыми ножами, которые он держит в руках. В то же время Бэс — покровитель плодородия, помощник рожениц. Все эти черты способствовали тому, что египтяне носили статуэтки Бэса как амулеты, изображали его на предметах бытовой обстановки — кроватях, подголовниках, ручках зеркал. Бэс почитался и как божество пляски и музыки. Культ Бэса имел широкое распространение в народных массах. На ряде празднеств часть участников торжественных шествий, одетых Бэсами, плясали и били в бубны, как это бывало, например, на празднике возвращения Хатор-Тефнут из Нубии (стр. 47). И по своему образу, и по функциям Бэс часто смешивался с аналогичными демонами (Аха, Хит). Культ Бэса, с древних времен возникший в Египте, с XV в. до н. э. получил широкое распространение в Передней Азии.[5]

Таблица XVII

1 — статуэтка: бог Бэс. Бронза. Выс. 23.6 см. Гос. Эрмитаж, № 18337. Бэс изображен приседающим; на его голове убор из перьев. В ухе — отверстие для серьги. Часть хвоста утрачена. VIII в. до н. э.

2 — статуэтка: павиан. Известняк. Выс. 7.8 см. Гос. Эрмитаж, № 578.[6] X в. до н. э.

Павиан (кинокефал) — обезьяна, считавшаяся священным животным бога письма и мудрости Тота (см. описание к табл. XIX, *2*). Почитание павиана восходит к древнейшим временам. Как священное животное бога письма, павиан изображался на письменных приборах, водяных часах, весах. Радостные крики, которые испускают павианы при восходе солнца, дали повод египтянам связать павиана с солнечным культом, и памятники сохранили нам много изображений павианов, приветствующих солнечного бога. С другой стороны, по своей связи с Тотом, который был и лунным божеством, павиан также был сопоставлен с почитанием луны. Поэтому на статуях обезьян изображается иногда нагрудное украшение с лунной ладьей. Павиан был связан и с заупокойным культом: он считался одним из стражей врат преисподней;

---

[1] H. Junker. Die Onuris-legende. Denkschr. der Akad. der Wissensch. in Wien, Bd. 59, Wien, 1917.

[2] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 13.

[3] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 49.

[4] Там же, стр. 50.

[5] Литературу см.: H. Bonnet. Realexicon. . ., стр. 685—689, а также: G. Jéquier. Notes et remarques, № XXIV. Nature et origine du dieu Bès, Recueil, t. XXXVII, 1915, стр. 114—118; B. Bruyère. Le culte de Bes, de Taourt et d'Hathor. Rapport sur les fouilles de Deir el Médineh (1934—1935). Le Caire, 1939, стр. 93—108.

[6] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 67.

павианы иногда тянут ладью солнечного бога во время его ночного путешествия по преисподней и т. п.[1] Памятники показывают, что дрессированные обезьяны участвовали в различных религиозно-драматических представлениях и что, с другой стороны, в таких представлениях участвовали и жрецы, одетые обезьянами и исполнявшие соответствующие мифологические роли.[2]

Таблица XVIII

1 — статуэтка: Гарпократ (егип. Гор-па-херду — „Гор-младенец“). Бронза. Выс. 38.5 см. ГМИИ, № 6070. Белки глаз инкрустированы золотом. VII в. до н. э.

Гарпократ изображен нагим ребенком, в двойной короне обоих Египтов с уреем и спускающимся на правое плечо „локоном юности“ (см. описание табл. XIII, *1*). Палец правой руки поднесен к губам — обычный жест на изображениях божеств-младенцев. На базе — посвятительная молитва о даровании жизни Педиамону. Статуэтка является выдающимся образцом по высокому качеству работы, размерам и великолепной сохранности.

2 — статуэтка: дух города Пе. Бронза. Выс. 24.2 см. ГМИИ, № 5582. XIII в. до н. э.

Дух города Пе изображен в виде человека с головой сокола, одетого в шендит, с ожерельем на шее и полосатым платком на голове.

Пе — часть древнего города Буто (VI нижнеегипетский ном), некогда бывшего главным городом Северного Египта до образования в долине Нила единого государства. Духами города Пе называли почитавшихся здесь древних правителей Буто. Они изображались в виде людей с головами соколов, подобно богу Гору, считавшемуся их отцом. Соответственно духам Пе на юге, в древней столице Южного Египта, городе Нехене, почитались духи Нехена, изображавшиеся в виде людей с головами волков по образу бога Вепуата (см. описание к табл. VI, *2*). При различных празднествах жрецы в масках соколов и волков изображали духов Пе и Нехена. Они несли носилки, на которых находились статуи божеств (табл. XXVII) или сидел фараон, сопровождали последнего во время обрядов, приветствовали его, поднимая одну руку и ударяя другой рукой в грудь, и т. д.[3]

Таблица XIX

1 — статуэтка: бог Анубис. Бронза. Выс. 14 см. Гос. Эрмитаж. № 361.[4] VII в. до н. э.

Анубис изображен в виде человека с головой шакала, одетого в шендит, на его шее — ожерелье, на голове — полосатый платок. В правой руке он держит плеть, в опущенной левой руке был знак жизни „анх“. На базе — посвятительная молитва Анубису о египтянке Хапиирдиснести.

Анубис — древний бог мертвых, почитавшийся первоначально в образе шакала. Его культ слился в Абидосе с культом местного аналогичного по значению божества Хентиаментиу („Первого среди западных“, т. е. „Главы мертвых“), причем имя последнего стало эпитетом Анубиса. С конца Древнего царства Анубис уступает свое место главного божества мертвых Осирису и становится лишь одним из его постоянных спутников. Однако в заупокойных обрядах Анубис продолжает сохранять большое значение: так, жрец, изображавший Анубиса и носивший маску в виде головы шакала (табл. XXVI, *2*), играл видную роль в течение всего заупокойного ритуала (табл. XXVII).[5]

2 — статуэтка: бог Тот. Бронза. Выс. 15.2 см. Гос. Эрмитаж, № 337.[6]

Тот изображен в виде человека с головой ибиса. Он одет в шендит, на его голове полосатый платок. В протянутой вперед левой руке он держит посох, в опущенной правой руке был знак жизни „анх“. VII в. до н. э.

Основными местами культа Тота был XV нижнеегипетский ном и город Шмуну (греч. Гермополь), столица XVI верхнеегипетского нома. Тоту были посвящены ибис и павиан (табл. V, *2* и XVII, *2*). Возможно, что культ Тота сложился в итоге слияния различных древнейших культов. В рабовладельческом Египте Тот был богом

---

[1] H. Bonnet. Realexicon..., стр. 7—8.

[2] См. большой материал в работе И. М. Лурье: Элементы животного эпоса в древнеегипетских изображениях. ТОВЭ, т. 1, 1939, стр. 83—87, табл. XI—XVI; XX, *3*; XXVI, *1* и *3*; XXVII, *2*, а также главу IV настоящей работы и описания к табл. XXVI, XXVII.

[3] Литературу см.: H. Bonnet. Realexicon..., стр. 129—130.

[4] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 43—44.

[5] H. Bonnet. Realexicon..., стр. 40—45.

[6] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 41.

луны, мудрости, изобретателем письма, покровителем наук, летонсчисления, судопроизводства. С последней чертой связан эпитет Тота — „владыка истины“. Характерно, что в качестве жен Тота чаще всего выступают богиня истины Маат и богиня письма, покровительница кригохранилищ Сефхетабуи. Тот играл большую роль в заупокойных верованиях. Так, на загробном суде Осириса Тот выступает как писец богов, записывая решение суда (табл. XXIII).[1] С другой стороны, Тот считался владыкой могучих чар, исцелителем болезней (см. например, сказание „Исида и Гор в болотах Дельты“). Культ Тота имел большое значение в позднее время, о чем говорят и его эпитеты: „дважды великий“ и „трижды величайший“. Последний эпитет был перенесен и на Гермеса, с которым греки сопоставили Тота. Культ Тота и связанные с ним религиозно-философские учения имели большое значение в сложении „герметической“ литературы, а также для истории раннего христианства в Египте.[2]

Таблица XX

1 — статуэтка: бог Неферхотеп. Бронза. Выс. 24.5 см. Гос. Эрмитаж. № 184.[3] VII в. до н. э.

Неферхотеп изображен в виде человека, одетого в шендит, с ожерельем на шее и браслетами на руках. На его голове — короткий парик и двойная корона соединенного Египта с уреем. В опущенной правой руке был знак жизни „анх“, левая рука статуэтки утрачена.

Неферхотеп почитался в Фивах как божество, близкое к местному богу луны Хонсу, к имени которого „Неферхотеп“ („Прекрасный доволен“) часто присоединялось в качестве эпитета.[4]

2 — статуэтка:: Осирис-Ях. Бронза. Выс. 19.5 см. Гос. Эрмитаж, № 329.[5] VII в. до н. э.

Осирис-Ях изображен сидящим в образе человека, одетого в шендит; на его голове — полосатый платок, диск с полумесяцем и урей. Руки протянуты вперед; в правой руке был знак жизни „анх“, в левой — посох.

Ях („Луна“) считался божеством луны наряду с Тотом и Хонсу. Повидимому, его культ был особенно развит в Фивах. Ях часто изображался в смешанном образе — как Тот-Ях или Осирис-Ях.[6]

Таблица XXI

Осирис у пруда с деревьями и виноградной лозой. Часть Книги Мертвых, принадлежавшей царскому писцу Нахту. Британский музей, № 10471.[7] XV в. до н. э.

Слева на троне сидит Осирис, за ним стоит богиня истины Маат. Позади Маат видна гора фиванского кладбища, расположенного на западном берегу Нила. Наверху — руки богини, принимающей в свои объятия заходящее солнце. Перед троном Осириса — пруд, окруженный деревьями, среди которых растет виноградная лоза.[8] Справа от пруда — писец Нахт и его жена Туиу.

Таблица XXII

„Прорастающий Осирис“, деревянный плоский ящик в виде профильной фигуры Осириса. Выс. 1.525 м, глубина 0.6 см. Найден в гробнице фараона Харемхеба.[9] XIV в. до н. э.

Ящик, дно которого имеет много отверстий, наполнялся землей; в землю сеяли зерна, и поросшие злаки давали зеленый силуэт Осириса. Такой символизировавший воскресение „проросший Осирис“ помещался в гробницу в день погребения; при

---

[1] Тот выполняет те же функции и на суде богов, разбиравших спор Гора и Сета (см. стр. 119).

[2] Б. А. Тураев. Бог Тот... Лейпциг, 1898. — P. Boylan. Thoth, the Hermes of Egypt. London, 1922.

[3] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 20—21.

[4] H. Bonnet. Realexicon..., стр. 518—519.

[5] W. Golénischeff. Ermitage..., стр. 40.

[6] H. Bonnet. Realexicon..., стр. 355—356.

[7] E. Budge. Osiris and the egyptian resurrection, v. I. London, 1951, фронтиспис.

[8] О связи Осириса с растениями см. стр. 53 и сл.

[9] Th. Davis. The tomb of Harmhabi. London, 1912, табл. LXXXVIII, стр. 105.

этом ящик покрывали крышкой, на которой в легком рельефе был выполнен образ Осириса.[1]

Таблица XXIII

Суд Осириса. Часть папируса с записью Книги Мертвых, принадлежавшего писцу Несмину. Гос. Эрмитаж, № 3531. Дар В. С. Голенищева, IV в. до н. э.

Папирус является частью 125-й главы Книги Мертвых, содержащей изображение загробного суда бога Осириса и текст, в котором приведенная на суд душа перечисляет 42 греха, объявляя себя невинной и отрицая совершение указанных грехов в течение жизни на земле. Описание данного рисунка и характеристику суда Осириса и его значение см. на стр. 62.

Таблица XXIV

Поля блаженных. Часть того же папируса писца Несмина с текстом и рисунком 110-й главы Книги Мертвых, содержащей описание и изображение загробного пребывания души, оправданной на суде Осириса.

В среднем ряду рисунка показаны земледельческие работы, которые должны выполнять умершие на полях в загробном мире (см. стр. 63).

Таблица XXV

Обряд „отверзания уст". Часть папируса с записью Книги Мертвых, принадлежавшей писцу Ани. Британский музей.[2] XIV в. до н. э.

На рисунке изображена сцена из ритуала „отверзания уст", который совершался над умершим, прежде чем он был погребен. Справа видна гробница, увенчанная небольшой пирамидой. Перед входом в гробницу на тростниковой циновке стоит саркофаг, в котором находится мумия умершего писца Ани. Саркофаг сзади поддерживает жрец, исполняющий роль бога Анубиса; на его голове надета маска в виде головы шакала. Перед саркофагом, на коленях, вдова Ани оплакивает мужа. За ней — жертвенник с приношениями. Слева от жертвенника — группа жрецов, из которых два первых совершают самый обряд: один протягивает к лицу саркофага особую палочку с головой барана на конце, которой жрец должен коснуться губ саркофага, в другой руке он держит тесло для такого же действия; второй жрец, с шкурой, наброшенной на левое плечо, в правой руке держит сосуд, из которого он совершает возлияние на жертвы, а в левой — кадильницу, которую он протягивает к саркофагу. Третий, крайний слева, жрец держит в руках свиток с записью слов ритуала, которые он и произносит по ходу действия. Обряд „отверзания уст" по египетским верованиям возвращал умершему способность пить, есть, говорить, словом, оживлял его.

Таблица XXVI

1 — голова статуи бога Анубиса. Расписное дерево. Выс. 18 см. Лувр.[3] XIII в. до н. э.

Эта голова составляла часть статуи, которая, повидимому, приводилась в действие: нижняя челюсть подвижна, так как крючок, укрепленный в горле, позволял двигать челюстью шакала. Возможно, что челюсть статуи сдвигалась в то время, как скрытый вблизи жрец произносил соответствующие слова якобы от имени бога Анубиса.

2 — маска жреца в виде головы бога Анубиса. Глина. Музей в Хильдесгейме.[4] VIII в. до н. э.

По сторонам маски внизу сделаны выемки для плеч жреца. Отверстий для глаз нет; под нижней челюстью есть узкое отверстие для дыхания. Ср. рис. 41.

---

[1] Об изготовлении подобных предметов культа см.: N. Davis and A. Gardiner. The tomb of Amenemhêt. London, 1915, стр. 115.

[2] The book of the dead. The facsimile of the papyrus of Ani in the British Museum. 1894, London, табл. 6.

[3] Encyclopédie photographique de l'art. Les antiquités égyptiennes du Musée du Louvre. Paris, 1935, вып. 3, № 96.

[4] Klingbeil. Kopf, Masken- und Maskierungszauber in den antiken Hochkulturen. Berlin, 1935, табл. 27.

Таблица XXVII

Рельеф: процессия жрецов в масках. XII в. до н. э.[1]

На рельефе показана торжественная процессия во время выноса из храма культовой ладьи со статуей бога Амона-Ра в каюте. Ладья стоит на носилках, которые несут жрецы, изображающие духов города Пе (с головами соколов) и духов Нехена (с головами волков). Рядом с носилками идет фараон Рамсес II (см. стр. 162).

Таблица XXVIII

1 — статуэтка: свинья. Фаянс зеленоватый. Дл. 3 см. Гос. Эрмитаж, № 553.[2] VII в. до н. э.

Подобные статуэтки изображали богиню Нут в образе свиньи (см. перевод мифа о Нут в образе свиньи на стр. 87). Иногда бывают изображены и поросята. Такие статуэтки считались амулетами.

2 — рельеф: Исида и Гор в болотах Дельты. Оникс. 9,6 см × 8,8 см. ГМИИ, № 1844. II в. до н. э.

В центре рельефа изображена Исида с Гором на коленях; вокруг них заросли папируса, над которыми поднимается охраняющий Исиду и Гора урей. По сторонам зарослей — фигуры богов-охранителей с ножами в руках (две левые фигуры не сохранились). В центре наверху — отверстия для подвешивания рельефа (см. сказание „Исида и Гор в болотах Дельты").

Таблица XXIX

Стела с изображением бога Гора — победителя злых сил. Стеатит. Выс. 14 см. ГМИИ, № 4474. IV в. до н. э.

В центре стелы высоким рельефом изображена фигура Гора-младенца. Гор попирает ногами двух крокодилов, а в руках держит змей, скорпионов, льва и антилопу, т. е. таких пресмыкающихся и животных, которые или считались олицетворениями зла, или в действительности причиняли людям смерть. По сторонам Гора изображены как бы защищающие его божества: слева — на папирусе Гор Бехдетский в образе сокола в двойной короне, справа — символ бога Нефертума, лотос с перьями и украшениями менат. Над Гором, как бы охраняя всю стелу, видна большая голова бога Бэса, а на фоне стелы, вокруг фигуры Гора — изображения божеств и демонов-охранителей от злых сил. Таким образом, вся композиция стелы построена так, чтобы всемерно подчеркнуть значение Гора как божества, побеждающего зло с помощью других божеств, охраняющих его и помогающих ему в его борьбе против темных сил. Тексты на таких стелах содержат заговоры против укусов змей и скорпионов. Среди подобных заговоров встречаются и записи мифов (см. переводы сказаний „Исида и семь скорпионов" и „Исида и Гор в болотах Дельты").

Такие стелы обливали водой, которая считалась после этого целебной от укусов скорпионов и змей (см. стр. 144).[3] Хотя такие стелы обычно относятся к IV—I вв. до н. э., однако встречаются и более ранние образцы; почитание же Гора-младенца как спасителя от злых сил вообще восходит к широко распространенным в народных массах древнего Египта верованиям и связано с другими аналогичными культами богов „спасителей" и „исцелителей" например, бога Шед[4] и др.).

Таблица XXX

Рельеф: сцена из мистерий Гора в Эдфу. Рельеф высечен на внутренней стороне восточной стены храма.[5] О содержании данного эпизода см. стр. 134.

---

[1] K. Seele. The coregency of Ramses II with Seti I and the date of the great hypostyle hall at Karnak. The Orient. Inst. of the Univ. of Chicago Stud. in Ancient Orient. Civil., № 19, 1940, Dec. Chicago, стр. 22.

[2] W. Golénischeff. Ermitage. . ., стр. 65.

[3] Литературу о таких стелах и связанных с ними обрядах см. на стр. 144 и 145.

[4] G. Daressy. Une stèle du dieu Ched. Annales, т. 16, 1917, 175—177. — N. Davies. The god Shed in the 18 dynasty. AZ, т. 49, 1912, стр. 125. — G. Loukianoff. Le dieu Ched, l'évolution de son culte dans l'Ancienne Egypte. Bull. de l'Inst. d'Egypte, т. 13, Le Caire, 1931. — B. Bryère. Rapport sur les fouilles de Deir el Médineh (1935—1940). Fasc. III. Le Caire, 1952, стр. 138—170.

[5] E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 505.

Таблица XXXI

Рельеф: сцена из мистерий Гора в Эдфу. I в. до н. э. Рельеф высечен на внутренней стороне восточной стены храма.[1] О содержании данного эпизода см. стр. 137.

Таблица XXXII

Статуэтка: Гор в одеянии римского полководца. Бронза, Выс. 42 см. ГМИИ, № 2985. II в. н. э.[2]

Гор изображен в образе человека с головой кобчика. Он одет в одеяние и носит вооружение римского полководца. На его голове двойная корона объединенного Египта. В руках было копье.

Таблица XXXIII

Рельеф: Гор в образе римского всадника с головой сокола пронзает копьем крокодила, олицетворяющего Сета. Песчаник. Выс. 48 см. Лувр.[3]

---

[1] E. Chassinat. Edfou, XIII, табл. 514.

[2] М. М. Кобылина. Статуэтка римского полководца с головой кобчика. Сб. кружка по изуч. Древн. Востока при Гос. Эрмитаже, 1935, 2(9), стр. 50—53, табл. V. — В. В. Павлов. Египетская скульптура в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, стр. 89—91, табл. 60.

[3] Encyclopédie photographique de l'art, вып. 5, № 159.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ В ТЕКСТЕ

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории, М.
ГММИ — Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа, Л.
Annales — Annales du Service des Antiquités, Le Caire.
ÄZ — Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde, Leipzig.
BIFAO — Bulletin de l'Institut Francais d'archéologie orientale, Le Caire.
E. Chassinat. Edfou, VI и XIII — E. Chassinat. Le temple d'Edfou. Le Caire, t. VI, 1931; t. XIII, 1934.
A. Gardiner. Onomastica, Text, v. I—II — A. Gardiner. The ancient egyptian Onomastica, Text., v. I—II. Oxford, 1947.
JEA — Journal of Egyptian Archaeology, London.
JNES — Journal of Near Eastern Studies.
LD — R. Lepsius. Denkmaeler aus Aegypten und Aethiopien, 12, Bd., Berlin, 1849—1859.
E. Naville. Todtenbuch — E. Naville. Das aegyptische Todtenbuch der XVIII bis XX Dynastie. Berlin, 1886.
PSBA — Proccedings of the Society of Bibical Archeology, London.
Tr. SBA — Transactions of the Society of Biblical Archeology, London.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ МИФЫ

ПЕРЕВОДЫ МИФОВ

КОММЕНТАРИИ

Утверждено к печати
Музеем истории религии и атеизма
Академии Наук СССР

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
44	19 сверху	87 сл.),	89 сл.),
52	10—9 снизу	Osiride; k) Th. Hopfner.	Osiride: Th. Hopfner.
52	7 „	л) Диодор, гл. I.	к) Диодор, гл. I.
100	25 „	Брутто . . .	Буто. . .
111	9 „	И тогда он	И тогда они
116	7 „	повергнет	повергает
126	9 „	Солнем.	Солнцем.
128	21 „	чарами:	чарами!
131	1 „	Сазис.	Оазис.
148	1 „	[illegible]	[illegible]
149	3 сверху	Верховного	Верхнего
166	8 снизу	N. Davis	N. Davies
167	11 сверху	на стр. 87).	на стр. 86).
170	5 снизу	and egyptian	and the egyptian

М. Э. Матье.

J. H.

Утверждено к печати
Музеем истории религии и атеизма
Академии Наук СССР

Редактор *В. А. Браиловский*
Техн. редактор *А. А. Кирнарская*
Корректор *З. И. Савинова*

РИСО АН СССР № 100—81В. Подписано к печати 30/XI 1955 г. М 60402. Бумага 70×108$^1/_{16}$. Бум. л. 6$^1/_2$. Печ. л. 17,81. Уч.-изд. л. 15,88. Тираж 10000. Заказ № 299.
Цена 11 р.

1-я тип. изд.-ва АН СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12